

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
БЕЛОРУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

МИНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ
ИМЕНИ СВЯТИТЕЛЯ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

КАФЕДРА МИССИОЛОГИИ

**ЦЕРКОВНАЯ МИССИЯ И СВИДЕТЕЛЬСТВО
О ПРАВОСЛАВИИ
РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ВО ФРАНЦИИ
(1920-1970 гг.)**

Диссертация на соискание
ученой степени
кандидата богословия
иерея Николая Николаевича БАЛЮКА

Научный руководитель –
протоиерей Георгий РОЙ,
кандидат богословия.

Допустить к защите «__» _____ 2010 г.

Научный руководитель

Жировичи, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Духовная миссия внутри русской эмиграции.....	15
1.1. О духовном призвании русской эмиграции	16
1.2. Духовное состояние русской эмиграции в 20-30 гг. XX века.....	28
1.3. Обзор пастырско-миссионерской деятельности.....	48
1.3.1. Организация новых приходов и устройство храмов	50
1.3.2. Экономическое состояние приходов.....	58
1.3.3. Направления внутренней миссии и формы пастырского окормления Православной Церковью своих прихожан за рубежом.....	61
1.3.4. Организация православных братств и сотрудничество с молодежными объединениями	66
Глава 2. Сохранение преемственности и опыта русской богословской науки, духовности и ее развитие	76
2.1. Значение рассеяния для сохранения и развития русской богословской науки.....	77
2.2. Обзор направлений в богословской и религиозно-философской литературе эмиграции	88
2.2.1 Периодические издания «Путь», «Новый град», «Вестник РСХД» и их роль в развитии православной мысли	104
2.3 Свято-Сергиевский Православный Богословский Институт в Париже как духовно просветительский центр.....	112
ГЛАВА 3. Свидетельство о Православии – внешняя миссия русской эмиграции	131
3.1. Эмигрантское миссионерство.....	131
3.2. Участие в межхристианском диалоге, экуменическом движении как возможность свидетельства и взаимообогащения	141
3.3. Лекции и беседы о Православной Церкви, выступления хоров, с объяснением православного богослужения и выставки икон.....	160
Заключение.....	179
БИБЛИОГРАФИЯ.....	183

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Всестороннее рассмотрение истории русской эмиграции XX века после падения коммунистического режима в странах бывшего Советского Союза стало одной из наиболее актуальных тем русской церковно-богословской науки в силу неразработанности этой тематики в советское время. Актуальность данной проблемы и интерес к ней до сих пор не исчерпаны. До сего времени жизнь и деятельность русской церковной эмиграции, ее богословское наследие не подвергались детальному исследованию с точки зрения истории и богословия миссии Православной Церкви. Пастырско-миссионерская деятельность и свидетельство русской эмиграции на Западе являются наименее изученными вопросами в рамках проблематики по истории русской эмиграции.

В результате Октябрьской революции 1917 года и гражданской войны за пределами Российского государства в 20-е годы XX века оказалось около 2-х миллионов русских изгнанников. Административным решением органов советской власти в августе 1922 года из России была выслана большая группа ученых, писателей и деятелей культуры (так называемый „философский пароход“). Это событие увеличило общее число эмигрировавшей интеллигенции. Кроме того, образовался целый пласт церковной эмиграции, оказавшейся в инославном мире. По своим масштабам это событие не имело аналогов в истории Русской Православной Церкви.

Изгнанники стояли перед выбором: либо принять другое мировоззрение и постепенно раствориться в чужих традициях и иной культуре, либо духовно переосмыслить происшедшие события в России, собраться воедино и влиться в духовную жизнь Запада на правах представителей Православия, активно участвовать в происходящих процессах и богословских дискуссиях, в то время когда в самой России Церковь была угнетаема богоборческой властью. Большинство русских церковных деятелей, богословов, религиозных мыслителей, выехавших за границу, пошло по второму пути. Такое присутствие постепенно начинает играть важную роль в деле православного свидетельства.

На церковную эмиграцию была возложена духовная миссия: именно Православная Церковь стала центром духовной жизни наибольшей части Русского Зарубежья. Православная вера и Православная Церковь явились тем объединяющим началом, которое позволило сплотить духовно разобщенных людей, сформировать периодические издания религиозного направления, благотворительные инициативы, учебные заведения, многочисленные молодежные организации. Обращение к религии для многих эмигрантов явилось источником утешения и внутренней духовной силы, необходимой для того, чтобы пережить лишения, тяготы изгнания и заполнить пустоту после утраты прежних идеалов.

Эмигранты, несмотря на разобщенность и трудности социально-экономического положения, продолжали вести творческую активную жизнь, возродили духовную жизнь, сохранили свою культуру, которая, что очень важно, явилась продолжением культуры дореволюционной. Анализируя служение православных пастырей, деятельность богословов и религиозных мыслителей эмиграции, обоснованно можно рассматривать их изгнание за рубеж как событие, имевшее огромное значение для свидетельства о Православии в западном инославном мире. Лучшие представители эмиграции, становясь свидетелями Православия на Западе, познакомили западных христиан с православной апостольской традицией, участвовали в движении воссоединения христиан. Через знакомство с представителями русской церковной эмиграции многие западные христиане заново открыли для себя христианство в его апостольской форме. Православные эмигранты способствовали установлению атмосферы любви и взаимоуважения в формировавшемся межхристианском диалоге. Они не только сохранили церковную науку, но развивали ее на Западе, основав богословскую школу – Свято-Сергиевский Богословский Институт.

В настоящее время в условиях глобализации среди христиан на разных уровнях возникает тесный диалог, что дает возможность свидетельства о

Православии. Богословы русской эмиграции оказались в подобных условиях несколькими десятилетиями раньше, поэтому их опыт сегодня как никогда актуален. Обращение к богословскому и пастырско-миссионерскому наследию эмиграции, осмысление результатов этой работы может помочь в решении проблем развития современной миссии нашей Церкви. Опыт пастырско-миссионерской деятельности эмиграции, выработанные ими методы работы могут применяться в практике приходов Русской Православной Церкви как в диаспоре, так и на самой канонической территории нашей Церкви.

Цель и задачи работы.

Цель данной работы – изучить *церковную миссию и свидетельство о Православии русской эмиграции на примере Франции.*

Для достижения указанной цели ставятся следующие задачи:

1. Разделить церковную миссию русской эмиграции в соответствии с ее внутренними и внешними задачами;
2. Выяснить отношение эмигрантов к своему духовному призванию, их понимание духовной миссии и свидетельства;
3. Изучить внутреннюю миссию русской эмиграции, ее предпосылки, формы и результаты;
4. Определить суть охранительной миссии русской эмиграции;
5. Выяснить причины и условия развития русской богословской науки за рубежом, оценить ее вклад в богословское и религиозно-философское наследие;
6. Рассмотреть деятельность парижского Свято-Сергиевского Богословского Института как духовно-просветительского центра Православия за рубежом и его роль в деле православного свидетельства;
7. Изучить внешнюю миссию как особую заслугу русского рассеяния на Западе.

Предметом изучения данной работы является церковная миссия и свидетельство о Православии русской эмиграции во Франции.

Объектом изучения являются религиозные и культурные процессы, имевшие место в процессе становления эмиграции как единой части русского православного общества в изгнании.

В данном исследовании миссия русской эмиграции разделена на, во-первых, *духовную миссию* внутри самой эмиграции; во-вторых, *охранительную миссию*, сохранение преемственности опыта православной духовности и русской богословской науки и ее развитие; в-третьих, *внешнюю миссию или свидетельство* Православной Церкви в окружающем мире. Сама последовательность такого деления имеет особое значение, которое корнями уходит в православное понимание миссии.

Миссия Церкви невозможна без внутреннего порядка, без необходимого духовного стержня. В противном случае, миссия становится не результатом самовыражения внутренней природы Церкви, а лишь одним из перефирийных видов социальной деятельности, что зачастую характерно для истории западно-христианского миссионерства. Поэтому в первую очередь в исследовании рассматривается именно духовная миссия внутри самой эмиграции. Призыв к духовному созиданию эмиграции постоянно звучал на страницах журналов «Путь», «Новый Град», «Вестник Русского Студенческого Христианского Движения» и других вестниках церковной жизни всех юрисдикций. Православная миссия с первых веков христианства строилась на подлинно церковном опыте. Такая проповедь являет собою характерную особенность восточно-православного миссионерства, в отличие от католического, протестантского, ориентированного зачастую главным образом на цивилизаторские и культуртрегерские цели.

Но одной внутренней миссии не достаточно для полноценного православного свидетельства. В эмиграции была основана духовная школа, свой богословский центр – необходимое поле для деятельности богословов и

религиозных мыслителей, место встреч и дискуссий с западными христианами. Без этих двух предпосылок православное свидетельство не было бы полноценным, оно исчерпало бы себя уже на первых порах, не смогло бы быть убедительным в новых условиях. Поэтому возникает потребность в охранительной миссии: представители церковной эмиграции, сохраняя преемство с дореволюционной церковной наукой, развивали ее на Западе.

В истории русского богословия произошло уникальное событие – впервые за многие столетия лучшие представители наших богословских школ попадают в самый центр западного мира, выполняя внешнюю миссию. В Париже и в других центрах русской эмиграции богословы, философы и церковные деятели, которые как прямо, так и косвенно свидетельствовали своей жизнью и деятельностью о Православии, знакомили западных христиан с Русской Православной Церковью, ее традицией, участвовали в движении единения христиан.

Хронологические рамки исследования включают период с 1920 по 1970 годы. 1920 год является годом массового выезда из пределов Российского государства, поэтому считается началом эмиграции. Верхней датой является 1970 год. Именно в этот период с 1920 по 1970 годы, то есть 50 лет существования эмиграции, произошли наиболее важные процессы: становление эмиграции как единой духовной силы, осознание своей миссии, участие в зарождении экуменического движения. Расцвет церковной деятельности эмиграции относится к периоду до второй мировой войны. Послевоенное время воспитало новое поколение активных преемников духовной миссии эмиграции. Второй причиной, по которой 1970 год был выбран крайним, является и тот факт, что 22 января 1971 года бывший церковный удел митрополита Евлогия (Георгиевского) – Западно-Европейский Экзархат, имея возможность перехода в юрисдикцию Матери Церкви, вновь перешел под руководство Константинопольского Патриархата. С этого момента то, что к тому времени называлось уже Русской Архиепископией в Западной Европе приобретает все

более и более многонациональный характер и специфика духовной миссии именно национально русской эмиграции постепенно заменяется стремлением создания общей Западноевропейской Поместной Православной Церкви.

Географические рамки работы ограничиваются Францией как центром эмиграции с ее столицей Парижем – местом основания Свято-Сергиевского Богословского Института.

Научная новизна исследования состоит в том, что в ней впервые всесторонне представлен анализ пастырско-миссионерской деятельности и миссионерского свидетельства русской эмиграции. Это первое исследование, в котором церковная миссия выделена как особое направление в деятельности русской эмиграции.

Научно-практическая значимость. Результаты исследования могут в дальнейшем применяться преподавателями и студентами в рамках курса „Миссиология“, в пастырско-миссионерской деятельности.

Историография и источниковая база работы.

Историография религиозной и культурной истории русского зарубежья обширна и многогранна. Учитывая значительный объем научного наследия, целесообразным представляется остановиться на работах, которые, имеют важное теоретическое и практическое значение для изучения миссии и свидетельства русской эмиграции. Все многообразие историографического наследия по истории русской эмиграции традиционно делится на источники и литературу, которые можно объединить вокруг нескольких важных направлений.

Источники исследования делятся на несколько групп. К **первой группе** относятся воспоминания активных деятелей русского зарубежья – как тех, кто выехал из России, так и тех, кто вырос уже в эмиграции, а также тех людей, кто встречался с эмигрантами. Наиболее известными и значимыми для работы являются воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского)¹, Н. М. и М. В.

¹ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. – Париж: YMCA-PRESS, 1947. – 677 с.

Зерновых², Н. Бердяева³, протоиерея Сергия Булгакова⁴, протоиерея Василия Зеньковского⁵, П. Е. Ковалевского⁶, священника Александра Ельчанинова⁷, митрополита Вениамина (Федченкова)⁸, монахини Марии (Скобцовой)⁹, архимандрита Киприана (Керна)¹⁰, Н. А. Струве¹¹, Митрополита Антония (Блюма)¹², Митрополита Питирима (Нечаева)¹³ и некоторых других. Среди них особое место занимают „Хроника семьи Зерновых (1921-1972)“, „Закатные годы. Эпилог хроники семьи Зерновых“, „На Переломе. Три поколения одной московской семьи. Хроника семьи Зерновых (1812-1921)“. В этих книгах запечатлены воспоминания членов семьи Зерновых и их друзей, в них были опубликованы уникальные исторические документы и фотографии. Воспоминания позволяют изучить отношение эмиграции к своему призванию. Очень важными являются воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), духовного руководителя церковной эмиграции во Франции. Они позволяют изучить духовную атмосферу, проблемы, поставленные задачи. Владыка Евлогий в воспоминаниях дает оценку происходящим событиям. В исследовании особое место занимают воспоминания ныне живущих представителей эмиграции, преподавателей Свято-Сергиевского Богословского Института: протоиерея Бориса Бобринского, который занимал пост декана Института, и протоиерея Николая Озолина, инспектора духовной школы. Ими были предоставлены необходимые консультации по данному исследованию.

² На Переломе. Три поколения одной московской семьи. Хроника семьи Зерновых (1812-1921) / Ред. Зернов Н. – Париж: YMCA-PRESS, 1970. – 478 с.; За рубежом: Белград - Париж – Оксфорд. Хроника семьи Зерновых (1921-1972) / Ред. Зернов Н., Зернова М. В. – Париж, 1973. – 561 с.; Зернов Н. Закатные годы. – Париж: YMCA-PRESS, 1981. – 178 с.;

³Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). – М.: Международные отношения, 1990. – 336 с.

⁴Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. – Париж: YMCA-PRESS, 1946. – 150 с.

⁵Зеньковский В., протоиерей. Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.). Воспоминания. Материалы по истории Церкви. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1995. – 239 с.

⁶Ковалевский П. Е. Дневники. 1918 – 1922. – Т. I. – СПб.: Европейский дом, 2001. – 574 с.

⁷Ельчанинов А., священник. Записи / ред. Алешин Е., Ельчанинова Т. – М.: Отчий дом, 2004. – 251 с.

⁸Вениамин (Федченков), митрополит. Россия между верой и безверием. – М.: РДКН, 2003. – 624 с.

⁹Мария (Скобцова), монахиня. Воспоминания, статьи, очерки. – Т. I. – Париж.: YMCA-PRESS, 1992. – 332 с.

¹⁰Киприан (Керн), архимандрит. Воспоминания. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2002. – 192 с.

¹¹Струве Н. А. Православие и культура. – М.: Русский путь, 2000. – 335 с.

¹²Антоний (Блум), митрополит Суражский. Труды: В 2-х кн. – Кн. 2. – М.: Практика, 2007. – 986 с.

¹³Питирим (Нечаев), митрополит. Воспоминания. Русская эмиграция / Православие [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: www.pravoslavie.ru/put/1122123113.htm. – Дата доступа: 12.05.2009.

Вторую группу источников составляют непосредственно труды и публикации церковных деятелей, богословов, религиозных мыслителей. Необходимо отметить статьи и работы Н. Бердяева¹⁴, протоиерея Сергия Булгакова¹⁵, протоиерея Василия Зеньковского¹⁶, Н. С. Арсеньева¹⁷, протоиерея Александра Шмемана¹⁸, протоиерея Иоанна Мейендорфа¹⁹, митрополита Антония (Блюма)²⁰ и других.

Третью группу источников составляют статьи из периодических изданий, отражавшие жизнь и деятельность эмиграции, насущные проблемы и взгляды. К ним относятся журналы «Путь», «Новый град», «Вестник Русского студенческого христианского движения» (с 1974 г. - «Вестник Русского христианского движения»), „Церковный Вестник Западно-Европейской Епархии“, „Церковный Вестник Западно-Европейского Православного Русского Экзархата“, „Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата“, „Вестник Церковной Жизни (Машинопись)“, „Православная Мысль. Труды Православного Богословского Института в Париже“.

Четвертая группа источников - это архивные материалы Свято-Сергиевского Института в Париже, Личные Архивы протоиерея Бориса Бобринского и протоиерея Николая Озолина.

¹⁴ Бердяев Н. Вселенскость и конфессионализм / Христианское воссоединение. Экуменическая проблема в православном сознании. Сб. ст. – Париж: YMCA-PRESS, 1933. – С. 63–81; Бердяев Н. А. Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал “Путь” (к 10-летию журнала “Путь”) // Путь. – 1935. – № 49. – С. 3–22; Бердяев Н. Истина Православия // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. – 1952. – №11. – С. 7–8.

¹⁵ Булгаков С. Н. Об особом религиозном призвании нашего времени // Духовный Мир Студенчества (оттиск из журнала). – 1923. – №3. – 7 с.; Булгаков С., протоиерей. Путь Парижского Богословия. – М.: Издательство храма святой мученицы Татианы, 2007. – 560 с.

¹⁶ Зеньковский В., протоиерей. Духовно-воспитательная работа Богословского Института // Вестник русского христианского движения. Париж-Нью-Йорк-Москва. – 1985. – Trimestriel III. – №145. – С. 253–254; Зеньковский В., протоиерей. Зарождение РСХД в эмиграции // Вестник РХД. Париж-Нью-Йорк-Москва. – 1993. – № 168. – С. 83–84.

¹⁷ Арсеньев Н. Единый поток жизни. К проблеме единства христиан. – Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1973. – 271 с.; Арсеньев Н. Проблемы церковного единения. Православие, католичество, протестантизм. – Париж: YMCA-PRESS, 1930. – 175 с.; Арсеньев Н. Работа смешенной богословской комиссии по вопросу о сближении Англиканской и Православной Церквей. – Варшава: Синодальная типография, 1932. – 24 с.; Арсеньев Н. Дары и встречи жизненного пути. – Франкфурт/Майн: Посев, 1974. – 308 с.; Арсеньев Н. О современном положении христианства. – Варшава: Синодальная типография, 1927. – 15 с.

¹⁸ Шмеман А., протоиерей. За жизнь мира. – Нью-Йорк, 1983. – 103 с.; Шмеман А., протоиерей. Проповеди и беседы. – М., 2000. – 206 с.; Шмеман А., протоиерей. Церковь, мир, миссия: Мысли о православии на Западе. – М.: Свято-Тихоновский богословский институт, 1996. – 267 с.

¹⁹ Мейендорф И., протоиерей. Православие и современный мир. – Мн.: Лучи Софии, 1995. – 210 с.

²⁰ Антоний (Блум), митрополит Сурожский. Труды: В 2-х кн. – Кн. 2. – М.: Практика, 2007. – 986 с.

Касательно нашей темы четкую грань между источниками и историографической литературой провести трудно, так как большинство работ являются с одной стороны источниками (их авторы писали о современности, иногда с историческими пояснениями), а с другой стороны это историография (они поднимали определенную проблему и исследовали ее).

В процессе работы над данным исследованием была использована обширная **историографическая литература**. Одними из первых и наиболее крупными исследователями истории, мировоззрения и творчества русской эмиграции русского зарубежья были П. Е. Ковалевский²¹ и Н. М. Зернов²². Ими была проделана значительная работа по собиранию материалов о русской эмиграции. На основании их трудов был написан ряд позднейший исследований. Особенное значение имеют два выпуска книги П. Е. Ковалевского «Зарубежная Россия», фундаментальное исследование Н. М. Зернова «Русское религиозное возрождение XX века», и библиографический словарь «Русские писатели эмиграции».

П. Е. Ковалевский в своем труде дал широкий очерк жизни русского зарубежья. В его трудах имеется исторический обзор деятельности различных религиозных и культурных организаций русской эмиграции, дана оценка деятельности русских эмигрантов практически во всех сферах. Следует также назвать книги „Эмиграция и репатриация в России“²³, в которой затрагиваются вопросы духовного опыта русской эмиграции, а главная миссия понимается в обретении столь уникального опыта, который нельзя было получить иным путем, и „Миссия русской эмиграции“²⁴, в которой Назаров М. В. пытается проанализировать разные миссии русской эмиграции. В книге американского

²¹ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). – Париж: Librairie des Cinq Continents, 1971. – 347 с.; Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск. – Париж: Librairie des Cinq Continents, 1973. – 147 с.; Ковалевский П. Е. Исторический Путь России. Синтез русской истории по новейшим данным науки. – Ч. 1. – Париж, 1946. – 95 с.

²² Зернов Н. Русские писатели эмиграции: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, истории Церкви и православной культуре. – Бостон, 1973. – 182 с.; Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. – Париж.: YMCA-PRESS, 1974. – 382 с.

²³ Эмиграция и репатриация в России / Ред. В. А. Ионцев, Н. М. Лебедева, М. В. Назаров, А. В. Огороков. – М.: Попечительство о нуждах Российских репатриантов, 2001. – 490 с.

²⁴ Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. – М.: Родник, 1994. – 416 с.

исследователя М. Раева «Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919-1939 гг.»²⁵, которая является одним из наиболее фундаментальных исследований проблем культурной деятельности русского зарубежья, существует специальная глава «Царство Божие внутри нас есть: Церковь и религия в диаспоре», в которой автор анализирует особое значение Церкви в русском зарубежье.

Стоит отметить некоторые исследования религиозно-философского творчества и культурной деятельности русского зарубежья приближенные к тематике нашего исследования и к исследованию деятельности круга лиц, связанных с русской церковной эмиграцией. А. Аржаковский в своей диссертации «Журнал «Путь» (1925-1940): Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции»²⁶, опубликованной в Киеве на русском языке затрагивает некоторые стороны духовной жизни эмиграции, раскрывает значение журнала «Путь». Н. Полторацкий²⁷ анализируя философию истории России у Н. А. Бердяева затрагивает и русское изгнание.

Отдельную группу составляют исследования, посвященные жизни и деятельности некоторых деятелей русского зарубежья, к примеру: преподобномученицы матери Марии (Скобцовой)²⁸, митрополита Антония (Храповицкого)²⁹.

В ходе исследования была также использована литература на иностранных языках: труд протоиерея А. Князева „Свято-Сергиевский Институт, от былой Академии к современной славе“³⁰, материалы первого международного

²⁵ Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции, 1919-1939 / пер. с англ. А. Ратобильской. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – 295 с.

²⁶ Аржаковский А. А. Журнал Путь (1925-1940): Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции. – Киев: Феникс, 2000. – 665 с.

²⁷ Полторацкий Н. Бердяев и Россия. Философия истории России у Н. А. Бердяева. Общество Друзей Русской Культуры. – Нью-Йорк, 1967. – 241 с.

²⁸ Гаккель С., протоиерей. Мать Мария (1891-1945). – Париж: YMCA-PRESS, 1992. – 180 с.

²⁹ Сулаков А., иерей. Богословские воззрения Блаженнейшего Антония (Храповицкого), Митрополита Киевского и Галицкого. – Диссертация ... кандидата богословия. – Жировичи, 2008. – 190 с.

³⁰ Kniazeff A. L'Institut Saint-Serge. De l'Académie d'autrefois au rayonnement d'aujourd'hui. – Paris: Beauchesne, 1974. – 148 p.

симпозиума, посвященного третьему тысячелетию христианства³¹, материалы междисциплинарного и экуменического симпозиума в городе Галле в Саксании³² и некоторые другие публикации³³.

Структура работы. Исследование состоит из введения, трех глав и заключения. Общий объем работы составляет 180 страниц, общее количество использованных источников и исследований – 173. Деление основной части работы на три главы было обусловлено указанным разделением духовной миссии русской эмиграции.

В первой главе: „Духовная миссия внутри русской эмиграции“ рассмотрены: духовное призвание эмиграции, духовное состояние эмиграции в 20-30 гг. XX века; пастырско-миссионерская деятельность (организация новых приходов и необходимость устройства храмов, экономическое состояние приходов, формы окормления Православной Церковью своих прихожан за рубежом, организация православных братств и сотрудничество с молодежными объединениями).

Во второй главе: „Сохранение преемственности опыта православной духовности и русской богословской науки и ее развитие“ раскрыто значение рассеяния для сохранения и развития русской богословской науки; дан обзор направлений в богословской и религиозно-философской литературе эмиграции; рассмотрены периодические издания «Путь», «Новый град», «Вестник РСХД» и их роль в развитии православной мысли; проанализирована деятельность Свято-Сергиевского Богословского института в Париже как духовно просветительского центра.

³¹ Auf dem Weg ins dritte Jahrtausend. Beitr'ge des Ersten Internationalen Symposions zum dritten christlichen Jahrtausend, Novgorod, 20-25 may 1998, Regensburger Ostkirchliches Institut. – Regensburg, 1998. – 302 s.

³² Tausend Jahre Taufe Russlands. Russland in Europa. Beiträge zum Interdisziplinären und Ökumenischen Symposium in Halle (Saale), 13-16 April, 1988 / Hrsg. Hermann Goltz unter Mitarbeit von Axel Meißner und Peter Weniger. – Halle: Evangelische Verlagsanstalt. – 822 s.

³³ Russische Emigration im 20 Jahrhundert. Literatur – Sprache – Kultur / Frank Gobler unter Mitarbeit von Ulrike Lange. – München: Otto Sagner, 2005. – 411 s.; Ent-Grenzen. Intellektuelle Emigration in der russischen Kultur des 20. Jahrhunderts / Hrsg. Peter Lang. – Frankfurt/Mein: Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2006. – 217 s.; Tausend Jahre zwischen Wolga und Rhein. Internationales Symposium zum Millenium der Taufe der Rus im Auftrag der Ökumene-Kommission der Deutschen Bischofskonferenz, Regensburg, 21-26 April, 1987 / Hrsg. Albert Rauch und Paul Imhof SJ. – Regensburg: Neue Stadt München-Zürich, 1988. – 435 s.

В третьей главе: „Свидетельство о Православии“ проанализировано „эмигрантское миссионерство“; в ключе возможности свидетельства и взаимообогащения изучено участие эмиграции в межхристианском диалоге и экуменическом движении; изучены формы свидетельства о Православии в виде лекций и бесед о Православной Церкви, выступления хоров, с объяснением православного богослужения и выставок икон.

ГЛАВА 1. ДУХОВНАЯ МИССИЯ ВНУТРИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

В данной главе рассматривается миссия внутри русской эмиграции и ее главные задачи, приведены основные суждения о призвании выехавших за границу русских людей, показано духовное состояние эмигрантского общества и выявлена необходимость миссии внутри его, освещены сферы деятельности Православной Церкви зарубежом, формы пастырского попечения и их значение для Православного свидетельства.

Вынужденно покинув Родину, множество людей оказалось в чужой духовной и культурной среде. Они принадлежали ко всем слоям русского общества. Большинство эмигрантов нашли пристанище в странах Балканского полуострова и Западной Европы. Никто не ожидал такого поворота событий. Люди пережили сильнейшее потрясение их жизни. С. Л. Франк, размышляя о русской революции, писал: „Если бы кто-нибудь предсказал еще несколько лет тому назад ту бездну падения, в которую мы теперь провалились и в которой беспомощно барахтаемся, ни один человек не поверил бы ему. Самые мрачные пессимисты, в своих предсказаниях никогда не шли так далеко, не доходили в своем воображении до той последней грани безнадежности, к которой нас привела судьба. Ища последних проблесков надежды, невольно стремишься найти исторические аналогии, чтобы почерпнуть из них утешение и веру, и почти не находишь их“³⁴.

Почти все эмигранты оказались в сложных материальных условиях. Нужно было привыкнуть к новым, порой суровым обстоятельствам жизни. Вся эмиграция, не смотря на то, что состояла из людей разных сословий и разных взглядов на происходящее вокруг, воспринимала переселение как вынужденное, но недолгое изгнание и ждала возвращения в Россию. Само русское эмигрантское общество было разнородно по политическим взглядам. 20-30-е годы были важными для формирования внутреннего уклада жизни эмиграции,

³⁴ Франк С. Л. De profundis / Из глубины. Сб. ст. о русской революции / ред. С. А. Аскольдов, Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Иванов, А. С. Изгоев, С. А. Котляревский, В. Муравьев, П. Новгородцев, И. Покровский, П. Струве, С. Франк. – Париж: YMCA-PRESS, 1967. – 311 с.

для определения приоритетов. Существовала опасность отвлечься от дел первостепенной важности, уклониться в политику, забыть о духовных задачах. Поэтому эмигрантам необходимо было осмыслить свое призвание, объединиться вокруг Церкви, чтобы быть свидетелями истины.

1.1. О духовном призвании русской эмиграции

Эмиграция из России в Европу существовала и в прошлые столетия. Однако русская эмиграция 1919-1922 годов кардинально отличалась от предыдущих своей многочисленностью, большим количеством выехавшей „интеллектуальной“ элиты, в том числе и церковных деятелей, самоидентификацией себя как русских.

Около миллиона³⁵ русских покинули Россию. Массовые передвижения являются несомненным признаком глубоких и коренных социальных недугов страны. Причины, по которым жители Российского государства покидали родину, были связаны с событиями пореволюционных годов и установлении в России нового строя. Эти люди не искали лучших условий для жизни, а были вынуждены покинуть страну, опасаясь за свою жизнь. Но были и другие причины – высшие - духовные и моральные: желание открыто исповедовать свою веру, выражать свои общественные и политические убеждения, желание свободно мыслить и творить независимо, не подчиняться указаниям государственного плана.

Большинство изгнанников нашли приют на Балканах, в Чехии, Германии и Франции, Англии. Некоторые попали в Маньчжурию и Китай. Позже, многие уехали в Америку. Первая волна эмиграции состояла из людей разных

³⁵ По данным, опубликованным Лигой Наций в сентябре 1926 года, из России выехало 1.160.000 человек. К ним нужно прибавить русское население Бессарабии, русские меньшинства в Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве, Польше, Угорской и Пряшевской Руси, Китая, США; оставшихся на Западе русских военнопленных 1914-18 годов и чинов экспедиционного корпуса во Франции и в Салониках в 1916-17 годах. Это Русское зарубежье может быть исчислено между 9 и 10 миллионами человек. Оно намного превышало население Дании и равнялось населению Швеции или Австрии (Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). – Париж: Librairie des Cinq Continents, 1971. – С.12-13).

национальностей, классов и политических убеждений. Среди них были и представители интеллектуальной элиты дореволюционной России. В эмиграции оказались и многие известные церковные деятели, богословы, как например: митрополит Антоний (Храповицкий) (1864-1936), митрополит Евлогий (Георгиевский) (1868-1946), митрополит Анастасий (Грибановский) (1873-1965), епископ, впоследствии митрополит Вениамин (Федченков) (1882-1962), В. Скворцов (1853-1934), Профессор Н. Глубоковский (1863-1937), профессор А. Доброклонский (1856-1937) и другие. Их присутствие помогло организации Русской Церкви за рубежом. Протоиерей Иоанн Мейендорф пишет, что главным в эмиграции было то, что она имела интеллектуальный и культурный вес³⁶.

По причине выезда за рубежи России представителей интеллектуальной элиты, положение в среде русских людей, эмигрировавших после Октябрьской революции, кардинально изменилось. Именно с этого момента можно говорить о появлении феномена Русского зарубежья, его духовной миссии. С этого момента можно говорить и о бережном сохранении в эмиграции русской духовности, культуры, а главное Православной веры, которая их в себе объединяет. Вероятно, благодаря Православию и патриотизму русская эмиграция 20-30 годов является уникальной, и в своем роде единственной. „Национальное самосознание русских эмигрантов, - писал А. В. Карташев, - питаемое великими преданиями русской культуры, здесь, как никогда прежде в России, окрашивается и запечатлевается духом русского исторического православия“³⁷.

В силу того, что русское рассеяние сохранило свою культуру, религиозно-национальное самосознание, Г. Струве, анализируя русскую литературу в зарубежье, пишет что, ему предпочтительней называть эмигрировавшее русское общество не „эмиграцией“, а „Русское Зарубежье“, „Зарубежная Россия“³⁸. Эти

³⁶ Мейендорф И., протоиерей. Православие и современный мир. – Мн.: Лучи Софии, 1995. – С. 4.

³⁷ Карташев А. В. Как создавался Православный Богословский Институт в Париже // Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. Париж-Нью-Йорк. – 1964, IV. – 1965, I. – № 75-76. – С. 6.

³⁸ Струве Г. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы. – Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1956. – С. 7.

названия являются более глубоким понятием, свидетельствующим о высоком их значении как в культурном, так и в духовном отношении.

Если сравнить массовое переселение русских после Октябрьской революции с французской эмиграцией XVIII века, подобной по причинам русской, то заметно влияние французов на жизнь многих европейских стран, обогащение культурными ценностями, но говорить о „Франции в Германии“ или о „Франции в России“ не приходится. Первый историограф „Зарубежной России“ П. Е. Ковалевский³⁹ сравнивает русскую эмиграцию с другими историческими аналогами и приходит к выводу: „Из трех великих исходов – еврейской диаспоры, выезда протестантов из Франции и отъезда русских с их родины – именно русский „исход“ является наиболее крупным и значительным и с культурной точки зрения наиболее своеобразным“⁴⁰. Польская эмиграция 1831 года с ее элитой нации так же сосредоточилась в Париже, но она не была так велика и не распространилась по всему свету.

Эмигранты вынужденно покинули Родину и оказались как бы ненужными своей стране. Мать Мария Скобцова писала, что были люди, которые считали, что в судьбе эмиграции можно видеть некоторую случайность, которая никак серьезно не отразилась на пути русского народа и на развитии истории Запада. „Мы, так сказать, избежали гибели там, в огне пожара, чтобы десятки лет медленно вымирать здесь...“⁴¹. Сама же мать Мария, размышляя о судьбе русской эмиграции, утверждала, что с религиозной точки зрения не может быть ничего случайного. „... и наша судьба так же подлежит настоящему религиозному осмыслению“⁴². Такой же взгляд мы находим в редакционной статье первого номера журнала „Путь“ под названием „Духовные задачи русской эмиграции“. Редакция журнала напоминает, что ничего случайного не бывает в жизни, как отдельного человека, так и общества в целом: „Христиане не могут

³⁹ Конопаева Н. П. Предисловие / Ковалевский П.Е. Дневники. 1918-1922. – Т. 1. – СПб., 2001. – С. 5.

⁴⁰ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). – Париж: Librairie des Cinq Continents, 1971. – С.11.

⁴¹ Мария (Скобцова), монахиня. На страже свободы // Православное дело. Сб. I. – 1939. – С. 89.

⁴² Там же.

думать, что удел, который достается им в жизни, случаен или бессмыслен. И русское рассеяние имеет свой смысл и цель. Не по воле только большевиков, но и по воле Божьего Промысла рассеяны русские люди по всему лицу земли...“.

Положительная миссия русского рассеяния состоит в духовных задачах в „собрании и выковывании духовной силы“⁴³.

Вопрос особого призвания русской эмиграции, и ее духовных задач стал обсуждаться в журнале „Путь“⁴⁴ и некоторых других периодических изданиях. Но еще раньше в умах части интеллигенции появлялась мысль о неслучайном их изгнании. Церковные деятели, религиозные мыслители и богословы, которые осознавали необходимость участия Русской Церкви в деле свидетельства инославным о Православии, постепенно стали воспринимать свою жизнь на Западе как свидетельство, а новые условия жизни как новые возможности для сохранения и умножения русской духовной культуры.

В 1923 году, находясь в Праге, профессор протоиерей Сергей Булгаков считал необходимым говорить на своих лекциях об особом религиозном призвании своего времени, русского народа, своего поколения и всего эмигрантского общества⁴⁵. Отец Сергей утверждал, что перед обществом „неотразимо“ стоят ответственные задачи. Первая из них – заключается в развитии религиозной мысли, углублении религиозного сознания и опыта⁴⁶.

В то время, когда многими деятелями эмиграции главенствующая роль еще отводилась политическим идеям, когда эмигрировавшую часть Русской Церкви будоражили расколы, появлялись мыслители, которые считали, что призвание эмиграции в ином, более высшем и не материальном. „Политика вещь материальная, - и материальных приводных ремней у нас к ней нету“⁴⁷ – писала мать Мария. Н. Полторацкий, анализируя философские труды по истории России Н. А. Бердяева, пишет, что независимо от того, о каком поколении идет речь,

⁴³ Духовные задачи русской эмиграции // Путь. – 1925. – №1. – С. 3.

⁴⁴ Первый номер журнала вышел в Париже в 1925 году.

⁴⁵ Булгаков С., протоиерей. Об особом религиозном призвании нашего времени // Духовный Мир Студенчества. – 1923. – №3. – С. 1.

⁴⁶ Там же. С. 6.

⁴⁷ Мария (Скобцова), монахиня. На страже свободы... С. 89.

основные задачи русской эмиграции – духовного и национально-культурного, а не политического порядка⁴⁸. После разгрома армии генерала Врангеля русское изгнание, как политическое явление, постепенно теряет интерес к политике⁴⁹.

Империи и правительственные режимы, партии, всякого рода союзы и объединения рушатся и строятся другие, „род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки (Еккл. 1,4.)“ „... что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем (Еккл. 1, 9.)“. Если, как говорит автор книги „Екклесиаст“ – „все суета и томление духа (Еккл. 2,11.)“, то каков смысл истории, каков смысл и русского рассеяния. На этот риторический вопрос мы находим ответ у Н. С. Арсеньева: „Нет смысла истории – если нет опоры в Вечном, Непреходящем и Дающем Жизнь и Творчество“⁵⁰. Профессор считает, что „Свет Истинны, просвещающий всякого человека, грядущего в мир“⁵¹ - является смыслом жизни, как для каждой отдельной личности, так и для народа в целом. „В этом – смысл истории, и ее событий, в этом, как в одном из частных проявлений, смысл и русской духовной – национальной и моральной катастрофы, как и смысл русской эмиграции“⁵². И главная задача общества состоит в том, чтобы найти точку опоры в „Свете истинном, просвещающем всякого человека“. Поэтому и смысл существования русской эмиграции в ее служении, в том, что „не проходит“. „Непреходящим“ является то, что живет в величайших духовных сокровищах русского народа. Русское рассеяние, будучи свободной частью русского народа, питаясь тем, из чего возросло все лучшее, что он произвел и создал, во имя его должна продолжать духовную традицию, то есть помогать ее сохранению и продолжению⁵³. Те, кто загорелся таким служением, „могут свидетельствовать, могут будить, могут даже творить, если им это будет дано; могут смотреть вперед и громко говорить и думать о будущем

⁴⁸ Полторацкий Н. Бердяев и Россия. Философия истории России у Н. А. Бердяева. – Нью-Йорк: Общество друзей русской культуры, 1967. – С. 91.

⁴⁹ Зиник З. Существует ли эмигрантская литература / Russische Emigration im 20 Jahrhundert. Literatur – Sprache – Kultur / Hrsg. Frank Gobler unter Mitarbeit von Ulrike Lange. – München: Verlag Otto Sagner, 2005. – S. 344.

⁵⁰ Арсеньев Н. С. Дары и встречи жизненного пути. – Frankfurt/Main: Посев, 1974. – С. 187.

⁵¹ Служебник. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. – С. 72.

⁵² Арсеньев Н. С. Дары и встречи ... С. 187–188.

⁵³ Там же. С. 188.

России и приближать прошлое к настоящему⁵⁴. Но самое главное в том, что они „могут подымать свой взор к Сверхвременному и Непреходящему Источнику всякого творчества и смысла, и у Него вместе с русским народом, - искать помощи, укрепления силы“⁵⁵.

Таким образом, самое главное для эмиграции это обращение к Богу, к Православию. Мы видим, что итогом обращения к „Вечному“ является свидетельство жизнью, служением и проповедью.

О духовном призвании русской эмиграции и призыве к созиданию духовных и культурных сил есть свидетельства в ряде статей журнала „Новый Град“, который выходил в Париже с 1931 года под редакцией И. Бунакова, Ф. Степуна и Г. Федотова. В одной из статей читаем: „Как не тяжело жить в сознании тяготеющего над Россией большевистского гнета, нельзя забывать, что вести борьбу с большевизмом на большевистский лад и в большевистских темпах нам нельзя. Стоящая перед нами задача гораздо сложнее той, что стояла в свое время перед радикальной русской интеллигенцией. Ее миссия заключалась в организации разрушения, - наша во возвращении творчества“⁵⁶.

Мать Мария выражала мысль части эмигрантского общества, что „оторванная от Родины, и в этом смысле лишенная возможности разделить ответственность за ее участь, эмиграция получила страшный дар свободы. Эта свобода, освобождая от внешней ответственности, обязывает особенно к напряженной ответственности внутренней. Отсутствие „внутренней ответственности“ приводит к самоотрицанию. Содержанием свободы и внутренней ответственности является интенсивная религиозная жизнь“⁵⁷. Вопрос духовной свободы поднимали многие религиозные деятели и мыслители эмиграции. Так, митрополит Евлогий (Георгиевский) подчеркивал: „Берегите духовную свободу...Любите духовную свободу – это святыня. Помните: „к

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Арсеньев Н. С. Дары и встречи ... С. 188.

⁵⁶ Степун Ф. Путь творческой революции // Новый Град. – 1931. – №1. – С. 20.

⁵⁷ Мария (Скобцова), монахиня. На страже свободы... С. 89-90.

свободе призваны вы, братья⁵⁸. Для митрополита Евлогия свобода Церкви, в рамках церковных догматов и канонов, есть основная стихия „голос Божий, звучащий в ней“. Поэтому внешняя связанность и подавление этого голоса ведет к духовному рабству, признаком которого в церковной жизни являются боязнь свободы слова, мысли, духовного творчества. Эти результаты приводят к фарисейскому законничеству, к культу формы и буквы, что противоречит самому существу Церкви⁵⁹. Представитель другого крыла русской эмиграции - Митрополит Антоний (Храповицкий), искренно защищая идею монархии, также твердо стоял за свободу Церкви, за соборное ее управление и за патриаршество⁶⁰. Священник Александр Ельчанинов в своем дневнике пишет: „Все яснее становится мне, что Православие – это стихия абсолютной свободы“⁶¹.

Выдающиеся церковные деятели, выросшие уже в эмиграции, ценили полученную свободу, боязнь потерять ее было одним из психологических препятствий к воссоединению Русской Православной Церкви Зарубежом с Матерью Церковью. Вероятно, этот же страх старшего поколения эмиграции все еще является одним из препятствий перехода Русского Экзархата Константинопольского Патриархата в Париже в состав Русской Православной Церкви. Протоиерей Иоанн Мейендорф писал, что на эмигрантах, несомненно, лежала духовная ответственность сохранять внутреннюю свободу Церкви, которая все более ограничивалась в советских условиях⁶². Зинаида Гипиус, известная поэтесса эмиграции на одном из первых заседаний литературно-философского общества „Зеленая Лампа“ размышляла: „Некогда хозяин земли русской, Петр, посылал молодых недорослей в Европу, на людей посмотреть,

⁵⁸ Манухина Т. Светлой памяти митрополита Евлогия // Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. – 1960. – №56. – С. 5.

⁵⁹ Цит. по: Струве Н. А. Духовное наследие митрополита Евлогия // Вестник Русского Христианского Движения. Париж-Нью-Йорк-Москва. – 2006. – №191. – С. 4.

⁶⁰ Зеньковский В., протоиерей. Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.). Воспоминания. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1995. – С. 211.

⁶¹ Ельчанинов А., священник. Записи. – М.: Отчий дом, 2004. – С. 39.

⁶² Мейендорф И., протоиерей. У истоков зарубежного раскола // Вестник Русского Христианского Движения. Париж-Нью-Йорк-Москва. – 1987. – №151. – С. 255.

поучиться наукам. А что если и нас какой-то Хозяин послал туда же, тоже поучиться - между прочим, и науке мало нам знакомой — Свободе?...“⁶³.

Вопрос свободы остро и болезненно обсуждался интеллигенцией задолго до революции. Она жаждала свободы любой ценой. Падение монархии привело к совершенно неожиданным результатам. Поэтому теперь нужно было заново переосмыслить свободу в ином свете, со стороны православного учения. „Идея свободы, как основы Православия, была выявлена русской религиозной мыслью XIX и XX века“⁶⁴.

Воззрения матери Марии (Скобцовой) являются не просто размышлением на данную тему. Она своей жизнью и мученической кончиной подтвердила свои взгляды. Мать Мария утверждала, что церковные расколы в эмиграции позорны, но есть стремление раскрыть истину нашей православной веры всему миру. „Близорукие политики швыряются ценностями нашей веры в угоду политическим расчетам, но у нас есть наши религиозные мыслители, голос которых стал звучать во всем мире. Церковь в эмиграции убога, бедна и может казаться провинциальной, но дар свободы делает ее богаче, чем во времена довольства и пышности, во времена позолоченного рабства. Свобода принимает особое значение, когда оглядеться и осознать – куда пришел мир“⁶⁵.

Православие обладает глубокой внутренней свободой духа. Н. А. Бердяев пишет, что свобода может не замечаться извне, но она повсюду разлита. Церковь есть благодатное единство любви и свободы⁶⁶. Вот эта „правильная“ свобода, вероятно, привлекала многих западных христиан. Протестант Г. Г. Кульман пишет: „Когда я думаю о Православной Церкви, я не думаю о ее догматах, но я вижу, что в ней есть глубокое понимание духовной свободы. Православная Церковь дает каждому право найти свой путь. Бог хочет, чтобы мы его любили, но нет любви без личной свободы“⁶⁷. Но понимание свободы в Православии

⁶³ Зеленая лампа. Беседа III // Новый корабль. – 1927. – № 2. – С 1.

⁶⁴ Бердяев Н. Истина Православия // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. – 1952. – №11. – С. 7.

⁶⁵ Мария (Скобцова), монахиня. На страже свободы... С. 89.

⁶⁶ Бердяев Н. Истина Православия... С. 7–8.

⁶⁷ Кульман Г. Г. Западное и Восточное Христианство / Наши Новые Пути. – Париж, б .г. – С. 24.

отличается от понимания ее в религиозной мысли западных христиан. В отличие от протестантизма, православию чужд индивидуализм. Но нет в нем и авторитарности, как в католичестве. Свобода органически сочетается с соборностью. Н. А. Бердяев пишет: „Без свободы совести, свободы духа нет духовной жизни, нет даже представления о Церкви, так как Церковь не терпит внутри себя рабов, и Богу нужны лишь свободные“⁶⁸. По этой причине, многие православные богословы, церковные деятели и религиозные мыслители, например: Н. Бердяев, Г. Флоровский, В. В. Зеньковский, Н. С. Арсеньев, Н. С. Булгаков, Н. М. Зернов, Л. А. Зандер, Л. Успенский и другие через свое участие в проблеме единения христиан были посредниками в диалоге между католиками и протестантами. Потенциально Православие может объединить в себе эти две противоположные стороны христианства. Далее Г. Г. Кульман причисляя себя уже больше к православным и от лица православных выражает мысль, что может быть, русские покинули свою родину по повелению Бога и в этом, вероятно, не несчастье, а истинное счастье. „Надо только найти ту мысль, которой мы могли бы жить здесь. То есть, или подпасть под влияние других религий, или убедиться, что своя вера является нужной и необходимой. Мы должны искать, что нам надо делать на Западе“⁶⁹. Благодаря открытости и способности свидетельствовать о своей вере многих русских эмигрантов, как клириков, так и простых мирян, западные христиане увидели, что Православная Церковь является самой близкой к древнехристианской традиции. С другой стороны, как свидетельствует профессор Н. С. Арсеньев – хотя христианский мир и разделен между собой, но можно сказать, что есть невидимые нити общения, соединяющие верующих во Христа. То, что происходит в одной части христианского мира, не может пройти бесследно для других частей. „До известной степени могут и к разделенному телу христианства отнесены быть слова апостола: „страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются и все члены“. Н. С. Арсеньев утверждает, что

⁶⁸ Бердяев Н. Истина Православия... С. 7–8.

⁶⁹ Кульман Г. Г. Западное и Восточное Христианство... С. 24.

духовный опыт Русской Православной Церкви, сияние ее веры, мученичество и исповедничество притягивали все большее внимание со стороны западных христиан⁷⁰. Так он пишет: „Часто ставится со стороны иностранцев вопрос, в чем основа жизни, основа мирозерцания Православной, в частности Русской Церкви. И на это приходится отвечать следующим образом. Никогда так не раскрывается внутренняя суть какого-нибудь учения, какой-нибудь веры, какой-либо Церкви, как в моменты кризиса, среди гонений и преследований“⁷¹. Свидетельства новомучеников российских и являются, согласно Н. С. Арсеньеву доказательством для иностранцев того, что Русская Церковь не пережиток, как о том заявляли коммунисты, но вера живая и огромная духовная сила. По прошествии многих лет в своих воспоминаниях Н. Арсеньев пишет об этом так: „Здесь одни христиане поддерживают других – своим свидетельством“⁷². Вальтер Шуберт по поводу гонений на Церковь писал: «Преследование религии есть признак ее повторного открытия. Первыми, кто страстно борется с ней, это ее противники. Там, где веру преследуют, - ее воспринимают всерьез. Рискну высказать даже такую опасную мысль: эпоха, когда разрушаются церкви, уже не столь безбожна, как та, когда мимо церквей безразлично проходят...»⁷³.

Уже тот факт, что за рубеж выехало только 10 процентов епископата и всего полпроцента священников⁷⁴ говорит о том, что православные священники являются пастырями, готовыми пострадать за веру, а не наемниками, бегущими от „волка-коммунизма“.

Вопрос духовной свободы людей остается актуальным во все времена. Всегда есть опасность „приспособить“ Церковь под определенные, выделенные для нее „особые условия“. Существуют структуры, которые пытаются ограничить деятельность Церкви, и через это истребить миссионерскую Ее закваску. В нашем мире особенно актуальными становятся слова апостола о

⁷⁰ Арсеньев Н. О современном положении христианства. – Варшава, 1927. – С. 8.

⁷¹ Там же. С. 5–6.

⁷² Арсеньев Н. С. Дары и встречи жизненного пути... С. 185.

⁷³ Шуберт В. Европа и душа Востока. – М.: Русская Идея, 1997. – С. 286.

⁷⁴ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия... С.13.

страдании всех членов тела, когда происходит постепенный и целенаправленный отказ от христианских ценностей в Западном мире. В обществе, порой, только совместными усилиями можно отстоять голос Церкви. Взгляд Н. Арсеньева звучит особенно актуально в современном мире в условиях глобализации, когда западные страны одна за другой отказываются от многовековых христианских ценностей, а религия становится делом сугубо частным и домашним. Уже видно, что решение социальных проблем без Христа не дает должного результата. Многие проблемы Церкви можно успешнее предугадать и решить, если учесть опыт мыслителей и богословов эмиграции, а также проанализировать проблемы западных христианских обществ.

Профессор А. В. Карташев в своих воспоминаниях о создании богословского института в Париже пишет, что несмотря на бедную и холодную обстановку студенты согревались от „внутреннего пафоса эмигрантского самоутверждения в духовной свободе“⁷⁵. Мы видим, что свобода была движущей силой для русских за рубежом. Но в 20-30-е годы, как и в последующие времена, в эмиграции не все откликнулись на этот призыв к свободе и к духовному творчеству, напротив стали замыкаться в себе и строить искусственный занавес между собой и окружающим „заграничным“ обществом.

Пророчески сказал отец Сергей Булгаков: „Бог ведает судьбы наши, и история не взыщет с нас свыше сил наших“. Своих слушателей студентов из среды эмиграции, профессор ободрял, говоря, что хоть нынешняя молодежь не имеет многого, что мог иметь средний студент во время молодости отца Сергея, но „ей вверены к исполнению великие духовные подвиги, ей дано повернуть русскую душу новым путем, всю русскую жизнь поставить на новые рельсы“⁷⁶. Он призывал эмигрантское общество, молодежь вместе искать пути к решению поставленных перед ними Богом задач. Духовную работу, которая является центральной частью трудов, С. Н. Булгаков видел не только в изучении

⁷⁵ Карташев А. В. Как создавался Православный Богословский ... С. 13.

⁷⁶ Булгаков С., протоиерей. Об особом религиозном призвании ... С. 6–7.

полученного от отцов наследия, но и в деле жизни, подъеме, углублении и прояснении религиозного сознания⁷⁷.

Русскому рассеянию промыслом Божиим были предназначены свои особые задачи и доказательством этому служат многочисленные плоды русской эмиграции. Во Франции, Германии, США и в других странах, русские богословы, мыслители, писатели, художники, ученые внесли свой вклад не только в сокровищницу мировой культуры, но и в духовное возрождение России. В Вестнике Русского Христианского Движения за 1960 год читаем: „Культурная элита эмиграции таила в себе особую миссию и ей удалось, в значительной мере, эту задачу осуществить – об этом свидетельствуют богословы и церковные деятели западных христианских вероисповеданий: они не раз заявляли о том обогатении, которое они и их церкви получили от соприкосновения с церковной элитой эмиграции“⁷⁸. Так Г. Г. Кульман, заявлял в одном из своих докладов: „У меня лично благодарность Православию, потому, что я был бы другим если бы не встретил Православную Церковь в своей жизни“⁷⁹. Пастер Евангелическо-лютеранской церкви Фридрих Гейер в своей брошюре под названием „Беседа о Лютеранской Церкви с православными христианами“ пишет, что знакомство с Православием привело его к убеждению о том, что христиане Лютеранской Церкви могут многому научиться от Православной Церкви и что между ними следует установить „любвеобильную тесную связь“⁸⁰.

Один из старейших представителей русской эмиграции в Париже протоиерей Борис Бобринский утверждает, что призвание русского рассеяния состояло в сохранении, развитии, умножении и свидетельстве миру⁸¹.

В заключение приведем мнение протоиерея Александра Шмемана, который считал что, если в средневековье несомненным носителем Православия была Византийская культура, то в XIX веке на смену ей пришла русская культура „и

⁷⁷ Булгаков С., протоиерей. Об особом религиозном призвании ... С. 7.

⁷⁸ Александров И. О значении Русского Экзархата Вселенского Патриарха в Западной Европе // Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. Париж-Нью-Йорк. – 1960. – №56. – С. 18–19.

⁷⁹ Кульман Г. Г. Западное и Восточное Христианство... С. 24.

⁸⁰ Гейер Ф., пастор. Беседа о Лютеранской Церкви с православными христианами. – Издание РСХД в Германии, б.г. – С. 2.

⁸¹ Личный архив протоиерея Бориса Бобринского, профессора Свято-Сергиевского Богословского Института.

следовательно, православный апостолат в мире XX века выполняет русское православие, так как в средние века его выполняло православие византийское⁸².

1.2. Духовное состояние русской эмиграции в 20-30 гг. XX века

В первое десятилетие почти во всех крупных центрах проживания русских эмигрантов жизнь их протекала, глядя со стороны в идеале, следующим образом. В городах образовывались русские центры или кварталы. По воскресным дням и праздникам эмигранты ходили в русские церкви, по утрам читали русские газеты, покупали продукты в русских торговых лавках. Там же они и узнавали последние, нужные им, новости, а по вечерам могли ходить в русские ресторанчики и посещать русские концерты, доклады и лекции, участвовать в собраниях различных эмигрантских обществ и объединений. Детей отдавали в открывшиеся русские школы. Многие даже не учились говорить по-французски, так как жили в исключительно эмигрантской среде и их внешние интересы сосредотачивались на покинутой Родине. Никто из эмигрантов не предполагал, что вернуться назад им будет не суждено. Были и такие люди среди эмиграции, которые останавливались в гостиницах и там тратили свое состояние, надеясь на скорое возвращение домой⁸³.

Однако вскоре ситуация изменилась, надежда на скорое возвращение на Родину рассеивалась. Люди искали заработок. В те годы Франция нуждалась в рабочей силе и давала иностранцам возможность работать. Но работа доставалась менее оплачиваемая и наиболее тяжелая. „Трудовая жизнь на Западе, полная лишений, была свидетельством миру, что среди русских были люди, не подчинившиеся тирании и оставшиеся верными идеалам свободы и чести своей страны“⁸⁴.

В политическом отношении русской эмиграции были представлены все партии и объединения от крайних правых, до крайних левых. Однако в их

⁸² Цит. по: Струве Н. Отец Александр Шмеман – Новый Апостол Америки, Пастырь, Человек // Вестник Русского Христианского Движения. Париж-Нью-Йорк-Москва. – 1987. – I. – №149. – С. 71.

⁸³ За рубежом... С. 123–124.

⁸⁴ Там же. С. 124.

взглядах не было единства, не было единой конкретной программы. Дореволюционные партии не удовлетворяли многих. Не находила себе применение молодежь, поэтому образовывались новые движения. Потрясенная ужасами гражданской войны молодежь находилась в духовном поиске. Поэтому большой популярностью пользовались различные общества и объединения.

Особое значение в жизни эмиграции в ее судьбе приобретает Православная Церковь. Н. М. Зернов в своих воспоминаниях пишет: „Церковь была главной объединяющей силой, возвышавшейся над партийными делениями и материальными различиями. В храмах встречались люди различных мировоззрений, удачники и неудачники, те, кто упорно продвигался вверх по ступеням благополучия, и те, кто не думал о завтрашнем дне“⁸⁵. Церковь как любящая мать, особенно во время тяжелых испытаний становится последним приютом для человека.

Почему же была необходима эта духовная миссия внутри самой эмиграции, для православных, только недавно покинувших Родину⁸⁶, а потому не успевших еще остыть в вере? На этот вопрос прямо дает ответ архиепископ Иоанн (Шаховской): „Русские люди ушли из России, болея многими старыми язвами, и большая часть язв не только не излечилась в изгнании, но, наоборот, растравились и углубились, окружаясь новыми, другими язвами изгнания“⁸⁷. По мере возникновения проблем, выявлялись и немощи русского общества за границей.

Н. А. Бердяев был выдворен из России на так называемом „философском пароходе“ в 1922 году⁸⁸, то есть позже основного течения, а значит, встретил уже более-менее организованную и разместившуюся эмиграцию. В своих воспоминаниях о первом соприкосновении с русской эмиграцией философ рассказывает, что это было одно из самых тяжелых впечатлений в его жизни.

⁸⁵ За рубежом... С. 126.

⁸⁶ В Российской империи Православие было государственной религией, все, относившие себя к православию, должны были в обязательном порядке исповедоваться и причащаться, а значит иметь духовную жизнь.

⁸⁷ Иоанн (Шаховской), архиепископ. Вера и достоверность. – Париж, 1982. – С. 222.

⁸⁸ Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). – М.: Международные отношения, 1990. – С. 230.

Русская православная атмосфера, создаваемая эмигрантами зарубежом, могла скорее оттолкнуть от православия человека, который дорожит истиной, правдой и духовной свободой. Большая часть эмиграции рассматривала Православную Церковь как орудие желанного государственного порядка. Утверждался примат политики над духом, как в православии императорском⁸⁹. Поэтому Н. А. Бердяев (предположительно он является автором вступительной статьи первого номера журнала „Путь“⁹⁰) предупреждает об опасности озлобления и вступления на неверный путь. „Миссия не может заключаться в горделивом сознании своего превосходства над теми, которые остались внутри России, в культивировании чувства злобы и мести, в мелочной политической вражде, основанной на фикциях“⁹¹. В этом отношении главной задачей для человека, покинувшего Родину, является углубление внутрь, осознание своей, личной греховности. „...положительная духовная миссия может быть исполнена лишь в меру сознания своей виновности перед Богом...“⁹². Существовал слой эмиграции, который пытался объяснить все несчастья только происками врагов-массонов. Находились и такие „деятели“, которые считали себя приемниками и единственными хранителями духовного и культурного богатства дореволюционной России. Вот впечатления, о которых делится М. А. Каллаш: «После их собраний под названием „миссия русской эмиграции“ ораторы не говорили ничего дурного, вредного; и все же результат их речей был отрицательный. Смысл их построений сводился к тому, что все чистое в России загублено кроваво-грязной революцией; что все лучшее - в эмиграции; что мы должны сохранять ковчег завета, чтобы принести его затем в зачумленную, прокаженную Россию. В результате получилось полное отсутствие христианского смирения: из собрания вышли не несчастные беженцы, а гордые

⁸⁹ Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). – М.: Международные отношения, 1990. – С. 193.

⁹⁰ Абрамов А. И. Предисловие / Путь (№№ 1–61). – Т.1. – М.: Информ-Прогресс, 1992. – С. 4.

⁹¹ Духовные задачи русской эмиграции // Путь. – 1925. – №1. – С. 3.

⁹² Там же.

варяги, ожидающие своего призвания⁹³. М. А. Каллаш на заседании Христианского студенческого съезда в Шато д' Аржеронн, проходившего в июле 1925 года, предостерегает участников съезда об опасности вступления на подобный ложный путь - путь прелести.

Эти люди отказывались взять на себя ответственность за события, происшедшие в России, и исследовать причины, которые привели к падению существующего строя. Святитель Феофан Затворник задолго до революции (проповедь 1 октября 1863 года) пророчески предупреждал в своих проповедях об опасности богоотступничества и подражания чужеродным культурам. „Помните, приходили французы с войсками других европейских народов – зачем думаете? Затем, чтобы отучить нас от французской жизни. Мы и опомнились было немного, а теперь опять стали забываться... Не исправимся – кто знает, что породит настоящее лето? – А ведь все от Бога. Одно мановение перста Его – и разлетятся все тучи. Но зато Он же подвигнет – и соберутся полчища для отмщения неправдам нашим⁹⁴. Святитель Феофан далее говорит о том, что гнев Божий на нас сильнее и милость „пространнее“, чем на других, потому что Господь хочет, чтобы мы „явили“ славу Божию в себе, „чтобы весь свет видел – что есть православное царство“⁹⁵.

Вот, в результате революции и рассеяния по всему свету русских людей, познакомились другие народы с православным, но только не с политическим, а духовным царством, которое „внутри нас есть“.

Октябрьская революция и народные волнения произошли вследствие духовного состояния общества. Известные мыслители и философы, такие как С. А. Аскольдов, Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Иванов, А. С. Изгоев, С. А. Котляревский, В. Муравьев, П. Новгородцев, И. Покровский, Петр Струве, С. Франк, авторы сборника статей о русской революции: „Из глубины“⁹⁶,

⁹³ Христианство и современная жизнь / Христианский студенческий съезд во Франции (Шато д' Аржеронн), Июль 1925 / Ред. Зандер Л. А. – Париж, 1925. – С. 20.

⁹⁴ Святитель Феофан Затворник. Любовью назидая. Слова и Проповеди. – М.: Правило веры, 2002. – С. 530.

⁹⁵ Там же. С. 531.

⁹⁶ Сборник статей о русской революции „Из Глубины“ впервые выходит свободно в свет полвека после того, как был составлен в 1918 году, сверстаный, он был остановлен цензурой. В 1921 году, выпущенный самовольно

считали, что морально политическая катастрофа 1917 года породила в них, одну и ту же веру в ее грядущее возрождение, и одно и то же убеждение, что положительные начала общественной жизни укоренены в глубинах религиозного сознания и что разрыв этой коренной связи есть несчастье и преступление⁹⁷. По мнению авторов сборника, грядущее возрождение России связывалось, с возвратом к религиозным началам жизни, то есть к духовной миссии внутри самого общества.

Нижеприведенное высказывание немецкого философа Вальтера Шуберта наводит на мысль, что именно отход от миссионерских задач Церкви, их игнорирование или недобросовестное выполнение как результат приводит „обмирщвленных“ христиан к гонениям: „До сего времени Церковь Христова в своих главных формах слишком часто не справлялась со своей миссией (потому что ей слишком хорошо жилось). Русская Церковь подчинялась государству, англиканская стала его частью, римская порою сама становилась государством, а протестантская вообще упразднила себя как институт спасения. Поэтому человечество еще раз возвращено в прошлое к моменту распятия...“⁹⁸.

О необходимости духовного возрождения общества многократно говорила Церковь через своих выдающихся пастырей. Она призывала к покаянию и предупреждала о неизбежности без него катастрофы. Святой праведный Иоанн Кронштадтский за десять лет до революции обращался к народу с такими словами: „Посмотрите, как мир близится к концу; смотрите, что творится в мире: всюду безверие, всюду хула на Создателя, всюду дерзкое сомнение и неверие, неповиновение..., повсюду потеря стремления к высоким духовным интересам, ибо весь почти интеллигентный мир потерял веру в бессмертие души и вечные ее идеалы или стремление к богоподобному совершенству, о котором Господь говорит: „Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный“ (Мф.

рабочими, сборник был конфискован. „Революция 17-го года пред судом русской религиозно-философской и религиозно-общественной мысли – таково, сведенное к одной фразе, значение сборника“ (Струве Н. Предисловие ко второму изданию. Пророческая книга / Из Глубины. Сб. ст. о русской революции. Париж: YMCA-PRESS, 1967. – С. 5.

⁹⁷ Струве П. Предисловие издателя // Из глубины... С. 25.

⁹⁸ Шуберт В. Европа и душа Востока. – М.: Русская Идея, 1997. – С. 173.

5,48); повсюду одно стремление к удовлетворению животных страстей; алчность к корысти и обогащение хищническим образом; огульное пьянство, неуважение брачных союзов. Смотрите и сами судите: мир окончательно растлен и нуждается в решительном обновлении, как некогда через всемирный потоп“.⁹⁹ Этот суд и произошел, но в результате него явились миру тысячи мучеников за веру.

Теперь же, потеряв все, эмигрантам была дана возможность начать духовную жизнь заново. А новая жизнь может начаться только после искреннего христианского покаяния. „Специфические трудности эмиграции отсутствие почвы, отсутствие земли могли быть восполнены именно тем, что эмиграции оставалось открытым небо. И естественно, к небу значительная часть эмиграции и обратилась“¹⁰⁰. „Школа беженской жизни многих нравственно переродила и возвысила“.¹⁰¹ „Поистине многие из них, как мужи, так и жены, ныне в бесчестии своем славнее, чем во времена их славы, и богатство душевное, ими приобретенное ныне лучше, богатства вещественного“ – говорилось в докладе Преосвященнейшего епископа Шанхайского Иоанна на соборе в Сремских Карловцах¹⁰².

Перед революцией и во время гражданской войны многие из интеллигенции стали возвращаться в Церковь. Этот процесс продолжался и возрастал в эмиграции. В. В. Зеньковский сравнивал возвращающихся к Православию людей с родственниками знаменитости, которые не ценили и не понимали ее, до тех пор, пока другие не оценили и не сказали о ее огромном значении¹⁰³. Они с одной стороны мало интересовались глубиной православного учения считая его не существенным, с другой – исполняли требования и обряды православной Церкви. Эти „родственники“ потом удивлялись - почему же не замечали свою знаменитость раньше? „В этот тяжелый для Православия момент, когда царит

⁹⁹ Цит. по: Православный календарь на 1992 год. – Вильнюс: Изд-во Швиеса. – С. 46.

¹⁰⁰ Струве Н. А. Православие и культура. – М.: Русский путь. – 2000. – С. 316.

¹⁰¹ Иоанн (Максимович), епископ Шанхайский. Духовное состояние русской эмиграции. Доклад Преосвященного Иоанна, епископа Шанхайского Собору Православной Русской Зарубежной Церкви с участием клира и мирян 9/22 августа 1938 года в Сремских Карловцах. – Белград, 1938. – С. 8.

¹⁰² Там же. С. 9.

¹⁰³ Зеньковский В. В. Православная Церковь и Русское Студенчество / Наши Новые Пути. – Париж, б.г. – С.31.

смута, когда разрушен церковный быт – мир, обращается к Православию. Только потому обращает оно на себя внимание всего мира, что видят в Православии красоту, веру и истинное почитание“ – говорил В.В. Зеньковский¹⁰⁴. Происходящее вокруг помогло эмигрантам заново „оценить“ свою веру и поставить ее основанием собственной жизни.

Однако этот путь возвращения к „сознательному“ православию, налаживание духовной жизни проходили нелегко. Среди интеллигенции, вернувшейся в Православие, была та часть, которая считала себя уже прошедшей евангельский период водительства Сыном Божиим и вступившей в новый период Духом Святым. Сознание греховности для них было совершенно чуждо, как и необходимости спасения¹⁰⁵. „Проповедь евангелия Царства Божия, предполагающая, как необходимое условие, покаяние, им чужда и для них неприемлемо“¹⁰⁶.

В свою очередь духовенство внедряло в пасомых сознание греховности, необходимость покаяния, борьбы со страстями, сознание слабости своих сил и необходимости благодатной помощи, подаваемой в Святых Тайнах, необходимость принадлежности к Церкви, вне которой нет спасения¹⁰⁷.

О духовных настроениях, которые присутствовали в эмиграции, рассуждает монахиня Мария Скобцова в своем сочинении: „Типы религиозной жизни“. „Эмиграция нахлынула на Европу, можно сказать, еще не остыв от борьбы, в страстном кипении вражды, со страстно отстаиваемыми идеалами великой неделимой России, белой идеи и т. д. Она увезла из России не только свой нищенский скарб, не только штыки и знамена полков, но и походные церкви, натянутые на подрамники полотнища иконостасов, сосуды, облачения. И, оседая в чужих землях, она организовывала не только отделения Общевоинского

¹⁰⁴ Зеньковский В. В. Православная Церковь и Русское Студенчество / Наши Новые Пути. – Париж, б.г. – С.31.

¹⁰⁵ Протокол заседаний благочиннического съезда духовенства юга Франции Западно-Европейских Православных Русских церквей, состоявшегося в Ницце 1-3 февраля 1932 года // Церковный Вестник Западно-Европейской Епархии. – 1932. – №4, апрель. – С. 20.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же. С. 21.

Союза, но и свои церкви"¹⁰⁸. Мать Мария пишет о том, что „для большинства людей в эмиграции церковь была живой потребностью их душ. Однако у многих оставалась только неизбежным атрибутом великодержавной русской идеи, без которой трудно говорить о своем национализме, о своей верности традициям и заветам прошлого. Церковь определяла известную политическую и патриотическую благонадежность. Ее внутренний смысл не задевал внимания. Важно было, что в годовщины трагических смертей национальных героев или в годовщины основания славных полков в церкви можно было устраивать торжественные и суровые демонстрации своего единства, своей верности старым заветам — служить молебны и панихиды, становиться на одно колено при пении вечной памяти, объединяться вокруг старшего в чине. Часто тратили огромное количество изобретательности и энергии, чтобы из консервных банок соорудить семисвечник или кадило, чтобы приспособить какой-нибудь сквозной барак под церковь. Ее существование было обязательно, только мотивы этой обязательности носили зачастую не церковный, а национальный характер. Люди не понимали духовного смысла, совершалась только обрядовая сторона. Духовная жизнь отошла на задний план, а на поверхности было официальное, государственно-признанное вероисповедание"¹⁰⁹.

Еще до революционных событий славянофил Иван Аксаков¹¹⁰ писал о недугах Церкви, предупреждал к чему приведет ее зависимость от государства: «Наша Церковь кажется каким-то невообразимым бюро или канцелярией, в которой обязанность заниматься паствой Христовой увязывается со всеми традициями немецкого бюрократизма и одновременно со всей официальной, свойственной ему, ложью. Поскольку управление Церковью организовано наподобие отдела светской администрации, а служители Церкви считаются слугами государства, сама Церковь превращается в подразделение светской

¹⁰⁸ Мать Мария (Скобцова). Типы религиозной жизни. – Париж, 1937 // Мать Мария [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://www.mere-marie.com/232.htm>. – Дата доступа: 20.11.2008.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Аксаков Иван Сергеевич (1823-1886) – русский публицист славянофил. Приведенная цитата – приблизительный перевод сведенных воедино различных отрывков из статьи «К чему ведет взгляд на Церковь как на государственное учреждение» (1868).

власти. Другими словами – она становится служанкой государства. На первый взгляд воцаряется необходимый порядок, в действительности же ее лишают души... Опыту в обосновании православия ищут скорее в своде законов царского государства, нежели в Святом Духе»¹¹¹. По мнению И. Аксакова самым прискорбным и опасным было то, что Церковь, поработанная государством, есть не что иное, как часть государства, часть империи этого мира, изменяет своей миссии, а поэтому разделяет судьбу всех империй этого мира. Она сама себя обрекает на бессилие и смерть. Путь политической борьбы, восстановления монархии, к которому призывали идти церковную структуру эмиграции некоторые политики, церковные деятели и миряне таил в себе большую опасность.

Приведенное выше мнение матери Марии подтверждается на одном из докладов благочиннического съезда духовенства юга Франции, где говорится, что особенно тяжело священникам, так как на них порой смотрели, как на „проповедников политических вожделий“. По этой причине проповедование стало нелегким делом в условиях эмиграции. „Главное препятствие – это трудность отрешиться от политических страстей“¹¹². По мнению докладчика, эта трудность возникала не столько со стороны пастырей, сколько со стороны паствы, „все еще не могущей отрешиться от взглядов на Церковь, как на институт служебный государству“¹¹³.

В среде интеллигенции, также не было единства. С. А. Котляревский пишет, что если нужно было искать среду, где вся патология русской интеллигенции раскрылась бы с исключительной ясностью, эту среду нужно было бы искать в эмигрантских колониях с их полной оторванностью от окружающей жизни и народа, как будто бы эти колонии были окружены совсем чуждой им расой, с незнанием даже языка этого народа, с отсутствием интереса к таким очагам общечеловеческой цивилизации, как Париж и Лондон. „Все время

¹¹¹ Цит. по: Шуберт В. Европа и душа Востока. – М.: Русская Идея, 1997. – С. 155–156.

¹¹² Протокол заседаний благочиннического съезда ... С. 20.

¹¹³ Там же.

уходило во взаимных упреках, ссорах, в третейских судах, вся умственная жизнь исчерпывалась рассуждениями на программные темы и митингами протеста. Лишь немногие оказывались способными сколь-нибудь использовать свое заграничное пребывание в смысле более широкого образования; лишь весьма немногие сумели проникнуть в жизнь страны, куда занесла их судьба¹¹⁴.

Интеллигенция нуждалась в новой духовной ориентации. В течение, почти, всего XIX века русская интеллигенция питалась извращенным идейным воспитанием, удалявшим ее от Церкви, постепенно низводя в бездуховность. Существовал разрыв между поевропейски образованными классами русского общества и основной массой народа. Он начался во времена Петра Первого и до того времени еще до конца не был преодолен. „Причиной неудачи всех попыток найти общий язык, - пишет Н. Н. Зернов, - было глубоко укоренившееся пренебрежение Церковью, переходившее нередко в открытую враждебность к ней в среде русской бюрократии и интеллигенции. Оно рождалось из убеждения, что все ценное и культурно значительное непременно должно иметь западное происхождение...“¹¹⁵. Мать Мария утрируя, сравнивает интеллигенцию с иудеями: „Широкие слои интеллигенции думали, что из Назарета не может быть ничего доброго, и жили в совершенно ином кругу идей, выращенных западной обездушенной культурой“¹¹⁶.

Святитель Феофан Затворник говорил, что из-за подражания французам попущено было нам наполеоновское завоевание¹¹⁷, вероятно и „массовый исход“ на Запад русской интеллигенции мог быть попущен по причине ее чрезмерной любви к Западу. Теперь же, именно интеллигенция должна была вернуться в Церковь и одухотвориться Православием. Процесс возвращения интеллигенции к Церкви, начался еще в России, но старое мировоззрение затрудняло для

¹¹⁴ Котляровский С. А. Оздоровление / Из глубины. Сб. ст. о русской революции. – Париж: YMCA-PRESS, 1967. – С. 216–217.

¹¹⁵ Зернов Н. Вселенская Церковь и Русское Православие. – Париж: YMCA-PRESS, 1952. – С. 226.

¹¹⁶ Мать Мария (Скобцова). На страже свободы ... С. 88.

¹¹⁷ Святитель Феофан Затворник. Любовью назидая... С. 531.

многих русских людей, как в России, так и в эмиграции, правильно оценить возможность и силы Православия.

Требовалось духовное перерождение общества в эмиграции. Хотя над людьми уже не довлела синодальная система, не было полицейского надзора. Однако синодальная система за многие годы выработала особую религиозную психологию, особый религиозный тип людей, особый вид нравственных устоев, особое искусство, быт. Из поколения в поколение люди приучались к мысли, что Церковь является необходимейшим, обязательнейшим, но все же лишь атрибутом государства¹¹⁸. „Главным грехом интеллигенции“ – пишет епископ Шанхайский Иоанн (Максимович), - „было то, что они не свои убеждения и уклад жизни строили на учении православной Церкви, а старались правила и учение Православной Церкви согласовать со своими привычками и желаниями“¹¹⁹.

Борьбу с таким мировоззрением мы можем увидеть в воспоминаниях Митрополита Евлогия: „Путь моей жизни“. Даже среди духовенства, встречался этот, как его называет Мать Мария „синодальный тип благочестия“. Воспоминания митрополита Евлогия ясно показывают, какой полярной была духовная жизнь эмиграции.

Об этом же пишет и Н. А. Струве. „Опыт эмиграции не был, как легко можно себе представить, ни безмятежным, ни безраздельно славным, ни сплошь творческим. Оказавшись за бортом своей страны, за бортом истории, Русская Церковь в эмиграции, помимо тех организационных сложностей, которые выпали на ее долю, вскоре разделилась на два неоднородных лагеря. То, что есть различные мнения, различные установки это закономерно. И Церковь должна допускать плюрализм. Он всегда у нее был и будет. Должна быть довольно широкая палитра не только мнений, но и практик. Плохо в эмиграции было то, что одна часть другую не понимала. Но это еще полбеда. Совсем плохо, когда одна часть претендует на свою исключительность, а тем самым другую

¹¹⁸ Мария (Скобцова), монахиня. Типы религиозной жизни...

¹¹⁹ Иоанн (Максимович), епископ Шанхайский. Духовное состояние русской эмиграции... С. 3–4.

старается подавить или опорочить"¹²⁰. Никита Алексеевич Струве характеризует эти две тенденции следующим образом. Первую тенденцию он символически называет „синдромом Лотовой жены“. Вторую - он, противопоставляя синдрому Лотовой жены, называет „верностью Авраамовскому призванию“.

Синдром - заключается во взгляде назад. Всякий взгляд назад, как видно из библейского сказания о бегстве праведного Лота с его семейством из Содома, ведет к окаменению. Это и случилось с одной частью эмиграции. Среди нее были яркие люди, были, несомненно, искренние христиане, но, попав в эмиграцию, они стали смотреть не вперед, а назад, пережив изгнанничество как конец пути, как ностальгию по прошлому. Это течение возглавил выдающийся русский иерарх митрополит Антоний (Храповицкий). Владыка Антоний и его окружение и в эмиграции представляли будущее Русской Православной Церкви только в союзе с государством, которого уже не существовало. Они мечтали о восстановлении монархии, и были убеждены, что Церковь „нуждается“ в ней для своего мирного и плодотворного развития. Протопресвитер Василий Зеньковский считал, что такое церковно-политическое воззрение вытекало из суждения о том, что светская власть от Бога данная, естественная, но и постоянно благословляемая свыше сила на обуздание природного хаоса, природной неправды; поэтому Церковь потонула бы в миру, если бы с мира были сняты оковы, налагаемые на него светской властью¹²¹.

„Во взгляде назад был отказ от суда истории как раз над монархией, во всяком случае, над определенной династией от суда над, в свое время, слишком большим подчинением церкви и церковных органов государству. Но, может быть, в еще большей степени это был отказ вообще от самой истории. История же неумолимо идет вперед, у нее свои непреложные законы. Принять крушение государства, крушение династии, которая еще недавно праздновала свое 300-летие, было настолько психологически трудно, что в Софии еще в 1926 году архиепископ Серафим (Соболев) продолжал служить молебны о как бы живом

¹²⁰ Струве Н. А. Православие и культура... С. 299.

¹²¹ Зеньковский В., протоиерей. Пять месяцев у власти... С. 210–211.

государе! Какой образный отказ от непреложного факта гибели царской семьи, какая невозможность отказаться от факта, что нет государя! И это к ужасу многих людей, в частности такого выдающегося богослова, как Николай Глубоковский. Неприятие истории может вылиться в мифическое восстановление ушедшего времени или в полное отрицание исторического времени, в чувство, что пришел конец всего, что с крушением династии и православного государства всемирная история заканчивается. Нам не дано знать сроков истории¹²². Н. А. Струве приводит аналогию с разделением XVII столетия, когда старообрядцам показалось, что история кончилась и нужно уходить в леса, тем более что их и церковь государство притесняло. Они проклинали государство, в те годы, им казалось все кончено: Третий Рим, то есть Москва, Московское государство, пал, а четвертому не бывать. Это и определило раскол. Старообрядцам все равно пришлось вернуться в историю: как известно, они сыграли решающую роль в зарождении и развитии русского капитализма до революции. Это показывает, насколько тщетно отказываться от истории. Наоборот, с историей нужно всегда считаться, вернее, в историю нужно быть вовлеченным и ее направлять¹²³.

Взгляд назад или как его называет Н. А. Струве „синдром Лотовой жены“ предполагает собой отсутствие религиозного творчества или его минимум. „Он был вполне совместим с благочестием, с текущим окормлением паствы, но, тем не менее, неизбежно влек за собой усыхание религиозного творчества, некий, я бы сказал, столбняк. Потому я его и называю синдром Лотовой жены. Он сопровождался сужением понятия самой Церкви только до России, к тому же до России прошлого. Церковь воспринималась не как благая весть о спасении мира, а как последний уголок отечества. Никакой перспективы на будущее, никакого взгляда вперед. Сама по себе эта точка зрения имеет право существовать, но она

¹²² Струве Н. А. Православие и культура ... С. 302.

¹²³ Там же. С. 305.

сопровождалась горделивой уверенностью, что только в этой части церкви сохранилась верность православию¹²⁴.

Видимо по этим причинам и ушел из юрисдикции митрополита Антония в юрисдикцию митрополита Евлогия, молодой, творчески мыслящий, иеромонах Иоанн Шаховской, будущий епископ. В краткое время отец Иоанн при своем приходе Белой Церкви в Югославии организовал миссионерскую работу, занялся издательским делом, назвав его „Православно-Миссионерским“. Этим названием, как он сам писал, отец Иоанн хотел подчеркнуть активность Православия в Зарубежье, „в то время когда в народе русском бушует активность атеизма, а русское зарубежное общество скользит по пути беспокаянности, материализма, и горького внутреннего озлобления.“¹²⁵ Таким названием иеромонах вызвал раздражение владыки Антония, а так же запрещение называть „организацию в изданиях и обиходе Православным Миссионерским Русским Зарубежным Подворьем“¹²⁶. Из ответного письма¹²⁷ отца Иоанна на запрос митрополита Антония мы видим, что владыка не благословлял отца Иоанна печататься в „Пути“, „Вестнике Русского Студенческого Христианского Движения“ и „Сергиевских Листках“. Это может свидетельствовать нам о его отношении к указанным изданиям. Так же в своей брошюре: „Почему я ушел из юрисдикции Митрополита Антония“, отец Иоанн пишет, что, как подчиняющийся митрополиту Антонию, я подчиняюсь желанию владыки, не печатать своих статей в изданиях издаваемых христианским движением, но если бы владыка благословил, я бы охотно стал печатать, и именно о Церкви, о святом ее учении¹²⁸. Отец Иоанн критикует в брошюре паству митрополита Антония, за то, что она бездействует, не занимается с молодежью и приводит примеры безосновательной критики и подозрений с их

¹²⁴ Струве Н. А. Православие и культура ... С. 310.

¹²⁵ Иоанн (Шаховской), архиепископ. Вера и достоверность. – Париж, 1982. – С. 222.

¹²⁶ Там же. С. 245.

¹²⁷ Ответное письмо иеромонаха Иоанна (Шаховского) от 2 апреля / 20 марта 1931 года на запрос митрополита Антония (Храповицкого) от 3/16 марта 1931 года №231 (Иоанн (Шаховской), архиепископ. Вера и достоверность. – Париж, 1982. – С. 246–250).

¹²⁸ Иоанн Шаховской, иеромонах. Почему я ушел из юрисдикции Митрополита Антония. – Париж: Православное Миссионерское Книгоиздательство, Подворье Преподобного Сергия, 1931. – С. 10–11.

стороны к „имковским кружкам и другим объединениям парижской молодежи“¹²⁹. Иеромонах Иоанн из-за жестко-консервативных взглядов сравнивает юрисдикцию, подчиняющуюся митрополиту Антонию со старообрядцами¹³⁰.

Позицию митрополита Антония (Храповицкого) объясняет архимандрит Киприан Керн. В своих воспоминаниях о митрополите он пишет, что владыка всегда был рад находиться среди молодежи, оживленно беседовал, отвечал на вопросы, и тем многих он покори́л. Однако после того как молодежный кружок Белграда примкнул к Студенческому Движению, такие встречи угасли¹³¹. В самом начале возникновения Русского Христианского Студенческого Движения митрополит Антоний был его сторонником. Когда Н. М. Зернов, живший тогда в Сербии, получил в марте 1925 года приглашение от В. В. Зеньковского быть секретарем Р.С.Х.Д, владыка Антоний одобрил его. И даже на сомнения Зернова ответил в шутку: „Пиши на своих карточках, секретарь с благословения митрополита Антония“¹³². По мнению архимандрита Киприана много сделало непоправимого именно церковное расхождение митрополита Антония с митрополитом Евлогием¹³³. Так же, когда выявилась экуменическая направленность Движения, владыка изменил свое отношение к нему. „Цельность митрополита Антония, - пишет о. Киприан Керн, - проявлялась особенно сильно в его взгляде на Церковь. Он стоял, на, безусловно, правильном и единственно возможном понимании единства Церкви. Церковь – одна. Других церквей нет и быть не может. Все, что не согласно с этой единой церковью, в смысле ли вероучительном, в единстве догматического предания, или в смысле каноническом, в единстве богоустановленной иерархии, - все это ересь, раскол или самочинное сборище. Этот взгляд для многих может показаться слишком формальным, слишком упрощенным, слишком узким. Митрополит Антоний был

¹²⁹ Иоанн Шаховской, иеромонах. Почему я ушел из юрисдикции Митрополита Антония. – Париж: Православное Миссионерское Книгоиздательство, Подворье Преподобного Сергия, 1931. – С. 9.

¹³⁰ Там же. С. 9.

¹³¹ Киприан (Керн), архимандрит. Воспоминания. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2002. – С. 31.

¹³² Зернов Н. М. За рубежом... С.111.

¹³³ Киприан (Керн), архимандрит. Воспоминания... С. 31.

очень далек, просто совершенно не конгениален современным нам, так называемым экуменическим настроениям...“¹³⁴. Таким образом, по мысли митрополита Антония, Православная Церковь – это и есть таинственное Тело Христово. Образ Ноева ковчега исключает возможность спасения за ее каноническими пределами¹³⁵. Молитву о единстве Церкви, владыка понимал, как прошение о воссоединении еретиков и раскольников к Православной Церкви. В этом взгляде он был близок к учению Римо-католической Церкви¹³⁶, но владыка так же расценивал и само католичество. „Рим для него был так же еретик и больше ничего. Он отрицал у католиков все, кроме права называться еретиками. Их таинства – не таинства. Их священство – не священство. Их иерархия безблагодатна“¹³⁷. По мнению архимандрита Киприана, митрополит Антоний не различал основного в экуменической проблеме, а именно, „одно самосвяты, англикане и раскольники, лютеране-беспоповцы, а другое Рим, с его непрерывившейся апостольской преемственностью иерархии, с святоотеческим преданием, с единством учения, с общением святых, с почитанием, перешедшим в особый культ, Богоматери, и Ее непорочного зачатия, с таинствами, признаваемыми нами, с чудесами“¹³⁸.

Мы видим, что митрополит смешивал две проблемы: он одинаково судил о римо-католиках, об англиканах или лютеранах, все для него были одинаково заблудшими. На этом было основано у владыки Антония чувство настороженности, и даже безгливости ко всей экуменической деятельности¹³⁹. Владыка мыслил о Церкви и о догматах, в духе древних канонов. Он симпатизировал прецедентам и постановлениям древней церкви, которые в наше

¹³⁴ Киприан (Керн), архимандрит. Воспоминания...С. 46–47.

¹³⁵ Сулаков А., иерей. Богословские воззрения Блаженнейшего Антония (Храповицкого), Митрополита Киевского и Галицкого. – Диссертация ... кандидата богословия. – Жировичи, 2008. – С. 151.

¹³⁶ По этой причине Римо-католическая Церковь долгое время не участвовала как равная в экуменических съездах, а присутствовала, с ее точки зрения, только как наблюдатель и сторонний судья.

¹³⁷ Киприан (Керн), архимандрит. Воспоминания... С. 48.

¹³⁸ Там же. С. 48–49.

¹³⁹ Владыка Антоний любил древние запрещения канонов об абсолютном неучастии с раскольниками или еретиками ни в чем. „Даже из общей чаши не пить, даже и в бане не мыться купно“. А когда ему задавали вопрос о Церкви в его сотерологическом аспекте, т. е. ставили вопрос о спасении, спасутся или нет те или иные, он отвечал: „Якоже и катайцы, ибо у Бога все возможно“ (Киприан (Керн), архимандрит. Воспоминания. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2002. – С. 51).

время были забыты. Например, отлученного соборным постановлением от церковного единства считал возможным принять только через установленный чин покаяния или миропомазания. Он умилялся тому, что на Востоке у Греков продолжает существовать запрещение причащаться на несколько лет и более. Владыка был принципиален и узок в вопросах конфессиональных и церковно-канонических но в отношении личного греха и падения по слабости был снисходительным и милостивым¹⁴⁰. По этим причинам, владыка не поддерживал митрополита Евлогия и участия его паствы в зарождавшемся экуменическом движении и диалоге.

Второй опыт в русской эмиграции, в другой части церкви, которая восприняла изгнание именно как посланничество Богом, как зов, как обретение небывалой свободы Н. А. Струве назвал „верностью Авраамовскому призванию“, когда по зову Бога уходишь, не зная куда. Уходишь по велению Бога. Осознав свою свободу, они осознали и возможность пролагать новые пути для церковного сознания, для духовного творчества. Этот опыт касался небольшого числа людей, малого стада. В социологическом смысле это не было большим явлением. Русская эмиграция и в общей численности своей насчитывала немногим больше миллиона человек, распыленных по всем континентам (в основном, конечно, в Европе). Но этот миллион быстро таял, так как выехали в основном люди, пережившие 7 лет войны (4 года Великой войны и 3 года Гражданской), пережившие крушение своей страны, своих идеалов. Смертность в эмиграции была большая, рождаемость малая, семей не много. Во Франции, где сосредоточилась русская эмиграция в количестве 200 тысяч человек, к началу Второй Мировой войны оставалось уже не больше 70 тысяч русских эмигрантов¹⁴¹. Из воспоминаний Н. М. Зернова и Протопресвитера Василия Зеньковского о митрополите Евлогие видим по каким причинам опыт его юрисдикции имел большой успех в деле православного свидетельства. Н. М. Зернов пишет: „Во главе церковного управления стоял выдающийся по уму и по

¹⁴⁰ Киприан (Керн), архимандрит. Воспоминания... С. 50-51.

¹⁴¹ Струве Н. А. Православие и культура... С. 312.

умению объединить вокруг себя творческие силы митрополит Евлогий (Георгиевский)... В эмиграции он повел Церковь по руслу внепартийности и этим сумел привлечь поддержку широких кругов русских изгнанников¹⁴². Благодаря своей аполитичности он сумел привести к сотрудничеству в общем церковном строительстве людей разных мировоззрений. „Большой и грузный, с длинной бородой, он принимал всех своих посетителей с лаской и сочувствием. Он охотно давал свое благословение на самые разнообразные начинания и мог легко казаться мягким и на все соглашающимся, но в действительности он человеком, умевшим добиваться своих целей и правильно разбиравшимся в сложной обстановке, окружающей его. Он оказался подлинным строителем церковной жизни в эмиграции. Его главным достоинством было сознание, что новые условия изгнания требуют новых форм работы. Он поощрял инициативу, часто выходившую далеко за пределы дореволюционного опыта“¹⁴³. Отец Василий Зеньковский писал, что на то время не было никого в русской иерархии (в эмигрировавшей части Русской Церкви) кто бы так понимал запросы времени и умел бы идти навстречу нуждам Церкви. „Он понимал современность и стремился идти ей на встречу“¹⁴⁴.

Митрополит Евлогий не боялся нововведений и новых форм работы с эмигрантским обществом, во многом выходивших за пределы дореволюционного опыта. Этим он отличался от большинства других епископов и священников, но в этом и был его успех.

Таким образом, русская церковная эмиграция разделилась сначала на два центра. Это юрисдикция Высшего Церковного Управления Заграницей - собор епископов во главе с митрополитом Антонием (Храповицким). Она была более замкнутой и переросла в Русскую Православную Церковь Зарубежом. Второй центр это юрисдикция под управлением митрополита Евлогия (Георгиевского) -

¹⁴² За рубежом: Белград – Париж – Оксфорд. Хроника семьи Зерновых (1921-1972). – Париж, 1973. – С. 127.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Зеньковский В., протоиерей. Пять месяцев у власти ... С. 215.

Западноевропейская митрополия. Была более предрасположенная к призванию свидетельства.

По мнению Н. М. Зернова конечной причиной раскола была неспособность иерархии стать выше партийных споров и повести эмигрировавшую часть Русской Церкви по пути независимости. Эмиграция нуждалась в примиряющей и объединяющей роли Церкви. Она разделилась на части между теми, кто мечтал о восстановлении самодержавия и хотел зачеркнуть октябрьскую и февральскую революции, и теми, кто понимал необходимость для Церкви оставаться вне политических споров и идти дальше¹⁴⁵.

Вследствие этого разделения стало более явным и скрытое эмоциональное столкновение между русскими и „иностранцами“. Так как для многих Запад представлялся врагом национальной России, то все исходившее от иностранцев принималось с недоверием. С опасением относились и к тем, кто сотрудничал с иностранцами. „Всемирная Студенческая Федерация и Христианский Союз Молодых Людей казались многим масонскими организациями, оказывающими помощь русским с тайными целями“.¹⁴⁶ Подозрение пало на издательство YMCA – PRESS¹⁴⁷ и некоторые другие организации.

Но это разделение в некотором плане оказалось благотворным. „В данной конъюнктуре, церковь, которая сосредоточилась вокруг одного митрополита Евлогия, могла уже не бороться со своими оппонентами и врагами, что всегда мало плодотворно, а, наоборот, целиком отвечать за самое себя и отдаться творчеству. И вот, с того момента, как этот внутренний раскол определился в 1925-1926 годах, в эмиграции (в основном во Франции, куда в то время стянулись все основные ее силы) были явлены удивительные плоды“¹⁴⁸. Появилось два противовеса. Высшее Церковное Управление, которое позже впоследствии переросло в Русскую Православную Церковь Зарубежом. Оно

¹⁴⁵ Зернов Н. М. За рубежом... С. 153.

¹⁴⁶ Там же. С. 98.

¹⁴⁷ ИМКА-ПРЕСС (YMCA-PRESS) — православное общекультурное издательство русской книги. Основано в 1921 году в Праге, в 1923 году работало в Берлине, с 1925 по 1940 и с 1944 года работает в Париже. Название издательства происходит от названия организации YMCA (The Young Men's Christian Association), созданной в Англии в 1844 году общественным деятелем Джорджем Уильямсом (1821—1905).

¹⁴⁸ Струве Н.А. Православие и культура... С. 313.

явилось строгим хранилищем православных традиций и устоев, а Западноевропейская митрополия вступила в диалог с западными христианами, и продолжила свидетельство о Русской Православной Церкви, участвуя в зарождавшемся экуменическом движении.

Еще одно столкновение произошло вследствие встречи поколений. Эта встреча произошла благодаря образованию библейских молодежных кружков, братств и Русского Студенческого Христианского Движения (в 1923 году). В этих организациях трудились и творили - поколение интеллигенции русского религиозного возрождения, пришедшее к вере накануне революции и молодежь - студенты, которые нашли Церковь в годы гражданской войны и уже в самой эмиграции. С одной стороны для многих студентов либералы профессора, в особенности бывшие марксисты, как протоиерей Сергей Булгаков, казались виновниками революционных событий и последовавшей катастрофы в России. С другой – профессорам уже эмигрантское студенчество представлялось малокультурным, нетерпимым и неспособным разобраться в сложных причинах революции и понять ее духовные последствия. Но, благодаря открытости и искренности тех и других, уже на первых съездах движения – в Пшерове (1923 год), где они участвовали на равных началах, два поколения нашли друг друга. Об этом пишет Н. М. Зернов: „Преемственность была сохранена, это имело решающее значение для всего будущего православной культуры, которая не оборвалась со смертью вождей религиозного возрождения начавшегося в XX-м веке, а была обогащена творчеством новых поколений русских, выросших в изгнании“¹⁴⁹. Решающее значение в примирении и соединении поколений имела Православная Церковь. Через действия своих выдающихся пастырей Она смогла соединить два поколения в Евхаристии. Так, первый съезд Русского Студенческого Христианского Движения, проходивший в Пшерове, начался с Литургии для православных. „Эта Евхаристия не только решила судьбу съезда, но и определила характер того движения, которое родилось в

¹⁴⁹ Зернов Н. М. За рубежом... С. 103.

Пшерове...Исчезло чувство отчужденности, его заменило сознание обретенного единства. Молодежь, видя Бердяева, Карташева и других профессоров молящихся на литургии, слушая священнические возгласы бывшего марксиста (иерея Сергия Булгакова), забыла о различиях в политических взглядах, отделявших ее от взглядов старшего поколения. Иностранцы или так же под сильным впечатлением этой службы и духовно слились с православными... Движение, осознало себя православным и церковным¹⁵⁰.

Таким образом, духовное состояние русской эмиграции было неустойчивым. Адаптация к новой жизни проходила болезненно, так как беженцы надеялись на скорое возвращение в Россию, а когда оно становилось, очевидно, невозможным – людей посещало уныние и разочарование в жизни. В церковной пастве наблюдалось общее понижение морального уровня и отсутствие сознания греховности при нарушении заповедей Божиих. Разрозненное эмигрантское общество было едино только в одном: ненависти к советской власти в России и неприязни всего советского. Но это не могло быть созидательной силой. Предстояло еще переосмыслить происшедшие события в России и встать на новый путь. Здесь решающее значение приняла Православная Церковь, которая объединила в себе разрозненные массы. Церковное разделение в эмиграции на два центра имело и благотворные результаты. Оба они ставили своей целью воцерковить эмигрантское общество, объединить интеллигенцию вокруг Церкви, но при этом применяли разные способы и подходы. Церковное руководство понимало, что только благодаря решению этих задач, будет возможно перебороть старые „недуги“ и перейти к решению новых задач – к свидетельству о Православии.

1.3. Обзор пастырско-миссионерской деятельности

Для того, что бы уврачевать духовные недуги выехавшего за пределы родины русского народа, была необходима интенсивная пастырская и

¹⁵⁰ Зернов Н. М. За рубежом... С. 98–99.

миссионерская работа, душепопечение и горячая молитва. Говоря о необходимости внутренней миссии Церкви в эмигрантском обществе, необходимо вспомнить примечательные слова на эту тему архиепископа Аверкия (Таушева), занимавшего с 1950 по 1976(+) годы должность председателя Миссионерско-просветительного комитета при Архиерейском Синоде РПЦЗ. В своей проповеди пастырям и пасомым он писал: „Наша главная и основная задача это – миссия внутренняя, ибо Господь строго взыщет с нас за каждую безрассудно потерянную душу, за каждую погибшую овцу вверенного нам словесного стада...“¹⁵¹. Владыка Аверкий был согласен с распространявшейся среди своей паствы мыслью о том, что Господь рассеял православных людей, как ветхий Израиль, что бы все народы земли познакомить с Православием. На ожидание и даже требование от некоторых людей особого миссионерства среди иностранцев и иноверцев он давал следующий ответ: „Промысел Божий в том и состоит, что Господь даже явное зло старается обратить к добрым последствиям на пользу людей – ко спасению душ. И потому долг такого внешнего миссионерства, несомненно, на нас лежит. Но при этом мы часто забываем, в чем залог успеха такого миссионерства, а главное забываем о страшной опасности, угрожающей в рассеянии нам самим – вполне реальной и все растущей угрозе самим потерять свою собственную православную веру под влиянием близкого общения с иноверцами...“¹⁵².

Такая опасность была особенно угрожающей в первые годы эмиграции и продолжала существовать в последующее время. Требовались большие пастырские усилия, чтобы ответить на религиозные вопрошания эмигрантов.

В пастырском попечении русской эмиграции существовала сложность, которая состояла в неподготовленности духовенства к новым условиям служения. Не хватало и самого духовенства. За рубеж выехало 10 процентов епископата и полпроцента священников. Приходилось посвящать многих без

¹⁵¹ Аверкий (Таушев), архиепископ. Проповедь. О необходимости усиленной внутренней миссии в нашей Русской Зарубежной Церкви // Русский Пастырь. Русский православный пастырский журнал воспитанников Свято-Троицкой духовной семинарии. – 1998. – №30. – С.14.

¹⁵² Там же. С. 13.

богословской подготовки¹⁵³. Необходимо было осознать свою особую духовную миссию внутри эмиграции – воцерковлять старшее поколение, привить любовь к Православию у молодежи и объединить ее вокруг Церкви.

1.3.1. Организация новых приходов и устройство храмов

Какие бы политические и синодальные настроения не были в обществе, люди всегда шли в храм для молитвы в поисках там утешения, духовного мира. Эмиграция, выдворенная из своей страны, пережила повышение религиозного чувства после той исторической беды, которая стряслась с Россией. Это привело к большому духовному подъему. Многие люди возвращались в Церковь. В лоно Церкви продолжала возвращаться интеллигенция. Храмы были переполнены.

„Скорбные, озлобленные, измученные люди тянулись к храму как к единственному просвету среди мрака эмигрантского существования. Они несли сюда свои печали, упования и молитвы; тут забывали свое горе, обретали надежду на какое-то лучшее будущее. В первые годы религиозное усердие эмиграции было трогательное. Несмотря на горечь и ужас жизни, веяло религиозной весной, не было в людях той безнадежности, того уныния, которые овладели душами впоследствии“¹⁵⁴ – писал митрополит Евлогий (Георгиевский).

Организовать церковно-приходскую жизнь было сложно. В церковь приходило множество людей, но все они были случайные, не объединенные в единую семью, общину. Они представляли собой неорганизованную толпу. Духовенство не могло поначалу найти с людьми контакта, почувствовать настроения прихожан. В большинстве своем священники имели дореволюционное богословское образование, но многие из них не имели ранее опыта работы с большими приходами, где собирались люди разных интересов, разных сословий. „Контакта с нахлынувшей эмигрантской массой у духовенства не могло быть. Два мира, две психологии. Духовенство должно было понять, чем эмиграция жила, а этого понимания ожидать от него было невозможно.

¹⁵³ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия... С. 13, 201.

¹⁵⁴ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни... С. 409.

Эмиграция - новое, невиданное явление - внесла в тихую церковную жизнь суету, беспорядок, непонятные притязания. Духовенство, не понимая своих прихожан, неспособное их объединить, ограничивалось добросовестным исполнением церковных служб и треб¹⁵⁵. Так свидетельствует о том времени Митрополит Евлогий, экзарх Западной Европы. Время и обстановка требовала новых форм пастырского служения через молодежные организации и движения. Однако не все это понимали. Необходимо было преодолеть некоторые старые мировоззрения. „Многие не понимали зачем нужны религиозные кружки, считая, что богослужение дает все, что нужно членам Церкви; другие отнеслись к нам даже неприязненно, опасаясь, что мы образуем новую секту. Больше всего удивляло отсутствие у духовенства сознания религиозного кризиса. Несмотря на все уроки революции, они продолжали жить в условиях прежней России, где принадлежность к Церкви редко возбуждала какие-нибудь вопросы“¹⁵⁶.

Перед Православной Церковью встала важная задача объединить и сплотить людей, направить их по правильному пути. Помочь им найти силы преодолеть жизненные трудности, ободрить каждого человека. Протоиерей Иоанн Мейендорф, осознавая значение объединения эмигрантов вокруг Церкви, говорит: «С моей точки зрения, наиболее значительным фактом было не столько политическое изгнание этих людей из России, но их объединение в лоне Церкви и то, что они сумели создать целую культурную среду»¹⁵⁷. Пастырское попечение о душах соотечественников было первостепенной задачей духовенства. Из программы¹⁵⁸ заседаний благочиннического съезда духовенства юга Франции Западно-Европейских Православных Русских церквей, состоявшегося в Ницце 1-3 февраля 1932 года видим, насколько серьезно был поставлен вопрос пастырского попечения:

І. Пастырская деятельность в условиях эмигрантской жизни:

А) богослужение,

¹⁵⁵ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни... С. 410.

¹⁵⁶ Зернов Н. М. За рубежом... С. 146–147.

¹⁵⁷ Мейендорф И., протоиерей. Православие и современный мир. – Мн.: Лучи Софии, 1995. – С. 4–5.

¹⁵⁸ См.: Протокол заседаний благочиннического съезда духовенства... С. 16–23.

Б) проповедь,

В) душепопечение, душепастырство.

II. Приход и его организация в нынешних условиях.

III. Борьба с сектанством.

IV. Взаимоотношения духовенства и средства к его осуществлению.

V. Работа пастыря в приходе с детьми.

VI. Пастырское окормление нерусских православных.

VII. Общение с представителями иностранных исповеданий.

Первым шагом, который должен быть во внутренней миссии Церкви во все времена, был шаг к горячей молитве, к призыву Божьей помощи. Благодарение за все Бога. Именно с молитвы всегда начиналась православная миссия. Поэтому митрополит Евлогий стал бороться с сокращением богослужения, к которому привыкло духовенство и многие из прихожан. Успех в скором времени был виден на примере Сергиева Подворья в Париже. „Несмотря на то, что подворье находится в отдаленном углу Парижа, где проживает мало русских, храм Преподобного Сергия благолепным своим устройством, истовым уставным богослужением привлекал великое множество богомольцев. Образовалось религиозное тяготение к обители Преподобного Сергия, потребность там побывать, там помолиться, т. е. возникло отношение к нему как бы к месту паломничества. Жизнь прихода стала быстро развиваться“¹⁵⁹. Несмотря на некоторую ветхость, в которую пришел храм преподобного Сергия в наше время, намоленность этого храма чувствуется, сразу же войдя в него. Такие приходы вырастили многих деятельных пастырей Церкви, которые привели ко Христу новую паству. К примеру митрополит Сурожский Антоний (Блум) говорил, что, он впервые нашел Бога, в приходе, где священники совершали каждый день полный монашеский круг богослужения, а ели они только то, что

¹⁵⁹ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Указ. соч. – С. 446.

им оставляли прихожане в корзине у двери, потому что денег не было покупать пищу¹⁶⁰.

Митрополит Евлогий старался возбуждать в священниках ревность к церковным службам. Настоятелям храмов рекомендовалось как можно чаще, а при наличии нескольких священников и ежедневно, совершать богослужения и разъяснять прихожанам важность уставных служб. Но сложность заключалась с одной стороны в занятости священников и нехватке псаломщиков, с другой – сами прихожане по экономическим соображениям часто находили невозможным слишком частое совершение богослужений, особенно по будням. Не хватало и необходимых богослужебных книг. Однако, если ежедневное богослужение было не возможно по внешним причинам, то для того, чтобы желающие все же могли помолиться в церкви рекомендовалось ежедневно открывать храм хотя бы на несколько часов, а время открытия согласовывать с возможностями прихожан для каждого храма в отдельности. Эта практика была замечена эмигрантами у католиков и постепенно воплощалась в жизнь в православных храмах¹⁶¹.

Вторым шагом было создание новых приходов и строительство церквей. Потребность в новых храмах возникла сразу в первые годы эмиграции и была вызвана условиями беженского существования. В тех городах, где русские храмы существовали до Октябрьской революции 1917 года, они служили для новых поселенцев, но необходимы были большие средства на их содержание. Большой приток эмиграции в 1923-1924 годах, в частности во Францию, потребовал строительства новых храмов. Так в Париже – столице русской эмиграции, и его окрестностях был только один православный храм, построенный в 1861 году¹⁶². Из-за дороговизны земли первые православные храмы во Франции возводились в пригородах Парижа или в его не престижных районах, в рабочих поселках. До революции православные храмы за рубежом

¹⁶⁰ Свидетельство о Православии. Слово, произнесенное после литургии в праздник иконы Божией Матери Нечаянная Радость", 21 декабря 1973 г., Флоровский монастырь (Киев) // Электронная библиотека „Митрополит Сурожский Антоний“ [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.metropolit-anthony.org.ru>. – Дата доступа: 11.02.2009.

¹⁶¹Протокол заседаний благочиннического съезда духовенства... С. 17–18.

¹⁶²Смирнова Н. Достопримечательные русские церкви и кладбища. Архиепископия Православных Русских Церквей в Западной Европе. – Париж, 2001. – С. 20.

строились в основном в курортных местах, где отдыхали богатые и знатные русские. Как правило, сначала находили и устраивали временное помещение для совершения богослужений. Образовывался приход. Община находила постоянное помещение, затем строили церкви-баракы, которые постепенно благоустраивались. Через некоторое время, собравши средства, могли строить деревянный, кирпичный или даже каменный храм с куполами и звонницей. К середине тридцатых годов в одном только парижском районе были устроены свыше тридцати русских православных церквей¹⁶³. В выборе помещений для совершения богослужений эмигранты руководствовались следующими соображениями: „лучше служить в плохой обстановке, чем не служить вовсе; главное действие богослужения зависит от него же самого, а не от стен, в которых оно совершается; на войне довольствовались еще худшим, а мы здесь продолжаем духовную войну“¹⁶⁴. Главным, что требовалось от помещения - чтобы в нем не было соблазнительного элемента, а место было не очень шумным.

Сложность организации новых общин заключалась в рассеянии людей по разным районам городов, по разным провинциям и областям. Митрополит Евлогий пишет, что все эти эмигранты, которые были расселены далеко от Церкви, жили бесцерковно. Отсутствие церковного влияния сказывалось: люди морально опускались и духовно дичали. Некрещеные дети, незаконное сожителство, огрубение нравов, распущенность. „Там, где храмов не было, положение казалось безвыходным; но и в Париже дело обстояло не лучше. Съездить в храм к обедне всей семьей - значило истратить на автобусы и метро больше, нежели бюджет рабочего позволяет. Старым, больным людям приходилось приезжать издалека, тогда как, будь церковь под боком, они бы усердно ее посещали“¹⁶⁵. Иеромонах Иоанн Шаховской пишет, что по причине отсутствия во многих местах священников „выведенные из своей страны для

¹⁶³ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия... С. 202.

¹⁶⁴ Езерский Н., иерей. Приходская работа, ее задачи и затруднения // Церковный Вестник Западно-Европейской Епархии. – 1932. – №9, сентябрь. – С. 13.

¹⁶⁵ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Указ. соч. – С. 453.

покаяния, люди – по несколько лет не исповедуются и не причащаются святых Таин¹⁶⁶.

Таким образом, открытие новых приходов для духовного попечения и совершения регулярных богослужений было жизненно необходимой задачей. В каждом церковном округе она решалась по-своему в зависимости от местных особенностей. Митрополит Евлогий (эксарх Западной Европы) говорил о значении малых церквей, то есть небольших храмов, но почти в каждом городе, где было достаточно русских эмигрантов. В таком случае „пастырь знал каждого прихожанина, каждую семью, все их печали-радости, все семейные обстоятельства... всех крестил, венчал, исповедовал, хоронил...“¹⁶⁷. Священник Александр Ельчанинов называет такие „малые церкви“ – „сгустками церковной теплоты“, потому что в них осуществляется общение людей, невозможное в больших, разнородных по составу текущих приходов¹⁶⁸. Инициатива создания церквей шла от самих будущих прихожан. Возникла группа активистов, которая обращалась письменно, либо через делегата к митрополиту. „Первый вопрос, который я посланцам ставил, был следующий: можете ли вы нанять (или получить) помещение для церкви и обеспечить священнику прожиточный минимум? Если ответ был утвердительный, я направлял священника и организовывал приход; если нет, создавалась община, которую обслуживал разъездной священник, от времени до времени посылаемый Епархиальным управлением. Начало самокупаемости было общим экономическим принципом для всех новых приходов: епархиальный центр со своей нищенской казной содержать причт и храм не мог“¹⁶⁹. Как правило, сначала приход своего храма не имел, богослужение совершалось либо в наемном помещении, либо в каком-нибудь помещении в церковном здании инославных. Вокруг этих церквочек завязывалась приходская жизнь, возникали благотворительные и просветительные учреждения: школы, читальни, братства, столовые.

¹⁶⁶ Иоанн (Шаховской), иеромонах. Почему я ушел из юрисдикции Митрополита Антония... С. 28.

¹⁶⁷ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Указ. соч. – С. 453.

¹⁶⁸ Ельчанинов А., священник. Записи. – М.: Отчий дом, 2004. – С. 202–203.

¹⁶⁹ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Указ. соч. – С. 454–455.

Впоследствии обычно возникал "свой" храм. Эта традиция сохраняется и сегодня в Западной Европе.

Создание прихода со специально выделенным для него священником и строительство храма было важным, так как в условиях эмигрантской жизни сами прихожане часто менялись, а храм и священник оставались на месте. Это было прочным основанием для начала религиозно-общественной и миссионерской жизни прихода. Духовенство ставило следующую цель: "Нужно чтобы каждый прихожанин чувствовал себя связанным с приходской жизнью, интересовался ею, принадлежал бы к приходу не только внешне формально, но и внутренне существенно"¹⁷⁰. Духовное объединение вокруг приходской жизни было единственно верным путем к национальному и духовному возрождению русского народа.

В деле возрождения приходской жизни существовало два рода препятствий. К первым относятся внешние препятствия: чуждое законодательство, разобщенность русских, оторванность от родного быта, тяжелые и непривычные условия жизни. Ко вторым – внутренние препятствия: неясность сознания у большинства русских эмигрантов, как необходимости приходских организаций, так и их истинного смысла и значения для приходской жизни. Второе препятствие было более опасным, поэтому пастыри старались оживить в сознании эмиграции понятие о необходимости духовной органической связи общества с приходом и здоровой религиозной жизни в самом приходе. Имели место и искушения в виде неуважения к священнослужителям со стороны церковных старост и прихожан высших сословий. Для предотвращения подобных случаев рекомендовалось с одной стороны установить независимость священника от церковных старост, с другой – поднять авторитет самого священника, как пастыря и духовного руководителя – главы прихода. Как относились, порой, к священнослужителям в светском русском обществе вспоминал протопресвитер Иоанн Мейендорф: „...у светского

¹⁷⁰ Протокол заседаний благочиннического съезда духовенства... С. 23.

общества той эпохи было очень много стереотипов. Так, стать православным священником считалось убого и унизительно. Для моих родителей, священник был человек, который, извините, “окает” и которого обедать сажают на кухне”¹⁷¹. Митрополит Антоний (Блум), говоря о том времени, свидетельствовал, что в Париже часто священник мог рассчитывать на обед только в том случае, если его кто-то приглашал отобедать¹⁷².

Строительство православных храмов зарубежом, имеет еще один важный для миссии русской эмиграции аспект. Русские люди строили храм не только для молитвы – в нем они видели Россию. В возведенных храмах увековечивали память об утраченной Родине. „Даже если эмигрантский храм не имеет мемориальной функции, заложенной в его посвящении, выбор сюжетов для икон, программа иконостасов и стенных росписей – все дышит воспоминанием о России. Эта идея воплощается в декоре храма, и в подборе иконографических образов в иконостасах“¹⁷³. Исследователь Назаров пишет, что в «бесплотном» эмигрантском состоянии, в отрыве от родной земли, очень остро чувствуется потребность в материальных ее символах. Такими символами подлинной России были русские храмы - они-то и стали центрами притяжения эмиграции¹⁷⁴. „Кто-то писал, что бывает странно выходить из русского храма и видеть иностранную улицу“¹⁷⁵. Возведенные зарубежом храмы, являются одновременно и памятниками самой русской эмиграции. Это подтверждает Лев Зандер. Описывая храм Сергиевского подворья в Париже, он пишет, что Свято-

¹⁷¹ Шмеман А., протоиерей. Проповеди и беседы. – М.: Паломник, 2002. – С. 6.

¹⁷² Веб-сайт о Митрополите Антонии Сурожском (Блум) // Электронная библиотека „Митрополит Сурожский Антоний“ [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.metropolit-anthony.orc.ru>. – Дата доступа: 11.02.2009

¹⁷³ Юрьева Т. В. Традиция строительства храмов-памятников в архитектуре русского зарубежья // Вестник Воронежского Государственного Университета. Серия: Филология. Журналистика. Воронеж. – 2005. – №2. – С. 209 // Вестник Воронежского Госуниверситета [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: http://www.vestnik.vsu.ru/program/view/view.asp?sec=phylogolog&year=2005&num=02&f_name=yurieva. – Дата доступа. – 11.10.2008.

¹⁷⁴ Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. – М.: Родник. – С. 36.

¹⁷⁵ Там же.

Сергиевская церковь по справедливости может считаться памятником „нашего пребывания в далеком рассеянии“¹⁷⁶.

Таким образом, строительство храмов несло в себе не только насущную духовную функцию, но и национально-патриотическую функцию, культурно-историческую.

Построенные храмы являлись и являются зримым монументальным свидетельством о Православии. Они вызывали некоторую отчужденность, так как были наиболее чуждыми западному христианству и по внешнему виду, и по обрядам. По этой же причине русские церкви привлекали к себе особое внимание и являлись наглядным образцом того Православия, о котором осведомленный западный читатель знал из трудов русских мыслителей и богословов. „Они служили той искрой, от которой постепенно начали возгораться огоньки православных общин из местных жителей“¹⁷⁷. Владыка Иларион Алфеев пишет: „Сам внешний вид и внутреннее убранство православного храма уже выполняют миссию свидетельства о горнем мире: кресты и золотые купола, иконы и фрески – все это напоминает современному западному человеку о том духовном измерении, которое многими утрачено“¹⁷⁸.

1.3.2. Экономическое состояние приходов

На чужбине, в иноязычной культуре, Русская Православная Церковь оказалась в сложных условиях, где первоочередной задачей стало элементарное выживание. Православная Церковь существовала исключительно на пожертвования и средства, получаемые от своей собственной деятельности. Дело обеспечения храма и его священника целиком зависело от паствы. Священник собирал деньги среди жителей местной общины. Во Франции,

¹⁷⁶ Зандер Л. Хроника Богословского Института. В обители преподобного Сергия (Храм Сергиевского Подворья) // Православная Мысль. Труды православного Богословского Института в Париже. – 1930. – Выпуск II. – С. 188.

¹⁷⁷ Поспеловский Д. Роль Русского Зарубежья в Распространении Православия // Альфа и Омега. – 1994. – №1 // Альфа и Омега [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://aliom.orthodoxy.ru/arch/001/001-posp.htm>. – Дата доступа: 12.03.2009.

¹⁷⁸ Иларион (Алфеев), епископ. Православие. – Т. I. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2008. – С. 277–278.

прибывшие русские работали по контрактам, и новые общины устраивались около заводов. Большие общины имели возможность содержать священника, маленькие и разбросанные, приглашали к себе его по возможности. В тех местах, где колонии русских были весьма разбросаны, заводские управления на основе добровольности собирали два процента от заработка русских в пользу конкретного прихода.

Первое поколение русских эмигрантов в большинстве зарабатывало на жизнь тяжелым трудом, но дало детям хорошее образование. Второе и третье поколение имело больше возможностей хорошо трудоустроиться и жить в центрах. Поэтому постепенно „заводские“ приходы уменьшались и закрывались. Такие приходы так же окормлялись разъездными священниками.

Среди основных каналов сбора средств и имущества для Русской Православной Церкви можно отметить следующие:

1. Взносы наиболее состоятельных выходцев из России, а также различные подношения, включая иконы, предметы церковной утвари, некоторые символы царской армии и тому подобное, пожертвования прихожан.

2. Финансовая помощь представителей католических и протестантских учреждений на воспитательную и образовательную работу с детьми и подростками.

3. Специфическая кампания по сбору добровольных пожертвований силами так называемых сестричеств. (Благотворительная работа среди остро нуждающихся, включая и больницы, сбор средств и одежды для них. Через сестер только во Франции проходило до 50-60 тыс. франков в год.)¹⁷⁹.

Вместе с сестричествами почти во всех приходах в Зарубежье функционировали кассы взаимопомощи и похоронные кассы. Благодаря

¹⁷⁹ Шулепова Э. А. Роль и место Православной Церкви в процессе адаптации русской эмиграции // Культурная миссия Российского Зарубежья: История и современность. Сб. ст. – М.: Российский институт культурологии, 1999. – С. 21–27 // Научная Сеть [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1188500>. – Дата доступа: 15.01.2009.

приходскому уставу, принятому на Всероссийском Поместном Соборе 1917 года, в организованных приходах дело обеспечения храма и пастыря было налажено. Существовали и такие приходы, где жалование священника было много меньше прожиточного минимума. Их обычно окормляли монашествующие священники.

Целесообразно привести взгляд митрополита Сурожского Антония (Блюма) на сложность содержания священника. Владыка Антоний руководил долгие годы церковной жизнью в Англии и рассматривал недостаток финансовых средств как возможность осуществлять внешнюю миссию. Он ввел в своей епархии обычай священникам помимо служения иметь другое место работы для заработка. „По двум обстоятельствам паства не может содержать священников: в Англии очень много рассеянного люда и относительно мало компактных групп; так же в Англии очень мало русской эмиграции. И вот я предложил - и это было один за другим принято нашими священниками – что каждый, кто будет посвящаться, будет сам себя содержать работой, а приходской, пастырской работе отдавать все – в пределах разума – свое свободное время. И это мы рассматриваем не как несчастье. Тот факт, что он священник в какой-то среде, делает его священником данной среды; эта среда является его паствой. Например, отец Иоанн на западе Англии преподает драматическое искусство, и в результате все его студенты сталкиваются с верующим убежденным православным священником, который конечно, не навязывает им Православие, но открывает им его. А те люди, которые к Православию не приближаются, идут к нашему священнику со своими духовными или семейными или душевными проблемами“¹⁸⁰. Такой подход к содержанию священника мог быть актуальным в более позднее время. В первые годы эмиграции было мало таких священников, которые имели бы другие профессии и могли этим себя содержать. Постепенно, из новопосвященных такие священники – доктора, инженеры, преподаватели, служащие появлялись.

¹⁸⁰ Антоний, митрополит Сурожский. Наблюдайте как вы слушаете / Состав. Е. Л. Майданович. – М.: Фонд содействия образованию XXI века, 2004. – С. 315.

Материальная проблема была велика, но не была главной для полноценной деятельности Церкви. Эти проблемы легче бы переносились, если бы „приходы обнимали всех русских людей в рассеянии сущих, а не третью часть их“ – пишет священник Н. Езерский в „Церковном Вестнике Западно Европейской Епархии“ за 1932 год¹⁸¹. По его мнению существовала два главных затруднения: первое состояло в том, что Русская Церковь в течение веков привыкла к поддержке и опеке государства. Эта опека хотя и стесняла Церковь, но всегда материально поддерживало ее, чем усыпляла самодеятельность и инициативу прихожан. Люди не были приучены к обязательным денежным сборам, которые появились в эмиграции, потому что среди старой паствы было много богатых жертвователей. „Русскому нраву легче пожертвовать иной раз сотни, чем аккуратно вносить ежемесячно по пять франков, а приход, как всякое постоянное учреждение требует постоянного и равномерного притока средств. Здесь нужна добровольная инициатива, а мы ею небогаты“¹⁸². Специфика русской души заключалась и в том, что порой русскому человеку легче собрать деньги на огромное паникадило, чем на необходимые богослужебные книги. Другое затруднение заключалось в том, что „новые“ формы церковной жизни, вводимые в эмиграции, были незнакомы большинству паствы. В этих формах восстанавливался древний строй христианской Церкви, от которого из-за опеки государства уже все отвыкли.

1.3.3. Направления внутренней миссии и формы пастырского окормления Православной Церковью своих прихожан за рубежом

Официально к 1914 году в Российской империи было 117 миллионов православных христиан, которые проживали в 67 епархиях, управляемых 130 епископами, и 50 с лишним тысяч священников и диаконов служили в 48 тысячах приходских храмов. В ведении Церкви находилось 35 тысяч начальных

¹⁸¹ Езерский Н., иерей. Приходская работа, ее задачи и затруднения // Церковный Вестник Западно-Европейской Епархии. – 1932. – №9, сентябрь. – С. 11.

¹⁸² Там же.

школ, 58 семинарий и 4 духовных академии, а также больше тысячи действующих монастырей с почти 95 тысяч монашествующих¹⁸³.

В епархиях, как правило, были церковно-приходские, певческие школы, духовные училища, народные больницы, приюты, мастерские, богадельни и тому подобные учреждения. Разнообразно представленные в просторных епархиях Российской Империи эти учреждения раскрывают характер воспитательной и просветительской роли Русской Православной Церкви и формы ее окормления своих прихожан. С таким богатым практическим опытом покинувшая часть Русской Православной Церкви начала свое существование вне границ России после революции.

Несмотря на то, что храмы по большим праздникам были переполнены, к Церкви обратился все же небольшой процент русских беженцев. „Если сравнить цифры посещающих храмы с числом проживающих в данной местности русских, то окажется, что аккуратно посещают храм около 1/10 русского населения, столько же, приблизительно, посещают богослужения по большим праздникам, а остальные или весьма редко, по каким-либо случаям бывают в Церкви и совершают домашнюю молитву, или совершенно ушли от Церкви“¹⁸⁴. Одни под влиянием сектантских организаций уходили из Церкви, другие – просто не жили духовными запросами, черствели и грубели душой. Таким образом, мы видим, что жизнь вдали от Родины потребовала от Русской Православной Церкви поиска обновленных форм работы с прихожанами. Впоследствии, как правило, при более многочисленных приходах обосновались традиционные для Православной Церкви церковно-приходские школы с регулярным преподаванием Закона Божьего, русской истории, географии и некоторых других предметов. Устраивались хоры, читальни, библиотеки. Организовывались сестричества, организации молодежи. Храмы были местом встреч русских и при них устраивались лекции и собрания¹⁸⁵. Для детей

¹⁸³ Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – С. 35.

¹⁸⁴ Иоанн (Максимович), епископ Шанхайский. Духовное состояние русской эмиграции... С. 7.

¹⁸⁵ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия... С. 201.

практиковались воскресно-четверговые занятия, а при малом количестве детей организовывались частные занятия, которые давали лично священники детям. При большой занятости священнослужителей под их руководством занятия проводились родителями¹⁸⁶. Священник Н. Езерский озвучивает необходимость применения интенсивных форм работы с паствой: „Привлечение массы эмиграции к Церкви составляет коренную задачу приходской работы, и оно же необходимое условие обеспечения существования прихода. Задача решается иначе чем в других организациях: здесь недостаточно агитации, привлечения членов, втолковывания необходимости прихода, - нужна живая приходская работа, сама собой захватывающая и втягивающая прихожан: потребность в религии под влиянием переживаемых испытаний пробудилась, и тяга к Церкви, несомненно есть, но приходится преодолевать русскую инертность и подчинить дисциплине отдельные случайные порывы, обращать их в привычку, в потребность и пробудить сознание христианского долга“¹⁸⁷. Необходимо было найти способы воздействия на паству и вне богослужения. Это было сложно, так как способы были разнообразны и должны были приравняться к новым условиям, нужно было понимать насущные условия и потребности паствы. Старые трафареты, часто были не актуальны, так как сложились они в других условиях. То же относилось и к проповеди: „Теперь нельзя ограничиваться догматическими рассуждениями или обычно принятыми утешениями в испытаниях: иногда хорошо обработанные академические проповеди вызывают у паствы досаду, во-первых, продолжительностью, во-вторых, безжизненностью, ибо в них тщетно ищут ответов на вопросы жизни: теперь жизнь для всех – подвиг, а для многих драма“¹⁸⁸. Священники обличали паству в период упадка духа, одновременно и утешали ее; стараясь не вдаваться в политику, освещали насущные общественные проблемы: неверия, материализма, социальные вопросы и вопросы взаимоотношения мужчин и

¹⁸⁶ Юрьев В., протоиерей. Церковно-приходские школы // Церковный Вестник Западно-Европейской епархии. – 1947. – №5, март. – С.11–12.

¹⁸⁷ Езерский Н., иерей. Приходская работа... С. 12.

¹⁸⁸ Там же. С. 14.

женщин. Многие, волновавшие паству темы, были новыми, мало освещенными для русских прихожан, так как исходили от западного общества.

Деятельность Православной Церкви не ограничивалась только словами утешения и учения. Она старалась идти на встречу нуждам паствы, помогать ей действительно, поддерживать в борьбе, в трудностях изгнания. Со временем Русская Православная Церковь, как относящаяся к юрисдикции митрополита Евлогия (Георгиевского) – Западно-Европейский Экзархат с центром в Париже, так и Русская Православная Церковь Зарубежом – с центром в Сремских Карловцах, смогла заниматься социальными делами: содержать женские школы-интернаты, детские сады, приюты, больницы, амбулатории, аптеки, старческие дома и лечебницы, пункты питания. Организовывались приходские курсы сестер милосердия, мастерские для обучения подростков, и многочисленные ремесленные предприятия.

Особо следует выделить деятельность Елизаветы Юрьевны Скобцовой (в монашестве мать Мария). Она была первой женщиной, окончившей Санкт-Петербургскую духовную академию (заочно). До революции была членом партии эсеров. В 1917 году - городской голова города Анапа. Эмигрировала в 1921 году и поселилась в Париже. Приняла монашество в 1932 году. Мать Мария была избрана местным секретарем Русского студенческого христианского движения (Р.С.Х.Д.) во Франции по работе во французской провинции, а затем (с 1933г.) секретарем Центрального секретариата Р.С.Х.Д. по миссионерской и социальной работе¹⁸⁹. В 1932 году основала в Париже общежитие для одиноких женщин (9, villa de Saxe). Через два года общежитие переехало на улицу Лурмель, дом 77. При общежитии была устроена церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы и курсы псаломщиков, а с зимы 1936-1937 годов - миссионерские курсы. Позднее она основала благотворительную и культурно-просветительную организацию помощи русским эмигрантам "Православное дело". В 1935 году совместно с Ф. Т. Пьяновым и священником

¹⁸⁹ Плюханов Б. В. РСХД в Латвии и Эстонии: Материалы к истории Русского студенческого христианского движения. – Париж: YMCA-PRESS, 1993. – С. 158.

Михаилом Чертковым основала "Дом отдыха" для выздоравливающих туберкулезных больных в местечке Нуази-ле-Гран, а в 1936 году открыла, тоже с помощью Ф. Т. Пьянова, дешевое общежитие в особняке № 43 на улице Франсуа Жерар в Париже, ставшее филиалом центрального общежития на улице Лурмель. Посещала в больницах душевнобольных. После начала Второй мировой войны принимала участие в деятельности французского Сопротивления (в частности, помогала укрывать евреев)¹⁹⁰. 9 февраля 1943 года была арестована фашистами и содержалась до Пасхи в концлагере у форта Роменвиль, затем в Компьенском лагере, а оттуда была увезена в Германию в Равенсбрюк. Погибла 31 марта 1945 году в концентрационном лагере Равенсбрюк в газовой камере. Канонизирована Константинопольским Патриархатом в 2004 году¹⁹¹.

В условиях эмигрантской жизни, кроме трудности самого пастырского дела включавшего в себя и социальные задачи встречались и внешние препятствия, как например: нежелание со стороны окормляемого показать свое материальное убожество и следствием этого становилось появление нерасположенности к священнику, а иногда и даже враждебности¹⁹². Поэтому пастырям, сестрам милосердия необходимо было запастись терпением и смирением, проявлять братскую любовь, и через это убеждать, что человек не один, а его окружает приходская семья.

Уделялось внимание просветительской работе. С годами открывались кружки по изучению православного богослужения, курсы по вопросам православного мировоззрения. На приходах устраивались курсы иконописи, рекомендовалось проводить разъяснительную работу среди прихожан с целью устранить механический взгляд на церковные таинства, как на некие магические

¹⁹⁰ Шкаровский М. В. Нацистская Германия и Православная Церковь (нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на территории СССР). – М.: Крутицкое подворье; Общество любителей церковной истории, 2002. – С. 323–324.

¹⁹¹ Подробнее см.: Гаккель С., протоиерей. Мать Мария. – Париж: YMCA-PRESS, 1992. (2-е издание – Москва: Крутицкое подворье, 1994); Русские писатели эмиграции: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре: 1921-1972 / Составитель Н. М. Зернов. – Boston: G. K. Hall & Co., 1973.

¹⁹² Протокол заседаний благочиннического съезда духовенства... С. 21.

действия¹⁹³. Проводились циклы лекций и групповые собеседования. В церковных „Вестниках“ освещалась проблема сектантства. Устраивались курсы английского языка, кройки и шитья. В эмиграции использовалась широкая сеть епархиальных газет и приходских листков, календарей со статьями духовного содержания. Распространялись книги и писания религиозно-педагогического, исторического, литературного и общерелигиозного содержания. Организовывались издательства.

Конечно, такая разнообразная деятельность не была применима к каждому отдельному приходу. Одни приходы, занимались широкой деятельностью, другие более скромной по размерам. По мере того, как приходы росли или напротив вымирали, менялся их круг деятельности, но каждый в меру своих сил помогал перестраивать жизнь людей на христианских началах. Приходы становились центрами информации, помощи и взаимопомощи. Они помогали эмигрантам общаться, собираться вместе под сводами или убогими потолками храмов, и из этого вытекала последующая деятельность. Социальная работа приобретала организованные формы, и это было одним из путей привлечения к Церкви людей стоящих далеко от нее. Священники часто брали на себя обязанности руководить группами людей, которые образовывались в кружки с различными целями, как например, изучение Евангелия, церковных служб, служение больным, помощь бедным.

1.3.4. Организация православных братств и сотрудничество с молодежными объединениями

С целью просветительской работы в Зарубежье организовывались братства и содружества. А. В. Карташев так говорил о теории маленьких братств: “Нет вам визы на затвор, были бы братья, а братство будет”.¹⁹⁴ Профессор Карташев говорил, что перед революцией мы духовно уснули, одичали, и за это Бог и

¹⁹³ Протокол заседаний благотворительного съезда духовенства... С. 22.

¹⁹⁴ Цит. по: Христианство и современная жизнь / Христианский студенческий съезд во Франции. Материалы съезда, Аржеронн, июль, 1925 / Ред. Зандер Л. А. – Париж, 1925. – С. 11.

наказал нас, теперь приходится исправляться. „Как историк русской Церкви, я давно знал, что для этого надо зажить братством“¹⁹⁵.

Первым в 1921 году было основано в Париже Братство святого Александра Невского. Оно объединило вокруг себя приходскую молодежь собора Александра Невского. Целью его было привлечение зарубежной молодежи к работе в Церкви, прислуживанию, пению и помощи духовенству, которое разъезжало по разбросанным общинам. Братство устроило курсы для церковной молодежи, на которых обсуждались современные проблемы в свете Православия. В этом братстве были воспитаны и выросли многие будущие священнослужители отец Александр Нелидов, отец Иоанн Мейендорф, отец Петр Чеснаков, отец А. Князев (будущий долголетний ректор Свято-Сергиевского Института)¹⁹⁶.

В 1924 году по инициативе священника Александра Калашникова и его дочерей было создано братство Святой Троицы. Оно выросло из студенческого кружка. По примеру русских братств было решено “посвятить свою деятельность трем целям: соблюдению евангельских заповедей, сохранению православных догматов, традиций и предания и посильному “братотворению”¹⁹⁷. Главной задачей его было привлечение к Церкви русской молодежи, посещавшей христианские кружки. Братство просуществовало до 1941 года (год смерти о.А.Калашникова). В разные годы его членами были 40 человек. Это братство дало 10 священников, 1 дьякона, 1 богослова, активных членов Р.С.Х.Д.¹⁹⁸.

Несколько позже было создано Свято-Фотиевское братство, учрежденное в духе верности канонического подчинения Московского Патриархата. Братство стремилось защищать чистоту православной веры и идеи вселенскости

¹⁹⁵ Христианство и современная жизнь / Христианский студенческий съезд во Франции. Материалы съезда, Аржеронн, июль, 1925 / Зандер Л. А. – Париж, 1925. – С. 21.

¹⁹⁶ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия... С. 204–205.

¹⁹⁷ Зандер В. А. Путь моей жизни // Вестник РХД. – 1984. – № 142. – С. 276–277; Христианство и современная жизнь / Христианский студенческий съезд во Франции. Материалы съезда, Аржеронн, июль, 1925 / Ред. Зандер Л. А. – Париж, 1925. – С. 6.

¹⁹⁸ Зандер В. А. Путь моей жизни... С. 204–205.

Православия. Духовным руководителем братства стал покинувший в 1931 году Сергиевское подворье епископ Вениамин Федченков, основатель Трехсвятительского подворья Патриаршей Церкви¹⁹⁹. Братство возглавляли такие известные люди, как А. В. Ставровский и потом В. Н. Лосский, Полторацкий и другие. С помощью Фотиевского братства были заложены основы первых приходов во Франции на местном языке²⁰⁰.

В среде студентов Свято-Сергиевского Богословского Института в Париже в конце 1927 года возникло братство в честь Преподобного Сергия Радонежского. Инициатива в создании братства исходила от А. И. Грече, будущего архиепископа Никона и К. П. Струве (архимандрит Савва). Первоначальной целью братства было объединение учащихся в Институте для взаимной духовной поддержки. „Вскоре, общая молитва и духовная работа над собой вывели Братство на путь действенного служения Православной Церкви“²⁰¹.

Деятельность братства постепенно распространилась на три области: издательскую (просветительскую), религиозно-педагогическую и больничную (посещение госпиталей). Студенты, объединенные в братство многие годы выпускали „Сергиевские листки“. Стараниями братства было издано несколько сборников, брошюр, молитвословов и последований служб на некоторые праздники. Религиозно-педагогический отдел братства поставил себе задачу заботиться о духовных потребностях, живущих в эмиграции. Студенты рассылали духовную литературу, особенно детскую. Братчики заботились о русских могилах парижского района, а священнослужители входящие в братство, служили панихиды на них. Священнослужители братства окормляли больницы, раздавали там духовные книги и крестики²⁰².

¹⁹⁹ Личный архив протоиерея Николая Озолина, инспектора Свято-Сергиевского Богословского Института.

²⁰⁰ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия... С. 204–205.

²⁰¹ Буткевич А. Т. Братство имени преп. Сергия Радонежского // Церковный Вестник Западно-Европейской Епархии. – 1947. – №4, январь. – С.20.

²⁰² Отчет о деятельности Православного Богословского Института за трехлетие 1927 – 1930 годов // Православная мысль. Труды Православного Богословского Института в Париже. – 1930. – Выпуск II. – С. 200–

Следует назвать и кружок преподобного Серафима Саровского, инициатором которого был Н. М. Зернов. Он был создан в Белграде. В него входил целый ряд будущих выдающихся церковных деятелей, из которых можно назвать архимандрита Киприана Керна, протоиерея Николая Афанасьева, епископа Кассиана Безобразова, мать Бландину (Оболенскую), священника Дмитрия Клепина²⁰³. Димитрию Клепину, впоследствии священнику, участие в этом кружке очень помогло духовно и утвердило его в вере²⁰⁴. Все они приняли непосредственное участие в миссии Церкви и ее свидетельстве о Православии. Члены кружка увлеченно обсуждали церковные и политические проблемы, вопросы по искусству, усердно собирали средства на постройку храма в Белграде. Кружок впоследствии преобразовался в Братство имени преподобного Серафима Саровского. В воскресенье, 25 октября 1925 года члены кружка вступили в братство. В этот день все причащались, а затем митрополит Антоний (Храповицкий) прочел обеты братства перед Курской иконой Божией Матери. Все повторяли за владыкой слова молитвы и обещаний²⁰⁵.

Пастырское попечение о молодых душах, оказавшихся в окружении сильной и активной европейской культуры, было одной из центральных задач Русской Православной Церкви за рубежом. Благодаря тому, что молодому поколению уделялось особое внимание – выросло новое поколение, которое смогло послужить Матери Церкви и России в будущем.

Уже в первые годы русского рассеяния у молодежи появился интерес к религиозным вопросам, к ознакомлению с жизнью и учением Православной Церкви и изучению Священного Писания. Начали образовываться как христианские и библейские (были связаны с протестантскими движениями), так и православные кружки. В 1922 году в Париже был основан первый русский

209; Буткевич А. Т. Братство имени преп. Сергия Раднежского // Церковный Вестник Западно-Европейской Епархии. – 1947. – №4, январь. – С.20–22; Зеньковский В., протоиерей. Духовно-Воспитательная Работа Богословского Института // Вестник русского христианского движения. Париж-Нью-Йорк-Москва. – 1985. – №145. – С. 253–254; Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия... С. 204–205.

²⁰³ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия... С. 205–206.

²⁰⁴ Жаба С. За други своя // Вестник РХД. – 1980. – № 131. – С. 335.

²⁰⁵ За рубежом... С. 114.

христианский студенческий кружок, который вошел в сношения с подобными кружками других стран. Целью его было изучение Священного Писания. Вскоре в Париже образовался еще один православный кружок, его задачей было изучение православного богослужения. Инициаторами их были М. В. Лаврова (будущая супруга Н. М. Зернова), Е. С. Серикова (Меншикова), П. Е. Ковалевский, С. Н. Матвеев.

В 1923 году в Чехословакии было создано Русское студенческое христианское движение (Р.С.Х.Д.), возглавляемое профессором В. В. Зеньковским (впоследствии протоиерей Василий). Еще до оформления РСХД, практически, во всех европейских центрах русской эмиграции существовали подобные объединения; в Белграде в нем участвовали братья Зерновы, Зеньковский, К. Э. Керн, С. С. Безобразов, Н. Н. Афанасьев, Н. М. Терещенко; в Праге кружок был организован деятелями дореволюционного студенческого движения в России Л. Н. Липеровским, А. И. Никитиным, М. Л. Бреге и носил интерконфессиональный характер; в Париже молодежь группировалась вокруг протоиерея А. Калашникова, в Берлине - вокруг Франка и И. А. Ильина. Начиная с 1925 года Р.С.Х.Д. охватило большинство стран Европы включая прибалтийские страны. Центр организации был в Париже. Основными формами деятельности Р.С.Х.Д. было участие в литургической жизни Церкви и миссионерская деятельность²⁰⁶: организация четверговых и воскресных школ при православных приходах, летних студенческих лагерей, социальная работа в больницах и тюрьмах, организация студенческих христианских кружков во всех странах рассеяния (включая Польшу, Чехословакию, страны Балтии). Члены Движения организовывали публичные собрания и лекции в рабочих центрах и провинции. В здании центра Движения находилась православная церковь.

²⁰⁶ В 1959 г. был принят новый устав РСХД, оговаривающий, что Движение имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения православной церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Важной составляющей деятельности было издание печатного органа - "Вестника РСХД"²⁰⁷

Это движение было новым явлением для русского общества. До революции студенты в России объединялись либо в политические кружки, либо в землячества. Религиозные вопросы мало затрагивали их. Подчинение Церкви государству и подозрительное отношение правительства ко всем проявлениям самодеятельности среди молодежи не способствовали ее участию в церковной жизни. В эмиграции ситуация изменилась. Многие студенты вернулись в Церковь. Важно было то, что они были одушевлены желанием послужить ей, хотели осмыслить свое христианское мировоззрение и встать на защиту Православия, преследуемого в России.

Н. М. Зернов устроил анкету, в которой просил описать цели движения и лучшие пути к осуществлению их. В ней приняли участие: иерархи, профессора и рядовые члены Движения. В своем ответе на анкету Н. А. Бердяев определил задачу Движения, как „создание клеток христианского общества, реальное, а не внешне условное оцерковление жизни“²⁰⁸. Он писал: „Церкви вновь, как в древние времена, предстоит сделаться центром духовной культуры и жизненного творчества, в то время как в миру угашается дух, истребляется истинная свобода и иссякает творчество“²⁰⁹.

Р.С.Х.Д. провозглашало себя стоящим вне политики и допускало в свои члены людей полярных идейных убеждений (от монархистов до социалистов). Движение отказалось от интерконфессиональности и избрало церковно-православный характер, притом, что официально не подчинялось никакой церковной власти, и не подпадало ни под какую юрисдикцию. Центральной его идеей была идея оцерковления культуры и жизни. В Движении, на различных встречах и конференциях происходила встреча двух поколений: деятелей

²⁰⁷ Название с 1973 г. - "Вестник Русского Христианского Движения". Выходит с 1925 г., кроме 1939- 1945 гг., первоначально ежемесячно, затем ежеквартально.

²⁰⁸ Цит. по: Зернов Н. За рубежом... С. 142.

²⁰⁹ Там же. С. 143.

русского религиозного возрождения и молодых людей, пришедших в Православную Церковь большей частью в послереволюционные годы. Как сказал Булгаков секретарю движения - Зандеру, "по сравнению с нашими религиозно-философскими собраниями проблематика съездов движения довольно элементарна; но в них есть нечто, чего у нас не было: живое соборование церковных людей, страстно и упорно ищущих правых путей"²¹⁰.

В июне 1926 года Собор русских епископов в изгнании в Карловцах объявил протестантские организации, поддерживающие Р.С.Х.Д., масонскими и враждебными православию и потребовал от студенческих кружков порвать всякую связь с ними, что противоречило духу открытости Движения. Р.С.Х.Д. поддержал митрополит Евлогий (Георгиевский), стоявший у его истоков. Однако многие из священнослужителей равнодушно и даже враждебно относились к христианским молодежным движениям.

Целью христианских кружков было углубление в вере и изучение Священного Писания. Через участие в них, воцерковленная и только пришедшая в Церковь молодежь, с одной стороны, узнавала силу христианства, с другой – углублялась в познание Православия, его красоты, и больше его ценила. Молодежь могла почувствовать вселенское Православие. Вклад в образование и просвещение молодого поколения особо ценен. Это осознает каждый народ, каждое государство. Привлечение молодежи к Церкви позволило направить молодые умы к решению серьезных задач и осмыслению жизненных вопросов. Молодежь в эмиграции была более взрослой, так как пережила гражданскую войну, а то поколение, которое выросло в эмиграции, было воспитано в духе любви к Родине и Церкви. К тому же новое поколение молодежи было идеологически чуждо своим французским сверстникам. Благодаря интенсивной работе с молодежью, старшее поколение эмиграции смогло передать свой опыт и подготовить необходимый фундамент для свидетельства о Православии.

²¹⁰ Вестник РСХД. – 1962. – № 66/67. – С. 26.

Заключение первой главы.

Необходимость духовной миссии внутри эмиграции была продиктована самой жизнью. Митрополит Питирим (Нечаев) пишет: „Русская эмиграция — самая несчастная. Русский человек за границей никогда не чувствует себя дома. Мне приходилось встречать многих — были и те, кто внешне переделался, но все же до конца адаптировавшихся внутренне я не знал. Нередко меня просили привезти щепотку русской земли“²¹¹. Все это говорит о том, что именно в Церкви русский человек чувствует родину, именно духовную родину, которая помогает ему не забыть своих корней. Церковь помогает человеку построить свою маленькую Родину за границей. Люди потеряли все, но многие из них нашли самое главное – веру, приобрели небесную родину, где „нет различия между иудеем и эллином, потому что один Господь у всех (Рим. 10.12)“ задача Церкви была помочь человеку не растерять нравственные основы из „старой жизни“ в новой, сложной обстановке. Важно было помочь осознать значение молитвы за свою Родину, а не готовить войны против нового Русского государства.

Внешняя миссия и Православное свидетельство возможно только после налаженной внутренней духовной жизни. Так, на страницах журнала „Путь“ читаем: „Задача культурного слоя русской эмиграции и есть духовная задача осознания той истины, что есть только одно движение против царства антихриста, на котором почиет Божия сила, это движение, осуществляющее Христову правду и ею вдохновляющееся“²¹². Это призыв, прежде всего, к духовной активности, из которой происходит плодотворная общественная активность. Эта духовная активность предотвратила растворение русского общества в чужой стране. «Только через Православную Церковь эмиграция может ощутить себя единым русским народом»²¹³. Профессор А. В. Карташев в

²¹¹ Питирим (Нечаев), митрополит. Воспоминания. Русская эмиграция // Православие [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: www.pravoslavie.ru/put/1122123113.htm. – Дата доступа: 10.01.2009.

²¹² Духовные задачи русской эмиграции // Путь. – 1925. – №1. – С. 3.

²¹³ Там же. С. 4.

своих воспоминаниях пишет, что самой широкой общенациональной формой объединения оказалась, вопреки предвидениям и ожиданиям самих русских – Православная Церковь²¹⁴. Это подтверждает и следующий факт. В 1945 году по указанию французского правительства, национальный институт демографии произвел широкий опрос-анкету в русской среде для выяснения причин способствовавших или препятствовавших ассимиляции русских. Принадлежность большинства русских к православным общинам было одним из факторов мешавшим ассимиляции²¹⁵. Православие стало надежной почвой, на которую стала большая часть эмигрировавших из России. Современный исследователь Н. В. Назаров пишет: „Стержнем, делавшим из эмиграции единый национальный организм, была Церковь“²¹⁶. Исчезли остатки фронтов и правительств, на которые надеялись изгнанники. Старые и новые политические партии скромно существуют, без особых притязаний. Но Церковь как была, так и осталась душой и опорой большинства эмигрантов.

Э. А. Шулепова, исследуя роль и место Православной Церкви в процессе адаптации русской эмиграции, пришла к следующим заключениям: „Русская Православная Церковь за рубежом, и прежде всего в годы Второй Мировой войны, сыграла на чужбине роль, подобную той, которая принадлежала русскому монастырю в создании Московского государства. Русская Православная Церковь помогала за рубежом сосредоточению духовной связи с Родиной. Она для русских эмигрантов не только церковный, но и социальный центр. Она морально поддерживала, помогала выжить в борьбе с засасывающими в обывательскую трясику повседневностями жизни, она - центр воспитания подрастающего поколения в духе русской культуры“²¹⁷.

²¹⁴ Карташев А. В. Как создавался Православный Богословский Институт в Париже // Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. Париж-Нью-Йорк. – IV- 1964, I - 1965. – № 75–76. – С. 5.

²¹⁵ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия... С. 35.

²¹⁶ Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. – М.: Родник, 1994. – С. 36.

²¹⁷ Шулепова Э. А. Роль и место Православной Церкви в процессе адаптации русской эмиграции // Культурная миссия Российского Зарубежья: История и современность. Сб. ст. – М.: Российский институт культурологии, 1999. – С. 21-27 // Научная Сеть [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1188500>. – Дата доступа: 15.01.2009.

Итоги внутренней миссии русской церковной эмиграции в настоящее время представляют собой не просто исторический опыт ушедших поколений. В настоящее время люди, покидающее пространство СНГ, по различным причинам, все так же ищут и находят приют в стенах Православных храмов. И опыт русской эмиграции первых волн, и его осмысление, как никогда ранее, может быть востребован нами, современниками, служителями Русской Православной Церкви в странах Восточной Европы, а так же для вполне реального решения многих проблем выживания нашей диаспоры в зарубежье.

ГЛАВА 2. СОХРАНЕНИЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И ОПЫТА РУССКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ НАУКИ, ДУХОВНОСТИ И ЕЕ РАЗВИТИЕ

Во второй главе выявлены причины, способствовавшие сохранению и развитию богословской науки за пределами России; охарактеризован вклад, который осуществила русская эмиграция в развитие богословской мысли и ее взаимосвязи с делом православного свидетельства; дан обзор основных направлений в богословской и религиозно-философской литературе изданной преподавателями Свято-Сергиевского Института и другими церковными мыслителями русского рассеяния. Свято-Сергиевский Богословский институт рассмотрен как духовно-просветительский центр, как центр православного свидетельства в инославном окружении.

Главное отличие русской послеоктябрьской эмиграции от эмиграций всех других стран и народов заключается в сохранении ею высшего духовного начала, сохранении культуры своей Родины, противодействию ассимиляции. Русские эмигранты, в большинстве своём, никогда не становились американцами, французами, англичанами, немцами российского происхождения. Они в большинстве своем оставались русскими, православными, всегда верили в возрождение национальной России, всегда верили, что их подвиг не будет напрасным²¹⁸. Как говорил И. А. Бунин: „Мы не в изгнании, мы в послании. Миссия, именно миссия, тяжкая, но и высокая, возложена судьбой на нас“²¹⁹. Русская эмиграция была призвана хранить преемственность русской духовной культуры и в меру сил своих способствовать ее творческому развитию²²⁰.

Сохранение преемственности и опыта русской богословской науки, духовности и ее развитие является второй важной задачей в церковной миссии русской эмиграции. Доказательством чему и является основание в Париже целой

²¹⁸ Попов А. В. Три завета: духовное наследие русской интеллигенции в эмиграции // Материалы конференции Российская интеллигенция: критика исторического опыта. – Екатеринбург, 2001. – С. 100–101.

²¹⁹ Бунин И. А. Миссия русской эмиграции. Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 года // Библиотека-фонд „Русское Зарубежье“ [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: http://zarubezhie.narod.ru/texts/chss_0076.htm. – Дата доступа: 18.09.2008; См. также: Бунин И. Миссия русской эмиграции / Под серпом и молотом. – Лондон (Канада), 1975. – С. 209–217.

²²⁰ Духовные задачи русской эмиграции // Путь. – 1925. – №1. – С. 4.

богословской школы, которая ставила перед собой цель как прямую практическую - готовить пастырей²²¹, так и подготовить богословский центр, собрать вокруг школы лучших из находившихся тогда за границей философов и богословов. Свято-Сергиевский Богословский Институт был не просто высшим богословским русским учебным заведением – духовной академией, а центром и средоточием русской религиозной, богословской мысли, являясь непосредственным свидетельством православной богословской традиции в западном мире. Он сконцентрировал в себе многих выдающихся личностей, внесших большой вклад в сохранение и развитие русской богословской науки и религиозной мысли.

2.1. Значение рассеяния для сохранения и развития русской богословской науки

Для того, чтобы лучше понять ту роль, которую сыграло эмигрантское рассеяние для сохранения и дальнейшего развития русской богословской науки на Западе, кратко рассмотрим проявление интереса со стороны интеллигенции и молодежи к русской богословской науке XX века.

Протоиерей Георгий Флоровский в своей книге: «Пути русского богословия» пишет, что трагический период истории русской богословской науки XX века начинается не с октября 1917 года, когда власть в России захватили большевики, и Церковь стала гонимой, а со времени разрыва между богословием и благочестием, между богословской ученостью и молитвенным богомыслием, между богословской школой и церковной жизнью. «Это был разрыв между «интеллигенцией» и «народом» в самой Церкви, и он был вреден и опасен для обеих сторон, поскольку прошел в области веры. Верхи очень рано заразились и отравились неверием или вольнодумством»²²². Архиепископ Иоанн Шаховской утверждает, что проблема заключалась „в нехватке золотого запаса

²²¹ Булгаков С., протоиерей. Путь Парижского Богословия. – М.: Издательство храма святой мученицы Татианы, 2007. – С. 428; Булгаков С., протоиерей. При реке Ховаре. Речь на акте в 10-летие Парижского Богословского института // Путь. – 1935. – № 47, апрель-июнь. – С. 66.

²²² Флоровский Г., протоиерей. Пути русского богословия. – Париж, 1983. – С. 502.

веры“²²³. Интерес к религии в русском обществе охладел. Касательно религии и вопросов веры протоиерей Сергей Булгаков называет тот период времени „русским средневековьем“, „безвременьем“. По его мнению это „было время, когда религиозная темнота и невежество глубоко укоренились в нашей интеллигенции, хотя русская душа, русская мысль, русская литература всегда питались религиозными исканиями“²²⁴. Отец Сергей, являясь непосредственным участником той эпохи, свидетельствовал, что в то время говорить о Боге, о вере, считалось неприличным и невежественным. Богословие существовало как казенный предмет в светской высшей школе, который робко и незаметно ютился в ряду других предметов²²⁵. Изменение умонастроения русской интеллигенции в начале века отражали публикации в сборниках «Проблемы идеализма», «Вехи», «Русская мысль», «Новый путь»²²⁶.

Однако не вся русская интеллигенция была безразлична к вопросам религии: в то время, когда одна ее часть стремилась к свержению самодержавия, а так же односторонне была поглощена общественными и экономическими проблемами, другая - проявляла интерес к религии, метафизическому и этическому идеализму, идее нации и духовным ценностям²²⁷.

Так в 1901 году в Петербурге было основано Религиозно-философское общество, председателем которого являлся епископ Сергей (Страгородский), будущий Патриарх Московский и всея Руси. Посетителями заседаний этого общества были и представители духовенства, и миряне, среди которых были такие известные философы, как Д. С. Мережковский, В. В. Розанов, князя С. Н. и Е. Н. Трубецкие, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, С. А. Алексеев (Аскольдов) и С. Л. Франк²²⁸.

В русском обществе все более ощущалась необходимость церковной реформы. Многие иерархи, клирики, чувствовали необходимость осмыслить

²²³ Иоанн (Шаховской), архиепископ. Вера и достоверность. – Париж, 1982. – С. 214.

²²⁴ Булгаков С., протоиерей. Об особом религиозном призвании нашего времени // Духовный Мир Студенчества (Оттиск журнала). – Прага. – 1923. – №3. С. 1–2.

²²⁵ Там же. С. 1.

²²⁶ Лосский Н. О. История русской философии. – М., 1991. – С. 197.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Там же. С. 197.

причины всеобщего охлаждения аристократии, интеллигенции и студенчества по отношению к религии. В 1904 году митрополит Петербургский Антоний (Вадковский) подает государю записку, в которой излагает резонные основания к предоставлению конфессиональной свободы Русской Православной Церкви²²⁹. В 1905 году премьер-министр С. Ю. Витте создал при Кабинете Министров особое совещание с участием ряда профессоров из духовных академий. В составленной ими так называемой «Первой записке Витте» говорилось о необходимости созыва Поместного Собора. В этом же году всем архиереям Русской Православной Церкви было предложено прислать в Синод свои записки о положении Церкви и необходимых, по их мнению, преобразованиях²³⁰.

Но привести в жизнь наметившуюся реформу, касавшуюся всех сторон церковной жизни, так и не удалось. Власть в стране захватили большевики, провозгласившие борьбу с религией. Поместный Собор 1917 года не успел завершить работу, а его решения не были претворены в жизнь. Представители Церкви стали подвергаться гонениям. Затем последовали уничтожение духовных школ в 20-30 годы в России, массовые репрессии священнослужителей, монахов и мирян.

Таким образом, интерес к богословию проявлялся лишь узкой церковной средой, и практически отсутствовал среди интеллигенции, и тем более у простых мирян.

Несмотря на имевшиеся до революции в Русской Православной Церкви проблемы, богословская школа стояла на высоком уровне. „Духовная Академия, при всех признанных недостатках своих, стояла на такой высоте, о которой у нас мало знали, и уже, во всяком случае, уровень ее был выше университетов“²³¹. Система богословского образования включала три уровня: высший (богословская академия), средний (семинария), и элементарный (духовное училище). В конце девятнадцатого столетия в России существовали четыре

²²⁹ Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. – С. 25.

²³⁰ Голубцов С. Московское духовенство в преддверии и начале гонений 1917–1922 гг. М., 1999. – С. 5.

²³¹ Булгаков С., протоиерей. Об особом религиозном призвании... С. 7.

духовные академии (в Киеве, Москве, Санкт-Петербурге, и Казани), пятьдесят восемь семинарий, и сто пятьдесят восемь духовных училищ²³².

В Духовных Академиях проводились исследования по разным направлениям. Однако гонения и репрессии привели к фактическому обрыву творческой богословской традиции дореволюционного периода. Прервалась богословская работа, но на смену ей пришло исповедничество и мученичество.

Революционные события 1917 года явились катастрофой для духовного образования в России. По богословским школам был нанесен удар на самом раннем этапе борьбы с Церковью декретом Совнаркома: „Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви“. Согласно постановлению, религиозным обществам запрещалось владеть собственностью. Духовные школы существовали ранее на средства Святейшего Синода, теперь они потеряли финансовую основу для своей жизнедеятельности. Московская духовная академия в 1918 году последний раз приняла абитуриентов. Этот же год стал последним и для Петербургской академии. Киевская академия находилась в более сносных условиях до 1920 года, Казанская - просуществовала до 1921 года. К концу 20-х годов школьное богословское образование совершенно прекратилось на всей территории Советского Союза. Оно оставалось возможным только для частного, индивидуального и нелегального преподавания²³³. Возможность возобновления духовного образования Русская Церковь получила только на исходе Великой Отечественной войны в 1943 году. Вновь открывавшиеся духовные школы стремились по крупицам восстанавливать разгромленную в годы лихолетья традицию духовного образования, но недостаток сил и большие препятствия со стороны властей еще долго не позволяли говорить о действительном возрождении богословской школы. Главной их задачей было пополнение священнослужителей для

²³² St. Vladimir's Theological Quarterly. – 1972. – Vol. 16. – № 4. – P. 172–194; Шмеман А., протоиерей. Русское богословие 1920-1972. Вводный обзор // Веб-сайт об о. Александре Шмемане [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: www.schmemann.org/byhim/russiantheology.html. – Дата доступа: 12.03.2008.

²³³ Цыпин В., протоиерей. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. – С. 590–591.

открывавшихся храмов, но реальный разрыв преемственности между закрытием после революции духовных школ и официальным возобновлением их работы был намного глубже. Церковный историк протоиерей Владислав Цыпин пишет, что церковная наука во второй половине XX века, вплоть до конца 80-х годов находилась еще в более прискорбном состоянии, чем раньше, поскольку из жизни ушли почти все дореволюционные церковные ученые и преемственная связь со старшей школой и академической наукой если не вовсе прервалась, то крайне истончилась. Лишь с 90-х русская церковная наука стала успешнее развиваться у себя на родине²³⁴.

Многие из выдающихся деятелей ушли из жизни в первые годы после Октябрьской революции: профессора Московской и Петроградской академий Н. Ф. Каптерев, А. Д. Беляев, П. Н. Жукович, И. С. Пальмов. Оригинальный мыслитель, богослов и философ, крупный специалист в области математики, лингвистики, техники священник Павел Флоренский был расстрелян в концлагере в 1937 году; выдающийся патролог И. В. Попов погиб в лагерях; крупнейший специалист по византийским и южно-славянским источникам В. Н. Бенешевич погиб в застенках ГПУ; выдающийся литургист А. А. Дмитриевский также погиб, как и многие другие, от коммунистического режима²³⁵.

Для Русской Православной Церкви настал момент подтвердить свой „золотой запас веры“²³⁶, и она с достоинством вынесла все испытания. Епископ Диоклийский Каллист (Уэр) замечает: «Отбросив мирские элементы, освободившись от обузы – неискренних членов, внешне приспособивавшихся по социальным мотивам, - пройдя через очищение огнем, истинные православные верующие сплотились воедино, чтобы героически и смиренно противостоять гонениям. Неудивительно, что огромное число людей должно было покинуть Церковь в час гонений: так всегда было и, несомненно, всегда будет. Тем более поразительно, сколь многие остались верны Церкви»²³⁷.

²³⁴ Цыпин В., протоиерей. История Русской Православной Церкви... С. 609,792.

²³⁵ Там же. С. 608.

²³⁶ Иоанн (Шаховской), архиепископ. Вера и достоверность. – Париж, 1982. – С. 220.

²³⁷ Каллист (Уэр), епископ Диоклийский. Православная Церковь. – М., 2001. – С. 156.

В этом отношении свидетельство русского православия можно сравнить с миссией первохристианской Церкви, ведь даже гонения на христиан, не могли препятствовать распространению Церкви Христовой по всей Римской империи и даже за ее пределами.

Протоиерей Сергей Булгаков в своей речи на акте, посвященном десятилетию Парижского Богословского института, сравнивает вынужденное основание богословской школы за границей с Вавилонским пленением, которое явилось творческой эпохой в истории Израиля. Подобно тому, как еврейский народ был уведен из земли обетованной в царство Вавилонское, он не только сохранил веру, но и духовно возродился, так и русское богословие возрастало на духовной чужбине²³⁸.

Оказавшись в самом центре западного мира, богословы-эмигранты, церковные деятели, религиозные мыслители свидетельствовали о Православии на весьма высоком интеллектуальном, а также опытно-духовном уровне. Произошла встреча восточного и западного богословия. Митрополит Минский и Слуцкий Филарет (Вахромеев), несший послушание Экзарха в Западной Европе и собственным опытом ощутивший плоды богословского эмигрантского наследия и диалога, так охарактеризовал миссию встречи: «Применительно к этой встрече миссия русской эмиграции заключалась в том, что ее представители по существу открыли западно-христианскому миру восточное Православие. Важно то, что они открыли Православие, как живую, современную церковную традицию... Но в то же время надо подчеркнуть, встреча состоялась, потому, что представители западных вероисповеданий - и католики, и протестанты - приняли русских православных не как изгоев, а как свидетелей церковной мысли и опыта Востока. Без этого христианского гостеприимства была бы невозможна богословская встреча Востока и Запада»²³⁹.

²³⁸ Булгаков С., протоиерей. Путь Парижского Богословия... С. 429; Булгаков С., протоиерей. При реке Ховаре. Речь на акте в 10-летие Парижского Богословского института // Путь. - 1935. - № 47, апрель-июнь. - С. 66.

²³⁹ Филарет (Вахромеев), митрополит Минский и Слуцкий, патриарший Экзарх всея Беларуси // Церковная Миссия Русской Эмиграции... С. 79-80.

В итоге русская богословская наука продолжила свое существование на Западе, так как в самой России все условия для ее развития и существования были уничтожены советской властью. Хотя в России остались многие видные ученые такие, как профессора А. И. Бриллиантов, Н. И. Сагарда, М. М. Тареев, С. С. Глаголев, В. И. Мышцын, С. Т. Голубев, Н. К. Никольский, А. Ф. Лосев, а так же иерархи-богословы – патриарх Сергий (Страгородский), архиепископы Иларион (Троицкий), Василий (Богдасhevский) и другие, в условиях советского режима церковная наука могла существовать лишь „нелегально и полулегально в крайне изуродованных формах“²⁴⁰. В подобном положении оказались не только богословы, но и деятели культуры. А. Н. Николукин указывает, что невозможность печататься в Советской России сделала бессмысленным и опасным пребывание многих писателей в стране²⁴¹. Выехавшие за рубеж создатели эмигрантской литературы, писатели, философы свою миссию понимали по-разному, но сходились в том, что в основе лежит утверждение принципа свободы творчества как противостояния силам, литературу порабощающим²⁴².

В Советском государстве развиваться могли лишь отдельные отрасли церковной науки, которые сблизилась со светской. Они разрабатывались уже светскими учеными и профессорами в академиях наук и университетах. Например, исследования памятников древнерусской литературы, древнерусской иконописи²⁴³.

Поэтому большая ответственность в деле сохранения и развития русской богословской науки легла на русскую церковную эмиграцию. Можно себе представить, в какой степени отстала бы русская богословская традиция и какой духовный вакуум образовался бы за время существования советского режима, если бы не сохранился этот остров русской богословской науки. В этом и

²⁴⁰ Цыпин В., протоиерей. История Русской Православной Церкви... С. 607–608.

²⁴¹ Николукин А. С. Не в изгнании, а в послании: Миссия литературы / Культурное наследие русской эмиграции: 1917- 1940: В 2-х кн. / Ред. Е. П. Чельшев, Д. М. Шаховской. – Кн. 2. – М.: Наследие, 1994. – С. 7.

²⁴² Там же. С. 12.

²⁴³ Цыпин В., протоиерей. История Русской Православной Церкви... С. 608.

заклучалась охранительная миссия церковной эмиграции. И. В. Бунин понимал эту миссию как „власть (pouvoir), данную делегату идти делать что-нибудь..., а делегат означает лицо, на котором лежит поручение действовать от чьего-нибудь имени“²⁴⁴.

Таковыми делегатами от Русской Православной Церкви стали богословы и религиозные мыслители. Их миссия не состояла в классическом ее понимании как христианской проповеди людям не просвещенным Евангельским словом, миссией их было сохранение, продолжение богословской православной традиции, богословской мысли и их развитие в зарубежье. Они стали делегатами дореволюционной русской богословской науки. Это доказывает тот факт, что именно на 20-40 годы XX столетия, то есть то время, когда в России закрываются богословские школы, а научная деятельность сводиться к самому минимуму, если не до полной остановки, приходится блестящий расцвет и самый пик активности церковной науки, богословской и философской мысли в эмиграции. Благодаря тому, что целая группа церковных ученых выехала за пределы образовавшегося Советского Союза, русская церковная наука не потеряла и не „заморозила“ свой опыт. „Она сохранила драгоценное преемство с прошлым и углубила идеи гениальных русских учителей: Хомякова, Достоевского и Соловьева. Ее произведения содержат те духовные сокровища мысли и опыта, которые остаются недоступными русским, находящимся под властью коммунистов“²⁴⁵.

Церковные деятели, ученые-богословы и религиозные мыслители создали богословие русского Зарубежья и в частности, так называемой «парижской школы».

В первый год основания богословской школы в Париже С. С. Безобразов подчеркивал возложенные на русскую духовную школу за границей задачи –

²⁴⁴ Бунин И. А. Миссия русской эмиграции (речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 г.) // Библиотека-фонд „Русское Зарубежье“ [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: http://zarubezhie.narod.ru/texts/chss_0076.htm. – Дата доступа: 18.09.2008; см.: Бунин И. Великий дурман. – М., 1997. – С. 126–138.

²⁴⁵ Зернов Н. Русские писатели эмиграции... С. XIX.

восстановить духовное образование, которое оборвалось в России безбожной властью и продолжить великие традиции русской богословской науки²⁴⁶. Эти задачи с достоинством были выполнены, „оказавшись на чужбине, эти ученые продолжили традицию русского богословия на новой почве, в новых условиях. Произошла новая встреча с Западом лицом к лицу, и она оказалась весьма плодотворной. В этом состоит вся уникальность исторического события“²⁴⁷. Православные ученые и богословы русского рассеяния подготовили ту почву, на которой может сегодня произойти подлинное возрождение отечественного богословия²⁴⁸.

Русские церковные ученые смогли принести большие плоды благодаря новым условиям, в которые попали и которые были не доступны им как в дореволюционной России, так и в Советской. Во-первых, перед ними открылись новые источники и литература, доступы в архивы и библиотеки. Во-вторых, их искания и труды происходили не в узко замкнутой среде: находясь на Западе, наши богословы не могли не обращать внимания на западную богословскую науку, ее достижения, преимущества и недостатки. Ректор Свято-Сергиевского Богословского института в Париже на двадцатипятилетнем юбилее подчеркивал, что „мы не закрываем глаза на тот капитальный факт, что наша встреча с Западом нас необыкновенно обогатила. До первой мировой войны русские богословы достаточно знали литературу немецкую и, главным образом, протестантскую. За эту четверть века нашей работы в Париже, сокровища богословской мысли французской, английской и американской, не только протестантской, но и римско-католической, в равной мере открылись перед нами. В столкновении мнений познается истина. Поставленные перед новыми проблемами и обогащенные новыми знаниями, мы призваны формулировать ответы, о которых не могли думать наши предки, да и мы сами до тех войн и

²⁴⁶ Безобразов С. С. Русский Православный Богословский Институт в Париже // Путь. – 1925. – № 1, сентябрь. – С. 130.

²⁴⁷ Иларион (Алфеев), епископ Венский и Австрийский. Православное свидетельство в современном мире: Доклады, интервью, слова. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. – С. 14.

²⁴⁸ Там же. С. 17.

революций, которые изменили лицо мира и перевернули наши представления²⁴⁹.

В итоге произошла новая, свободная встреча западного и восточного богословия. Непосредственная встреча с западными богословами, их критический анализ, их опыт, являлись хорошим стимулом для развития русской богословской школы в эмиграции. Отец Алексей Князев подчеркивает привилегированное положение профессоров Свято-Сергиевского института особенно благоприятное для развития религиозной мысли: „Они все собраны в Париже, мировом центре и горниле французской и европейской культуры. Они составляли группу динамичную, полностью сознающую свою миссию“²⁵⁰.

В-третьих, в эмиграции не было давления со стороны государства и церковных чиновников на церковных исследователей. Если ранее Российское государство материально поддерживало церковную науку, то оно само и стимулировало либо тормозило развитие богословской мысли, препятствовало появлению новых философских обществ или богословских кружков, которые могли бы быть не благонадежными или вызывали подозрения. Отец А. Князев в воспоминаниях пишет, что профессорско-преподавательский состав Сергиевского института в Париже всецело пользовался академической свободой²⁵¹. Протоиерей А. Шмеман пишет, что в эмиграции трудились богословы двух традиций: „академической“ и „свободной“²⁵². Французское правительство не ограничивало научную и исследовательскую деятельность русской эмиграции. „Французы совершенно не вмешивались в русские дела. Каждый мог основать свое общество, устроить собрание, начать печатать журнал или издать книгу...Свобода пробуждала мысль, приучала к большей

²⁴⁹ Кассиан (Безобразов), епископ. Слово ректора. Двадцатипятилетний юбилей Православного Богословского института в Париже // Церковный вестник Западно-Европейского Экзархата (Оттиск из журнала) . – 1950. – № 4 (25). – С. 6.

²⁵⁰ Kniazeff A. L'Institut Saint-Serge: De l'Académie d'autrefois au rayonnement d'aujourd'hui. – Paris: Beauchesne, 1974. – S. 61–62.

²⁵¹ Ibid.

²⁵² См.: Шмеман А., протоиерей. Русское богословие 1920-1972. Вводный обзор // St. Vladimir's Theological Quarterly. – 1972. – Vol. 16. – № 4. – P. 172–194.

терпимости и помогала исканию правды²⁵³. Эмиграция получила такой „страшный“ дар свободы, который даже мог оказаться ей не по плечу²⁵⁴. Русские люди были предоставлены сами себе и имели полную свободу действий и печати, чего не было в России, как до, так и после революции. „В России при всех возможных (политических) режимах для религиозной свободы будут уготованы Соловки“²⁵⁵. Пережитые революционные события, гражданская война также явились встряской, которая содействовала, развитию богословской мысли за счет того, что многие, как в народе, так и в ученых кругах переосмыслили свои прежние взгляды. Е. Хаусбахер выделяет важную особенность. Она считает, что интеллеktуал в эмиграции, получает освобождение от привилегий и соблазнов определенной культуры. Данная ситуация дает интеллектуальному эмигранту определенную свободу и может послужить мощным импульсом для творческой активности²⁵⁶.

Рассеяние русских было причиной не только сохранения и развития русской церковной науки, но и дало определенный толчок для развития ее в богословских школах других стран. К примеру, богословский факультет в Варшаве имел высокий уровень образования благодаря тому, что к преподаванию там были привлечены опытные ученые-эмигранты. Церковную историю и церковное право преподавал профессор М. В. Зызыкин, большой популярностью пользовались лекции по философии известного русского мыслителя Н. С. Арсеньева²⁵⁷, который преподавал и в Кенигсберге. Ведущими профессорами на богословских факультетах Софийского и Белградского университетов были такие крупные ученые, как Н. Н. Глубоковский, М. Э. Поснов, А. П. Доброклонский, С. В. Троицкий, Ф. И. Титов²⁵⁸. Русские эмигранты внесли значительный вклад в развитие богословских наук в Сербии.

²⁵³ Зернов Н. М. За рубежом... С. 129.

²⁵⁴ Мария (Скобцова), монахиня. На страже свободы / Православное дело. Сб. I. – Париж, 1939. – С. 89.

²⁵⁵ Там же. С. 94.

²⁵⁶ Хаусбахер Е. Предисловие / Ent-Grenzen. Intellektuelle Emigration in der russischen Kultur des 20. Jahrhunderts. Peter Lang GmbH. Europäischer Verlag der Wissenschaften. – Frankfurt am Mein, 2006. – S. 16.

²⁵⁷ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия... С. 191-192; Цыпин В., протоиерей. История Русской Православной Церкви... С. 787.

²⁵⁸ Цыпин В., протоиерей. История Русской Православной Церкви... С. 790.

Сербский исследователь Предраг Драгич Киюк отмечает, что „православные русские эмигранты-интеллектуалы присутствовали во всех областях общественной жизни, будучи связниками двух великих православных культур. <...> Росту интереса к православной мысли способствовали именно русские свободные мыслители, философы и богословы. <...> Благодаря русской эмиграции сербы познакомились с идеями Аксакова, Данилевского, Леонтьева, Эрна, Соловьева и Бердяева“²⁵⁹.

Таким образом, многие достижения русской богословской науки в эмиграции были возможны именно благодаря тем условиям, которые не были доступны на родине. С другой стороны, пребывая на Западе, „православные в изгнании“ все глубже стали понимать само Православие, его красоту и мировое значение. „Я все более и более убеждаюсь“, - пишет протоиерей Александр Шмеман в письме Н. А. Струве, - „ что только Православие, как истина о Боге, о человеке, о мире, как общее видение космоса, истории, эсхатологии и культуры, можно сегодня противопоставить разложению и умиранию мира, созданного христианством, но от которого он в безумии своем отказался. Но чтобы это противопоставление было действенным, надо, чтобы православие снова стало Божественной простотой, Благой вестью в чистом виде, радостью, миром и правдой в Духе Святом“²⁶⁰.

2.2. Обзор направлений в богословской и религиозно-философской литературе эмиграции

Труды русских эмигрантов, выброшенных из России революционной бурей, являются исключительно яркой страницей в истории русского богословия XX века. Русские церковные деятели в эмиграции ясно осознавали, что „если Церковь будет ограничиваться только поучением, если она останется в стороне от творчества жизни, не попытается наложить на него своей печати, то жизнь

²⁵⁹ Предраг Драгич Киюк. Восток на запад. Русские эмигранты в православной сербской культурной среде // Русское Воскресение. Православие, самодержавие, народность [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.voskres.ru/bratstvo/kiyuk.htm>. – Дата доступа: 1.03.2010.

²⁶⁰ Цит. по: Струве Н. Отец Александр Шмеман // Вестник Русского Христианского Движения. Париж-Нью-Йорк-Москва. – 1987. – №149. – С. 83.

отойдет от нее, пойдет своим путем, и то оживление религиозного чувства, которое особенно присутствовало в первое десятилетие, не дав ощутительного плода, не закрепившись в положительных формах жизни, постепенно ослабеет и останется замкнутым, в немногих избранных душах²⁶¹. Осознавая необходимость развивать свои „таланты“, нести свет Евангельского слова в мир русские религиозные деятели, богословы, философы усердно потрудились в деле развития русской богословской науки. Через это они сохранили преемственность опыта православной духовности и русской богословской мысли – в чем заключалась охранительная миссия русской церковной эмиграции.

Священник Александр Ельчанинов пишет в своих записях размышление о духовных целях эмиграции: „Нам надо воспитать нашу религиозную волю, поднять культурный и моральный уровень, стать достойными драгоценного дара, нам вверенного“²⁶². В своем большинстве эмиграция была бедная, лишенная материального богатства, удобств, которые многие из эмигрантов имели на родине. Но из России они привезли самое главное и ценное – богатство Евангельское – нематериальное, духовное. Этим богатством была православная вера и опыт отцов, который был привезен из Византии и веками развивался на земле, именуемой „Святой Русью. „Так называемые старые русские эмигранты явились на чужбину не столько с обломками прежнего материального благополучия, сколько с невещественными благами родной культуры и в особенности родной веры. Всюду, где они оседали, они, прежде всего, устраивали свои церкви“²⁶³. „Драгоценный дар“²⁶⁴ – так называет духовное богатство эмиграции отец Александр Ельчанинов – был не просто дан эмигрантам, но „вверен“ им Божественным Промыслом для сохранения и дальнейшего развития, как евангельских талантов. Насколько эти их таланты

²⁶¹ Езерский Н., иерей. Приходская работа, ее задачи и затруднения // Церковный Вестник Западно-Европейской Епархии. – 1932. – №9, сентябрь. – С. 14.

²⁶² Ельчанинов А., священник. Записи... С. 39.

²⁶³ Спекторский Е. В. Эпохи русской культуры / Записки Русской Академической Группы в США. Том IV. – Нью Йорк, 1970. – С. 180.

²⁶⁴ Ельчанинов А., священник. Записи... С. 39.

были умножены видно из нижеуказанных направлений, в которых потрудились русская церковная эмиграция.

Религиозно-философскую и богословскую литературу русской церковной эмиграции можно условно разделить на девять направлений: богословское, религиозно-философское, историческое, экуменическое, религиозно-педагогическое, апологетическое (книги – опровергающие советское безбожие), духовно-назидательное, автобиографическое, полемическое. Само деление и отношение литературного наследия церковных деятелей, богословов, философов к определенным направлениям имеет относительный характер, так как многие из них писали на разные темы по различным церковным дисциплинам. Но данная классификация помогает лучше осветить направления в литературе русской эмиграции и увидеть сущность охранительной миссии, которую исполняли русские церковные деятели, богословы, религиозные мыслители и философы. Данная классификация отчасти была заимствована у Н. М. Зернова (исследование „Русские писатели эмиграции: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, истории Церкви и православной культуре“²⁶⁵), переработана и дополнена. В силу огромного литературного наследия эмиграции в данной главе мы приведем лишь некоторые работы самых ярких деятелей, которые наиболее точно представляют названные направления и дадим краткую характеристику каждого из них.

Первое – богословское – направление включает труды, которые излагают православное учение о троичности Бога, о природе человека и путях его спасения, о Церкви и ее таинствах. Зарубежные богословы, будучи верными учению Церкви, старались писать на языке понятном современному человеку, осознавая, что богословие необходимо не только учащимся семинарий и академий, но всем, считающим себя образованными людьми, всем кто ищет Бога. Работая над своими трудами, они принимали во внимание достижения западных богословов, научные достижения своего времени, старались отвечать

²⁶⁵ Зернов Н. Русские писатели эмиграции... С.181.

на злободневные вопросы общества. В богословских трудах следует выделить четыре основных группы: патристическую, догматическую, литургическую и библейскую.

Труды первой группы служили делу «патристического возрождения», лозунгом которого было «вперед - к Отцам», и обратились к изучению наследия восточных Отцов, открыли миру сокровища византийской духовной и богословской традиции²⁶⁶. К патристической группе можно отнести имена протоиерея Георгия Флоровского (1893-1979), архимандрита Киприана (Керна; 1909-1960), Владимира Лосского (1903-1958), архиепископа Василия (Кривошеина; 1900-1985), А. П. Доброклонского и протопресвитера Иоанна Мейендорфа (1926-1992). Протоиерей Георгий Флоровский был самым крупным православным зарубежным патрологом. Его труды стали широко известны в Западной Европе и Америке. Его классическими трудами являются двухтомная патрология „Восточные отцы IV века“ (Париж; 1931), „Византийские отцы от V до VIII века“ (Париж; 1933)²⁶⁷. „Два тома Георгия Флоровского о Восточных Отцах и Византийских Отцах были провозглашены шедеврами исторического и богословского анализа патристической мысли“²⁶⁸.

Благодаря трудам русских богословов в эмиграции совершилось переоткрытие паламитского богословия – византийского движения четырнадцатого столетия, главным богословским апологетом которого был Святитель Григорий Палама (+ 1359). Учение Паламы было "канонизировано" Церковью почти немедленно после его смерти, "ориентированное на Запад" православное богословие поствизантийского периода едва упоминало его имя. Василий Кривошеин²⁶⁹ и Киприан Керн²⁷⁰ дали замечательное описание паламизма, благодаря их исследованиям произошло повторное включение его в православное богословское творчество. В этом направлении трудился и

²⁶⁶ Иларион (Алфеев), иеромонах. Православное богословие на рубеже столетий. – М., 1999. – С. 394.

²⁶⁷ См.: также *Patristics and Theology / Procès-verbaux du Premier Congrès de Théologie Orthodoxe à Athènes.* – Athens, 1939. – P. 238–242; *Origen, Eusebius and the Iconoclastic Controversy / Church History.* – 1950. – XIX, 2. – P. 77–96; *Patristic Theology of the Church / The Greek Orthodox Theological Review.* – 1956. – II, 1. – P.121–123.

²⁶⁸ Шмеман А., протоиерей. Русское богословие... С. 111.

²⁶⁹ См.: *The Ascetic and Theological Teaching of Gregory Palamas // The Eastern Churches Quarterly.* – 1938. – № 4.

²⁷⁰ См.: *Антропология Св. Григория Паламы.* – Париж, 1950.

протопресвитер Иоанн Мейендорф²⁷¹. Его научное наследие включает монографии на французском и английском языках.

Вторая группа богословского направления – это труды по догматическому богословию. В области догматического богословия можно выделить две главные тенденции или направления. Для первого направления главным в богословии являлась возможность достаточно „вольного творчества“ так как, по мнению его представителей, православное богословие должно идти „далее“ Отцов, чтобы ответить на новую ситуацию, созданную столетиями *философского* развития. Другое направление отличается „бескомпромиссной“ верностью Отцам. „Стиль патристического века не может быть оставлен. Это – единственное решение для современного богословия. Нет никого другого, современного, языка, который может объединить Церковь“²⁷². Однако ни одно из этих двух направлений не было организовано в узкую систему и большое разнообразие акцентов существовало в пределах каждого из них.

Одним из самых известных представителей первого направления был профессор догматики в Свято-Сергиевском институте протоиерей Сергей Булгаков²⁷³. Труды отца Сергея уходят корнями в русский религиозный ренессанс конца XIX - начала XX века: влияние восточной патристики переплелось в нем с влияниями немецкого идеализма, религиозных воззрений Владимира Соловьева и священника Павла Флоренского. Отец Сергей создал полную богословскую систему, посвятив свои труды почти всем догматическим проблемам. Его небольшая книга „Православие“ в которой отсутствуют софиологические мотивы, способствовала ознакомлению западного мира с

²⁷¹ См.: Grégoire Palamas. *Défense des Saints Hésychastes / Introduction, texte critique, traduction et notes par J. Meyendorff.* – Spicilegium Sacrum Lovaniense, 30-31, 1959; Meyendorff J. *INTRODUCTION / Gregoire Palamas. Patristica Sorbonensia / Ed. Seuil.– Paris, 1959.* – 431 p.; Meyendorff J. *A Study of Gregory Palamas.* – London, 1964; St. Grégoire Palamas et la Mystique Orthodoxe. – Paris, 1959.

²⁷² Флоровский Г. *The lesson of history on the controversy concerning the nature of Christ* (Цит. по: Шмеман А., протоиерей. Русское богословие 1920-1972. Вводный обзор // Веб-сайт об о. Александре Шмемане [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: www.schmemann.org/byhim/russiantheology.html. – Дата доступа: 11.05.2009).

²⁷³ Его монументальная работа включает книги фактически по всем главным областям систематического богословия: христологии – „Агнец Божий“, (Париж: 1933), пневматологии – „Утешитель“, (Париж: 1936), экклезиологии и эсхатологии – „Утешитель“, (Париж: 1936), Мариологии – „Купина Неопалимая“, (Париж: 1927), ангелам – „Лестница Иакова“, (Париж: 1929), и „Друг Жениха о Св. Иоанне Крестителе“ (Париж: 1929), иконам – „Икона и иконопочитание“, (Париж: 1931), таинствам - "Евхаристический догмат", Путь, 20-21, 1930.

православием²⁷⁴. Это богословское направление с общим уклоном в религиозную философию разделяли В. Зеньковский, Б. Вышеславцев, и Н. Бердяев.

Представителями второго направления являются: Георгий Флоровский²⁷⁵, Владимир Лосский²⁷⁶, профессор Свято-Дионисиевского института в Париже, Сергей Верховской²⁷⁷, профессор догматики, сначала в Свято-Сергиевском институте (1944-45) и затем в Свято-Владимирской семинарии²⁷⁸.

Труды третьей группы готовили почву для «литургического возрождения» в Православной Церкви. Как известно, молитве уделялось первостепенное внимание в деле внутренней миссии, она была первым шагом, началом миссии. Митрополит Евлогий (Георгиевский) активно боролся с произвольным сокращением богослужения. Одного этого действия было не достаточно. В приходских рамках необходимо было раскрыть в доступной форме смысл совершаемых в храме богослужений, а в рамках литургики, как академической дисциплины – заниматься раскрытием богословского смысла богослужения. Эта группа включает имена таких выдающихся литургистов, как протопресвитер Николай Афанасьев (1893-1966), архимандрит Киприан (Керн), протопресвитер Александр Шмеман (1921-1983), и другие. По словам протоиерея А. Шмемана, своими трудами они расчистили дорогу „к подлинному литургическому богословию... к возрастанию литургики в подлинно богословскую дисциплину“²⁷⁹. Русские богословы в эмиграции были зачинателями в этой

²⁷⁴ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия ... С. 218.

²⁷⁵ Он написал несколько важных догматических эссе относительно творения - "Тварь и тварность" (Прав. Мысль. – 1928. – №1), искупления - "О смерти крестной" (Прав. Мысль. – 1930. – №2); "The Lamb of God" (Scottish Journal of Theology. – 1951. – IV. – P. 13–28), Святого Духа - "The Work of the Holy Spirit in Revelation" (The Christian East. – 1932. – XIII. – 2). См. также "Богословские отрывки" (Путь. – 1931. – № 31) и богословской антропологии - "The Resurrection of Life" (Bulletin of the Harvard University Divinity School. – 1952. – XLIX. – №8. – P. 5–26).

²⁷⁶ Его книга по мистическому богословию Восточной Церкви - The Mystical Theology of the Eastern Church (London, 1957) стала классикой на Западе.

²⁷⁷ См.: "Бог и человек" (New York, 1953); "Procession of the Holy Spirit According to the Orthodox Doctrine of the Holy Trinity" (St. Vladimir's Seminary Quarterly. – 1953. – Fall. – P. 12–26); "Some Theological Reflections on Chalcedon" (St. Vladimir's Seminary Quarterly. – 1958. – Winter. – P. 2–12).

²⁷⁸ Шмеман А., протоиерей. Русское богословие 1920-1972. Вводный обзор // Веб-сайт об о. Александре Шмемане [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: www.schmemann.org/byhim/russiantheology.html. – Дата доступа: 11.05.2009.

²⁷⁹ Шмеман А., протоиерей. Введение в литургическое богословие. – Париж, 1961. – С. 19.

области²⁸⁰, они проводили работу по систематизации „богословских идей, заключающихся в нашем богослужении“²⁸¹. Главной работой протоиерея Н. Афанасьева является книга „Церковь Духа Святого“, в которой заложены основы „евхаристической экклезиологии“, суть которой заключается в раскрытии центральной роли Евхаристии в церковном устройстве. В одной фундаментальной работе²⁸² Киприана Керна, профессора литургики в Свято-Сергиевском институте и нескольких эссе других авторов²⁸³ было выполнено исследование Евхаристии, дневного и недельного круга богослужения²⁸⁴, эортологии (изучение праздников)²⁸⁵ и, наконец, общие вопросы, имеющие отношение к самой задаче и методу литургического богословия²⁸⁶. В их трудах развивается евхаристическая экклезиология и раскрывается богатство литургического предания Православной Церкви²⁸⁷.

Четвертая группа характеризуется интересом к изучению библейского богословия. Накануне революции 1917 года свободное обсуждение проблем, вытекающих из критического и исторического подхода к Библии, подвергалось жестокой цензуре или полностью запрещалось в официальном академическом богословии. А. В. Карташев пишет: „Качественно... академическая продукция русских богословских школ в библейской области была на уровне мировой науки. Наши ученые, однако, *volens nolens* (волей-неволей) хранили осторожное

²⁸⁰ Киприан (Керн), иеромонах. Крины молитвенные. Сборник статей по литургическому богословию. – Белград, 1928. – С. I.

²⁸¹ Киприан (Керн), архимандрит. Литургика. Гимнография и эортология. – М., 1997. – С. II.

²⁸² См.: Киприан (Керн). Евхаристия. – Париж: YMCA-PRESS, 1947.

²⁸³ См.: Сове Б. Евхаристия в древней церкви и современная практика // Живое предание. – 1936. – С. 171–195; Арсеньев Н. Таинство Евхаристии. – Париж: YMCA-PRESS, б.д.

²⁸⁴ См.: Киприан (Керн). Крины молитвенные. Сборник статей по литургическому богословию. Эссе о суточном круге. – Белград, 1928.

²⁸⁵ См.: Ильин В.Н. Запечатленный гроб - Объяснение Страстной недели и Пасхи. – Париж, 1926; Schmemmann A. Sacraments and Orthodoxy. – New York, 1965. См. ряд интересных литургических статей в Журнале Московской патриархии: Епископ Исидор. Рождество Девы. – 1947. – № 5; Боголюбов Д. Богоявление. – 1952. – № 1; Сретение. – 1953. – №2; Никонов В. Пост. – 1953. – № 2; Ястребов А. Преображение. – 1953. – № 8; Савинский С. Пасха. – 1953. – №4; Попов Н. Введение во Храм. – 1953. – №11. На более популярном уровне - эссе Zander Valentina. La Fête de l'Épiphanie. – Troyes, 1947; La Pentecôte. – Troyes, 1948; La Fête de Noël. – Troyes, 1949.

²⁸⁶ Шмеман А., протоиерей. Русское богословие 1920-1972. Вводный обзор // Веб-сайт об о. Александре Шмемане [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: www.schmemann.org/byhim/russiantheology.html. – Дата доступа: 11.05.2009.

²⁸⁷ Иларион (Алфеев), епископ. Православие. – Т. I. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2008. – С. 245.

молчание о критической революции, которая имела место на Западе²⁸⁸. Русские богословы в эмиграции делали попытки пересмотреть, переоценить православное библейское богословие с целью его углубления. Так профессор Ветхого Завета в Свято-Сергиевском институте А. В. Карташев в своем эссе «Библейская Критика Ветхого Завета (Париж; 1947), попытался обосновать критический подход к библейскому тексту, исходя из богословских следствий халкидонского догмата о двух природах во Христе. Н. Н. Глубоковский, ветеран Санкт-Петербургской духовной академии, в изгнании преподававший в Софийском университете в Болгарии, издал две монографии - о Святом апостоле Луке (София; 1932) и о соотношении между Евангелием и Апостольскими постановлениями (София; 1935). Владыка Касиан (С. С. Безобразов), профессор Нового Завета в Свято-Сергиевском институте, автор нового перевода всех книг Нового Завета с лучших греческих подлинников на современный русский язык, был убежденным сторонником "form-criticism" (формальной критики), и применил ее принципы в своей монографии на французском языке об "Иоанновой Пятидесятнице" и других работах²⁸⁹. А. Князев, унаследовавший кафедру Ветхого Завета в Свято-Сергиевском институте после профессора А. В. Карташева, осуществил некоторые интересные разыскания библейских корней Мариологии²⁹⁰.

Вторым направлением, которое можно выделить в литературных трудах русской церковной эмиграции, является религиозно-философское. Н. М. Зернов считал, что оно включает в себя труды, защищающие в свете евангельского благовестия, ценность человеческой личности, ее свободу, творчество и моральную ответственность за свои поступки²⁹¹. В этой области большую

²⁸⁸ Карташев А. В. Ветхозаветная библейская критика. – Paris: YMCA-PRESS, 1947. – P. 10.

²⁸⁹ См.: Besobrasov K. La Pentecôte Johannique // Valence-sur-Rhône. – 1939. – № XX. – P. 19–23; Принципы православного изучения св. Писания // Путь. – 1928. – № 13. – С. 3–18; Евангелисты как историки // Православная мысль. – 1928. – №1. – С. 4–12; Церковное предание. Новозаветная наука // Живое предание. – Paris. – 1936. – P. 153–170.

²⁹⁰ Шмеман А., протоиерей. Русское богословие 1920-1972. Вводный обзор // Веб-сайт об о. Александре Шмемане [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: www.schmemann.org/byhim/russiantheology.html. – Дата доступа: 11.05.2009.

²⁹¹ Зернов Н. Русские писатели эмиграции: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, истории Церкви и православной культуре. - Бостон, 1973. – С. XIV.

известность приобрели публикации Н. Бердяева, С. Франка, Н. Лосского, И. Ильина, Протоиерея Василия Зеньковского, Ф. Степуна. К этому направлению принадлежат также социологи Н. Тимашев, Е. Спекторский, Г. Федотов, литературоведы К. Мочульский и В. Вейдле²⁹². „Русская философия поставившая задачу философски оправдать „веру отцов“ продолжила дело отцов“, – пишет Р. А. Гальцева в статье „О миссии и месте русской философии“²⁹³.

Религиозные мыслители, богословы эмиграции в своих трудах выражали беспокойство относительно "воцерковления жизни" (воцерковление жизни - одно из наиболее популярных выражений более поздней русской религиозной мысли)²⁹⁴. Ими была дана оригинальная трактовка проблемам культуры, особенно искусства в его отношении к Церкви. Следует отметить, что „официальное или академическое богословие девятнадцатого столетия было в силу обстоятельств ограничено в возможности применить теорию к существующей социальной и политической ситуации, такое исследование живого и «прикладного» православия было изначально одним из главных источников более свободной "религиозной философии". Впервые в истории русского богословия объектами систематического изучения стали женщина, брак, и семья²⁹⁵, но, несомненно, главный акцент был сделан на общей области социальной этики“²⁹⁶. Протоиерей А. Шмеман пишет, что почти каждый богослов сделал свой вклад в этой области²⁹⁷.

²⁹² Зернов Н. Русские писатели эмиграции: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, истории Церкви и православной культуре. - Бостон, 1973. – С. XIV.

²⁹³ Культурное наследие русской эмиграции... С. 244.

²⁹⁴ Приводим несколько наиболее важных работ: Berdyaev N. A. The Origin of Russian Communism. – London, 1937; Спекторский Н. В. Христианство и культура. – Prague, 1925; Франк С. Л. Духовные основы общества. – Paris, 1930; Алексеев Н. Н. Религия, право и нравственность. – Paris, 1930; Зеньковский В. В. Наша эпоха. – Paris, 1955; Ильин И. А. Основа христианской культуры. – Geneva, 1937; Stepan F. A. The Russian Soul and Revolution. – London, 1936; Федотов Г. П. Христианин в революции. – Paris, 1957; Верховский С. С. Православие в жизни. – New York, 1953.

²⁹⁵ См.: Троицкий С. В. Философия христианского брака. – Париж, 1933; Evdokimov P. Le Mariage, Sacrement de l'Amour. – Lyon, 1944; La Femme et le Salut du Monde. – Tournai-Paris, 1958; Sacrement de l'Amour. – Paris, 1962.

²⁹⁶ Шмеман А., протоиерей. Русское богословие 1920-1972. Вводный обзор // Веб-сайт об о. Александре Шмемане [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: www.schmemann.org/byhim/russiantheology.html. – Дата доступа: 11.05.2009.

²⁹⁷ Там же.

Третье направление – историческо-культурологическое – характеризуется интересом к осмыслению русской истории, литературы, культуры, духовности. „Русское богословие всегда было склонно к истории..., оно еще более обострилось большой национальной и духовной катастрофой революции“²⁹⁸. Русские люди, попав в эмиграцию, стали переосмысливать случившиеся с ними события. Писали о духовных причинах революции, кризисе. Религиозные деятели и богословы продолжали изучать историю Церкви на разных этапах ее развития, в то время как в России это было невозможно. Они хотели сохранить преемственность исторической науки для будущей России, понимая, что без знания своей истории, истории Церкви - нет будущего для народа. К основным деятелям исторического направления можно отнести А. Карташева (1875-1960) и И. Смолича с их монументальными работами²⁹⁹; Георгия Флоровского и Василия Зеньковского (1881-1962)³⁰⁰; Н. Зернова (1898-1980)³⁰¹, Г. Федотова (1886-1951), К. Мочульского (1892-1948), И. Концевича (1893-1965), протоиерея Сергия Четверикова (1867-1947)³⁰², А. Шмемана, И. Мейендорфа, и других³⁰³.

Одним из главных знатоков церковного пения в эмиграции был И. А. Гарднер. Он является автором многочисленных статей и исследований на эту тему, напечатанных в русских и иностранных журналах, энциклопедиях и сборниках трудов. В 1928 году И. А. Гарднер окончил богословский факультет Белградского университета. Спустя некоторое время окончил Мюнхенский университет, получив ученую степень доктора. С 1954 года преподавал русское

²⁹⁸ Шмеман А., протоиерей. Русское богословие 1920-1972. Вводный обзор // Веб-сайт об о. Александре Шмемане [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: www.schmemann.org/byhim/russiantheology.html. – Дата доступа: 11.05.2009.

²⁹⁹ См.: Карташев А. Очерки по истории русской Церкви: В 2-х т. – Париж, 1959; Карташев А. Вселенские Соборы. – Париж, 1963; Smolitsch I. Geschichte der Russischen Kirche 1700–1917. – Т. 1. – Лейден, 1964.

³⁰⁰ См.: Флоровский Г. В. Пути русского богословия. – Париж, 1938; Зеньковский В. В. История русской философии: В 2-х т. – New York, 1953.

³⁰¹ См.: Zernov N. M. The Russian Religious Renaissance of the Twentieth Century. – New York, 1963; Moscow – the Third Rome. – London, 1937; The Russians and Their Church. – London, 1945.

³⁰² Иларион (Алфеев), епископ Венский и Австрийский. Православное свидетельство в современном мире... С.15.

³⁰³ См.: Общее историческое введение в православие: Schmemann A. The Historical Road of Eastern Orthodoxy. – New York, 1963; Meyendorff J. The Orthodox Church, Its Past and Its Role in the World Today. – New York, 1962. Церковь в Советской России: Timashev N.S. Religion in Soviet Russia, 1917-1942. – New York, 1942; Боголепов А. А. Церковь под властью коммунизма. – Munich: Institute for the Study of the USSR, 1958; Андреев И. М. Краткий обзор истории русской церкви от революции до наших дней. – Jordanville, New York: Holy Trinity Monastery, 1952; Struve N. A. Les Chrétiens en USSR. – Paris, 1963.

литургическое музыковедение в том же университете. С 1964 года член международной комиссии по исследованию древнеславянских музыкальных памятников при Баварской Академии Наук.

Следует отметить автора многочисленных статей и сочинений по богословию иконы и иконописи - Л. А. Успенского³⁰⁴, профессора богословия. Он преподавал в Парижском Православном французском богословском институте Святого Дионисия (1944-1953), читал лекции на пастырских курсах при Экзархате Московской Патриархии в Париже. Продолжателем Л. А. Успенского в области богословия иконы является его ближайший ученик протоиерей Н. Озолин³⁰⁵ с 1975 года профессор православной иконологии в Свято-Сергиевском Богословском институте.

Четвертое направление – это труды, посвященные экуменической тематике. Явление русской эмиграции совпало с зарождением экуменического движения. Представители Русской Православной Церкви из эмиграции активно участвовали в новом движении, усмотрев в нем возможность свидетельствовать о Православии. В первые годы своего изгнания русские богословы встретили на Западе почти полное отсутствие знания о православной традиции. Не сомневаясь в желательности общехристианского единства, многие из них отдавали свои силы на ознакомление западного мира с сущностью Православия. В то же время они занялись изучением причин разделений среди христиан и поисками путей их преодоления. На экуменические темы писали: протоиерей С. Булгаков, Н. С. Арсеньев, Л. А. Зандер, Н. М. Зернов, П. Ковалевский и многие другие. В свою очередь русские религиозные деятели изучали труды католических и протестантских богословов. Новости экуменического движения широко освещались на страницах периодических изданий. „Благодаря участию эмигрантов Русская Церковь за рубежом отечества много способствовала

³⁰⁴ См.: Успенский Л. А. Богословие Иконы Православной Церкви. – Париж: Издательство Западно-Европейского Экзархата Московского Патриархата, 1989. – 479 с.

³⁰⁵ См.: Озолин Н., протоиерей. Православная иконография Пятидесятницы. – М.: Православное братство „Споручница грешных“, 2001. – 208 с., и его многочисленные статьи в ежегодниках „Искусство христианского мира“, издаваемым факультетом церковных художеств Свято-Тихоновского Богословского Института в Москве.

укреплению сотрудничества и доверия среди церквей³⁰⁶. Русские богословы и религиозные мыслители богословски осмыслили участие Православной Церкви в экуменическом движении. Одним из примеров может быть – сборник статей „Христианское воссоединение – экуменическая проблема в православном сознании“ (Париж; 1933) со статьями протоиерея Сергия Булгакова, Н. Бердяева, профессора А. Карташева, профессора В. Зеньковского, а также богословов из других Православных Церквей, участвовавших в экуменическом движении, таких как архиепископ Гелиопольский Геннадий (Константинополь), митрополит Буковины Нектарий (Румыния), протопресвитер профессор Стефан Цанков (Болгария), профессор Г. Аливизатос (Афины, Греция).

Пятое направление – религиозно-педагогическое. Это направление имеет особое значение, так как оно являлось фундаментальным для воспитания молодого поколения. В Русском Зарубежье сложились условия для развития русской религиозной педагогики. С одной стороны, некоторые старые идеалы отпали, с другой стороны, русская интеллигенция смогла соприкоснуться с опытом западных христиан в этом направлении. В условиях „негосударственной“ Церкви у эмигрантов возникла необходимость пересмотреть социально-педагогическую роль религии в формировании личностей детей и молодежи. Ставилась задача изучения особенностей религиозной жизни детей и религиозного воспитания. В этом направлении трудились В. В. Зеньковский, его глава и признанный теоретик³⁰⁷, Н. Н. Афанасьев, К. А. Ельчанинов, Л. А. Зандер, И. А. Лаговский, С. С. Куломзина, протоиерей С. Четвериков, А. С. Четверикова и другие. Ими разрабатывались на основе христианской антропологии принципы, формы и методы религиозного воспитания и образования в условиях эмиграции. Для них характерен подход к проблемам педагогики исходя из особенностей русского религиозного сознания.

Труды деятелей религиозно-педагогического направления способствовали внутренней миссии эмиграции, так как главной для них становится идея

³⁰⁶ Зернов Н. Русские писатели эмиграции... С. XIV.

³⁰⁷ См.: Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – Париж, 1934.

"воцерковления жизни", имевшая в виду активное духовно-нравственное и интеллектуальное воздействие церкви на все стороны жизни, культуры, образования, социальной жизни в целом, приобщение к христианским ценностям. Они отстаивали мысль об усилении связей религии с искусством, философией, литературой, наукой. По-своему решался вопрос о связи Церкви и семьи. В. В. Зеньковский акцентировал внимание на том, что „для религиозного воспитания необходима духовно здоровая семья, необходима школа, проникнутая религиозностью, но еще более необходима духовно здоровая культурная атмосфера“³⁰⁸.

Доктор педагогических наук, занимающийся историей образования и педагогики Е. Г. Осовский, изучая проблемы образования и педагогики в Российском Зарубежье, отмечает: „К концу 30-х годов в основном завершился поворот к построению целостной религиозно-педагогической парадигмы воспитания, основанной на христианской антропологии и пересмотре основных понятий педагогики в свете Православия. Одним из значительных источников развития русской педагогики в эмиграции явилась русская философская мысль. Труды видных представителей философско-религиозного Ренессанса в России конца XIX начала XX вв., оказавшихся в изгнании, во многом предопределили развитие гуманистической парадигмы образования в русской педагогике эмиграции в целом и религиозной православной педагогики, в частности“³⁰⁹.

Шестое направление – апологетическое, которое включает исследования, опровергающие советское безбожие, статьи в периодических изданиях, в которых велась полемика с инославными, опровергались ложные мнения о православной традиции, комментировались книги иностранных авторов о Православной Церкви, публикации критикующие прозелитизм. В этой области работали Н. Бердяев, В. Ильин, Б. Вышеславцев, Ф. Мельников и другие.

³⁰⁸ Зеньковский В. В. Церковь и школа // Вопросы религиозного воспитания и образования. – 1927. – В.1. – С.48.

³⁰⁹ См.: Образование и педагогическая мысль российского зарубежья, 20-50-е годы XX века: Тез. докл. и сообщ. Второй Всерос. науч. конф. “Образование и пед. мысль Рос. Зарубежья. 20-50 гг. XX в.”, Саранск, 16-18 окт. 1997 г. / Под ред. Осовского Е.Г. - Саранск, 1997. - 105 с.; Педагогическая наука в изгнании 20-50 гг. // Российское Зарубежье [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://pedagogics.narod.ru/obzor/zarub1.htm>. – Дата доступа 29.06.2010.

Протопресвитер Николай Сахаров (1869-1951) издал ряд апологетических работ и книгу „Христианская вера и христианская жизнь“. Данное направление можно назвать апологетической миссией эмиграции, которая заключалась в защите Православной веры и свидетельстве о ней.

К седьмому направлению относятся духовно-назидательные труды, это преимущественно перепечатанные труды дореволюционных писателей: Епископа Феофана Затворника (1815-1894), Епископа Игнатия Брянчанинова (1807-1867) и святого Иоанна Кронштадского (1828-1908). Наиболее важными представителями собственно духовной литературы зарубежья являются Иоанн Шаховской (с 1951 архиепископ Сан-Франциский), священник Александр Ельчанинов³¹⁰, Петр Иванов³¹¹, архимандрит Софроний Сахаров и митрополит Антоний (Блум)³¹². Заслуживает внимания небольшая книга архиепископа Никона (Греве) „Смерти нет“, которая была многократно издана и быстро распространялась. П. Е. Ковалевский называет ее „книгой утешения“³¹³.

Много работ было издано по агиологии. Самым видным агиологом в зарубежье был Г. П. Федотов. Он опубликовал два ценных труда на русском языке – „Святые древней Руси“ и „Святой Филипп, митрополит Московский“ и два больших сборника на английском языке „Русская религиозная мысль“ и „Сокровище русской духовности“. Протоиерей Сергей Четвереников (1867-1947) посвятил свои работы жизни и подвигам старца Паисия Величковского из Оптиной Пустыни. Священник Александр Семенов-Тянь-Шанский издал книгу об отце Иоанне Кронштадском. Некоторые работы по жизнеописанию святых составили А. Г. Гаккель (1892-1951) – о преподобном Сергии; И. В. Концевич – о старце Нектарии Оптинском; П. Е. Ковалевский – житие преподобного Сергия на французском и испанском языках. Валентина Александровна Зандер посвятила ряд очерков православным праздникам и опубликовала на

³¹⁰ См.: Дневники и записи о. Александра Ельчанинова: Записи. – Paris, 1935.

³¹¹ См.: Иванов П. Смирение во Христе. – Paris, 1925.

³¹² См.: Sofrony, archimandrite. *The Undistorted Image, Staretz Silouan.* – London, 1958; Семенов – Тянь-Шанский А. Отец Иоанн Кронштадтский. – New York, 1955; Antony (Bloom), archbishop. *Living Prayer.* – Springfield: Templegate, 1966; *Meditations.* – Denville, New York: Dimension Books, 1971; *God and Man.* – London: Danton, Longman and Todd, 1971.

³¹³ Ковалевский П. Е. *Зарубежная Россия...* С. 196.

французском и на немецком языках книгу о преподобном Серафиме Саровском. Вместе с указанными работами многие другие труды знакомили западных христиан с жизнью и подвигами русских святых, которые ранее им были малоизвестны³¹⁴, чем свидетельствовали о православной духовности и святости.

Восьмым направлением являются автобиографические труды – воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), протоиерея Георгия Шавельского, архимандрита Андроника, Ф. Степуна, автобиографические заметки протоиерея Сергия Булгакова, семнадцатитомная биография митрополита Антония (Храповицкого), составленная архиепископом Никоном (Рклицким) и другие. Особое место в этом отделе принадлежит семейной хронике Зерновых, описывающей зарубежную церковную жизнь, и состоящей из двух частей "На Переломе" и "За Рубежом". Сюда же относятся и публикации Н. А. Струве. Т. И. Манухина (1885-1962) литературно изложила по рассказам митрополита Евлогия (Георгиевского) его биографию, названную „Путь моей жизни“³¹⁵, в которой дается много сведений о жизни Церкви в России и за рубежом. Благодаря этим публикациям мы можем почувствовать настроения той эпохи, непосредственно окунуться в нелегкую эмигрантскую жизнь.

Девятое направление – полемическое, к которому относятся труды, защищающие ту или иную юрисдикцию, на которые распалась зарубежная Церковь. На эти темы писали протоиерей М. Польский, протопресвитер Георгий Граббе, И. А. Стратонов³¹⁶, С. В. Троицкий³¹⁷ и другие.

Это основные направления в литературных трудах русской церковной эмиграции, в которые внесли свой вклад зарубежные православные писатели. Среди всех выше названных авторов следует особо выделить тех, которые благодаря своим ярким индивидуальным особенностям сами составляют отдельное направление. Это такие личности, как Н. Бердяев – был одной из

³¹⁴ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия... С. 195.

³¹⁵ См.: Евлогий (Георгиевский), митрополит Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам М. Манухиной. – Париж: YMCA-PRESS, 1947.

³¹⁶ См.: Стратонов И. А. Развитие церковной смуты. – Вюрцелсдорф, 1928.

³¹⁷ См.: Троицкий С. В. Размежевание или раскол. – Париж, 1932; Троицкий С. В. О неправде Карловацкого раскола. – Париж, 1960.

центральных фигур «русского Парижа», митрополит Сурожский Антоний (Блюм), и в некоторой степени архимандрит Софроний (Сахаров). „Бердяев не принадлежал ни к одному из направлений: считал себя не богословом, а независимым религиозным философом, но в своем творчестве затрагивал и развивал многие ключевые богословские темы... Особняком стоят и такие выдающиеся духовные писатели, как митрополит Сурожский Антоний (Блюм), архимандрит Софроний (Сахаров),“³¹⁸ – так пишет о них владыка Иларион Алфеев. Владыку Антония можно назвать Отцом Церкви нашего времени, ибо его богословие обладает теми качествами, которыми обладало святоотеческое богословие на протяжении многих столетий³¹⁹. Особенностью его творчества является то, что он почти никогда ничего не писал. Большинство его публикаций представляют собой отредактированную распечатку устных бесед, радио передач (по радио Би-би-си), проповедей и выступлений.

Архимандрит Софроний был духовным сыном афонского старца Силуана (Антонова), автор его духовной биографии и многочисленных книг и статей о духовной жизни, опубликованных на русском и на некоторых западноевропейских языках. Основной темой богословия архимандрита Софрония является учение о Боге как персональном (личном) бытии и о богообщении как встрече между личным Богом и человеком-личностью³²⁰. Среди авторов, обратившихся в православную веру из других конфессий следует назвать митрополита константинопольского патриархата в Англии Калистоса (Ware)³²¹ и Olivier Clément³²². Их мысль, выходит за пределы национальных категорий.

³¹⁸ Иларион (Алфеев), иеромонах. Православное богословие на рубеже столетий. – М., 1999. – С. 394.

³¹⁹ Иларион (Алфеев), епископ. Богословие митрополита Сурожского Антония в свете святоотеческого Предания / Антоний, митрополит Сурожский. Труды: В 2-х кн. – Кн. 1. – М.: Практика, 2002. – С. 19.

³²⁰ Иларион (Алфеев), епископ. Православие... С. 249.

³²¹ См.: Eustratios Angenti. – Baltimore, 1963; Ware Kalistos. The Orthodox Church. – Baltimore, 1963.

³²² См.: Transfigurer le Temps. – Neuchâtel-Paris, 1959.

2.2.1 Периодические издания «Путь», «Новый град», «Вестник РСХД» и их роль в развитии православной мысли

Отдельно следует выделить основные периодические религиозно-философские издания эмиграции – журналы: «Путь», «Новый град», «Вестник РСХД». Эти журналы несли миссию духовного просвещения, способствовали развитию православной мысли, призывали задуматься над духовными задачами эмиграции. Широко в них освещалась и экуменическая тема. Весьма важным было то, что в них публиковались рецензии и отзывы на новые книги, как „отечественных“ – православных мыслителей, богословов, так и католических, протестантских авторов. В некоторой степени эти журналы можно назвать рупором православного свидетельства эмиграции.

Журнал «Путь» издавался Николаем Александровичем Бердяевым при содействии ИМКА. По составу его авторов и читателей журнал смело можно назвать европейским и даже всемирным изданием. Всего вышел шестьдесят один выпуск с 1925 по 1940 годы. Сотрудниками его были: отец Сергей (Булгаков), отец Георгий (Флоровский), отец Сергей Четвериков, С. Л. Франк, Б. Л. Вышеславцев, В. В. Зеньковский, Г. П. Федотов, А. В. Карташев, Н. М. Зернов, монахиня Мария (Скобцова), епископ Кассиан (Безобразов), Н. Н. Алексеев, Н. О. Лосский, Н. С. Арсеньев, Л. П. Карсавин и многие другие. Как видно, в нем участвовали лучшие умы русской интеллигенции в изгнании. Издание представляло свои страницы и католикам: Ж. Маритэну, кардиналу Андрие, Р. де Бекер, С. Фюме, П. Аршамбо и другим; протестантам: Г. Эренбергу, Г. Кульману, С. Каверту, П. Тиллиху, П. Андерсену, К. Керку и другим.

А. Аржаковский в своем исследовании журнала „Путь“ приводит следующие отзывы о нем: „От слависта Пьера Паскаля оценившего шестьдесят один номер журнала „Путь“, как „на редкость содержательные“, до американского историка эмиграции М. Раева, подчеркивавшего свойственный журналу „высокий уровень эрудиции“ все соглашаются с оценкой этого журнала как одного из самых ярких в русской интеллектуальной истории. По

словам французского богослова О. Клемана, Бердяев благодаря своему журналу «Путь», дал русской православной мысли шанс углубиться в условиях испытаний, при этом постоянно знакомя ее с достижениями французской мысли³²³.

Оригинальностью журнала являлось то, что светские проблемы освещались авторами «Пути» в религиозной перспективе. Его статьи часто вызывали широкий резонанс среди эмигрантской интеллигенции. Протоиерей Александр Шмеман назвал «Путь» „настоящей энциклопедией эмигрантского богословия“³²⁴. На страницах издания была представлена религиозная, философская, общественная мысль, также рассматривались вопросы психологии, социологии, истории, развития науки, искусства и литературы.

Журнал старался освещать не только проблемы духовной жизни русских, но и немцев, французов.

Н. А. Бердяев в своих воспоминаниях пишет: „Журнал "Путь" объединил все наличные интеллектуальные силы за исключением течений явно обскурантских и злостно реакционных...."Путь" не был боевым органом, он лишь давал место для творческих проявлений мысли на почве православия... В течение 20 лет я вел борьбу за свободу, за свободу духа, свободу совести, свободу мысли, не пропускал ни одного случая, чтобы не протестовать против гасителей духа, насильников над мыслью и совестью. Я все время боролся против реакционных религиозных и политических настроений, боролся в журнале "Путь", боролся в Религиозно-философской академии, боролся в христианском движении молодежи³²⁵.

Через шесть лет с выпуска первого номера журнала „Путь“ в Париже под редакцией православного богослова и публициста, профессора Свято-Сергиевского института Г. П. Федотова, философа И. И. Бунакова, и

³²³ Аржаковский А. А. Журнал Путь (1925-1940): Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции. – Киев: Феникс, 2000. – С 7.

³²⁴ Шмеман А., протоиерей. Русское богословие за рубежом / Русская религиозно-философская мысль XX века. – Питсбург, 1975. – С. 78.

³²⁵ Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). – М.: Международные отношения, 1990. – С. 40.

объединителя творческих сил Русского Зарубежья Ф. А. Степуна, увидел свет журнал «Новый град». Он издавался с 1931 года по 1939 год, вплоть до начала Второй Мировой войны. В предисловии к первому номеру журнала Г. П. Федотов от лица редакции писал, что выбор названия журнала был не случайным: «старый град» становится все более непригодным для жизни, и задачей журнала провозглашался поиск и выработка основ «нового града», заложенного на фундаменте христианской веры и универсальных духовных ценностях. В журнале „Новый град“ печатали свои статьи „парижские“ богословы и мыслители: отец Сергей Булгаков, иеромонах Лев Жилле, Г. Федотов, монахиня Мария (Скобцова), Н. Лосский, Н. Бердяев, П. Бицилли, М. Вишняк, Б. Ижболдин, Ю. Иваск и другие. Некоторые из них принимали непосредственное участие в организации журнала.

На страницах журнала освещались проблемы христианизации общества, духовного возрождения России, так же социальные проблемы. Журнал осуждал притязания фашистов и предвидел войну наций. Журнал „Новый Град“ призывал к духовному возрождению, говорил о необходимости духовной миссии русской эмиграции. „Надо идти в эмигрантский народ, чтобы организовать его экономически и культурно“³²⁶ – Пишет в журнале И. Бунаков. „И надо поднять его на большую духовную высоту, которая обязательна для него, если он хочет быть передовым отрядом в борьбе за освобождение России. Тогда духовное влияние обязательно передастся из эмиграции и на родину. И эмиграция станет центром притяжения для всех освободительных течений в Росси. А, когда чаша духовных сил эмиграции переполнится, тогда лучшие из нее перейдут границы: чтобы идти в родную землю — уводить души...³²⁷. Во время издания журнала эмигранты все еще не расставались с надеждой возвращения в „Новый Град“ России. Однако их труды не пропали. Теперь с уверенностью можно сказать, что именно духовные силы, труды о которых пишет И. Бунаков, несмотря на препятствия, передавались на Родину. Таким

³²⁶ Бунаков И. Пути освобождения // Новый Град. – 1931. – №1. – С. 48.

³²⁷ Там же.

образом, именно для будущей России старались сохранить и развить русскую религиозную мысль богословы, мыслители и публицисты Русского Зарубежья. Так Н.А. Бердяев, оценивая журнал «Путь» на десятилетнем юбилее издания, писал по этому поводу: «Задачи русской религиозно-философской и социальной мысли останутся творчески обращенными к будущему, а не к прошлому. Это есть задача поддержания света, как бы ни была велика тьма. И если настоящее и ближайшее будущее не за нас, то мы должны быть обращены к более далекому будущему»³²⁸.

Особое место в периодической печати эмиграции занимает печатный орган Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД) с одноименным названием „Вестник РСХД“. Он до сих пор издается в Париже, но уже с несколько измененным названием и содержанием. В журнале печатались статьи епископа Вениамина (Федченкова), протоиерея С. Четверикова, отца С. Булгакова, С. С. Безобразова, Л. Н. Липеровского, Н. А. Бердяева, А. Клепинина, Н. Зернова, Л. А. Зандера, архимандрита Киприана (Керна), князя Г. Трубецкого, Г. Ю. Граббе и многих других представителей русской эмиграции.

Редакторами журнала были Н. Зернов (1925-1929 гг.), И. Лаговский (1929-1936 гг.), Г. Федотов (1936 гг.) В. Зеньковский (1937-1938 гг.), Л. Липеровский (1939 гг.). С 1925 по 1939 год «Вестник» издавался в Париже (затем непродолжительное время в Мюнхене и потом опять в Париже).

В „Вестнике РСХД“ печатались поучения современных пастырей и учителей Церкви, отрывки из святоотеческих творений; освещались вопросы духовной жизни; особое внимание обращалось на религиозные течения современной молодежи; проводился обзор наиболее значимых событий современного христианства; обзор жизни Русского Христианского Движения; описывались новые книги; освещались богословские и церковно-исторические вопросы.

³²⁸ Бердяев Н. А. Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал “Путь” (к 10-летию журнала “Путь”) // Путь. – 1935. – № 49. – С. 22.

При общности духовно-нравственной направленности, названные религиозные издания имели очевидные различные приоритеты в публикациях. Журнал „Путь“ и „Вестник РСХД“ более освещают философско-религиозные, церковно-общественные проблемы, а так же вопросы экуменизма и западного христианства. „Новый Град“ обращен к духовно-религиозным вопросам с социально-экономической направленностью, делает акценты и на политических вопросах.

Яркой нитью на страницах изданий проходит тема духовной миссии эмиграции, православного свидетельства. Православие понималось не столько как религия храмового благочестия и личного спасения, но и как творческое преображение жизни, не только своей, а всего общества. В этом ключе рассматривалась проблема секуляризации церковной и светской культуры. Многие авторы статей видели решение в примирении светской культуры с церковным ее началом, в воссоздании Православной культуры.

В некоторой степени, указанные издания несли апологетическую миссию, так как в них печатались отзывы и опровержения на современные книги, статьи католических и протестантских авторов в которых порой встречались неверные представления или предвзятые сведения о Православной Церкви, ее учении, традициях³²⁹.

В ключе православного свидетельства и социального служения Церкви рассматривался такой насущный вопрос современности как экуменизм. Экуменическое движение сталкивалось со сложными догматическими и каноническими аспектами, поэтому встречало неоднозначную оценку. Но все же считалось авторами, необходимым для живого обсуждения. Если обобщить многочисленные статьи, то единогласно в журналах указывалось на: необходимость взаимного сотрудничества в социальной сфере, взаимное

³²⁹ Одним из примеров является статья князя Г. Н. Трубецкого „Католический богослов о русской религиозной психологии“ в журнале „Путь“ (№1, сентябрь, 1925, с. 171–175), в которой Г. Н. Трубецкой анализирует публикации о русской церкви известного католического богослова, иезуита, монсеньора Мишеля д'Эрбиньи. См. также статью Н. А. Бердяева „О. Д'Эрбиньи о религиозном образе Москвы в октябре 1925 г.“ (Путь. – 1926. – № 3, март-апрель. – С. 145–147).

ознакомление для противления секуляризации мира, несение света православного вероучения всему христианскому миру. Преодоление догматических, канонических и вероучительных препятствий путем компромисса и соглашательства многие авторы исследованных изданий считали невозможным.

Журналы «Путь», «Новый град», «Вестник РСХД» давали возможность для печати религиозным мыслителям, богословам, церковным деятелям. В них открылись жемчужины православной мысли как интересующимся современникам, так и западному христианству.

Подводя итог, мы приходим к выводу, что продуктивность русской эмиграции после 1917 года, особенно в первые годы, поразительна: за два десятилетия между мировыми войнами ее участники, как было подсчитано, опубликовали 10 тысяч книг и 200 журналов, не считая литературных и научных обзоров³³⁰. Свято-Сергиевский институт издал двенадцать томов „Православной мысли“. Грандиозный скачок был сделан в области библеистики: появились критические издания текстов Священного Писания; множество монографий, исследований, статей было написано по отдельным книгам Библии, по библейской истории, библейскому богословию. В области изучения святоотеческого наследия было тоже сделано немало: появились многотомные критические издания Отцов. Многие другие отрасли богословской науки поднялись на новый уровень благодаря открытию новых источников³³¹. Протоиерей Борис Бобринский пишет, что ни одна область богословской науки и мысли не осталась вне кругозора богословский тружеников эмиграции, „будь то библейская экзегеза Ветхого Завета (Карташев, Князев), и Нового Завета (епископ Кассиан, Куломзин), Церковная История (Карташев, Шмеман), Каноническое Право (Афанасьев, епископ Георгий Вагнер), Святоотеческое

³³⁰ Каллист (Уэр), епископ Диоклийский. Православная Церковь. – М., 2001. – С. 182.

³³¹ Певцов Р. Русская богословская наука в эмиграции // Образование и Православие [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: www.orthedu.ru/ch_hist/nauka_v_emig.htm. – Дата доступа: 15.10.2008.

Предание (Флоровский, отец Киприан, Мейендорф), Литургика (отец Киприан, Зеньковский, Зандер, Мочульский), церковное искусство (Вейдле), богословский синтез (Булгаков, Верховский, Евдокимов)³³². Таким образом „представители „парижской школы“ создали целую библиотеку трудов по богословию, религиозной философии, истории Церкви, истории духовной культуры“³³³.

Труды русской церковной эмиграции являются актуальными и в наше время. Вот, что, например, пишут о них светские исследователи из центра изучения духовной культуры русского зарубежья в Карелии: «Мы становимся свидетелями удивительного процесса, который предчувствовался лишь очень немногими людьми, а большинству казался просто невероятным: книги, написанные нашими мыслителями в изгнании более полувека назад и напечатанные мизерными тиражами, становятся насущно необходимыми нам сегодня, - подчас они звучат гораздо актуальнее и глубже, чем то, что пишут современные политологи и публицисты..., авторы этих книг воспринимаются как наши современники, не только органически вписывающиеся в нынешние дискуссии, но и подчас дающие им то направление, которое приводит к истине... Это беспрецедентное явление в истории культуры»³³⁴. Митрополит Минский и Слуцкий Филарет (Вахромеев), председатель синодальной богословской комиссии Русской Православной Церкви следующим образом оценил охранительную миссию русской церковной эмиграции: „Принято считать, что роль православных деятелей и богословов на Западе, в том числе русских, заключалась прежде всего в том, что они способствовали своего рода «открытию» Православия в среде инославных, что действительно произошло в XX веке. Но не менее, а, может быть, и более важным, на мой взгляд, является то, что они способствовали развитию современной православной мысли... Русские богословы-эмигранты дали толчок тому замечательному движению,

³³² Личный архив протоиерея Бориса Бобринского, профессора Свято-Сергиевского Богословского Института.

³³³ Иларион (Алфеев), епископ Венский и Австрийский. Православное свидетельство в современном мире... С. 15.

³³⁴ Российский Фонд культуры. Карельское отделение. Центр изучения духовной культуры русского зарубежья. – Петрозаводск, 1990. – С. 3 / Русская идея [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: www.rusidea.org/?a=431000. – Дата доступа: 18.12.2009.

которое принято называть «неоправославием» (или «неоортодоксией») и которое имело место в 1960-е годы. С этого времени и поныне мы являемся свидетелями подлинного возрождения церковного эллинского умозрения, которое по праву можно назвать теологическим ренессансом...³³⁵. Владыка Филарет пишет, что в наше время, в исторической ретроспективе, нужно прямо сказать, что русские православные богословы, связанные со Свято-Сергиевским институтом в Париже, плодотворно работали под омофором Вселенского Патриарха на благо всего Православия³³⁶.

Благодаря исследовательской деятельности русских богословов, религиозных мыслителей и церковных деятелей эмиграции не только продолжала развиваться русская богословская наука, в чем заключалась их охранительная функция, но их плоды - литература послужили исключительным свидетельством о Православии. Впервые в истории Русской Православной Церкви книги русских мыслителей в таком большом количестве издаются на иностранных языках, да еще и в „центре Европы“. В журнале „Путь“ касательно издания русской религиозной мысли на немецком языке читаем: „Немцы очень интересуются русской религиозной мыслью, и на немецком языке появился уже целый ряд книг, знакомящих с русскими мыслителями. Русское Православие становится действенной силой в умственной и духовной жизни Европы. Это показатель того, что Православие выходит из своего замкнутого национального существования и входит в мировую духовную жизнь, в мировую мысль“³³⁷. В начале православные книги по-английски, французски, и немецки были предназначены, прежде всего, для неправославной "экуменической" аудитории. В середине XX века определенное количество такой православной богословской литературы написано уже для самих православных.

³³⁵ Филарет (Вахромеев), митрополит Минский и Слуцкий. Богословие — дело Церкви // Труды МДА. – 2003. – №2 // Веб-сайт Минских Духовных Школ [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://minds.by/academy/trudy/2/title.html>. – Дата доступа: 25.01.2010.

³³⁶ Там же.

³³⁷ Русская религиозная мысль на немецком языке // Путь. – 1926. – № 3, март-апрель. – С. 151–152.

2.3 Свято-Сергиевский Православный Богословский Институт в Париже как духовно просветительский центр

Создание Свято-Сергиевского Богословского института было одним из самых важных событий в жизни русской церковной эмиграции. Оно задало историческое направление, определило ход истории на многие годы. В данном случае создание института не только стало основой для сохранения и развития русской богословской мысли, но и послужило началом для открытого, уверенного православного свидетельства, миссии. Все желающие ближе познакомиться с Православной Церковью, с ее богослужением, учением, богословскими знаниями имели возможность сделать это на Сергиевском подворье. Этот сравнительно небольшой кусочек земли стал как духовным, так и научным центром церковной эмиграции говоря одним словом – духовно-просветительским центром. Епископ Кассиан (Безобразов) на двадцатилетнем юбилее института как бы, поводя итог, говорил: „Институт исполнен сознания вверенной ему богословской миссии“³³⁸.

История Богословского Института начинается с трагических событий, связанных с революцией 1917-1918 годов. Ввиду большого количества русских изгнанников, за рубежом и в частности во Франции стали открываться новые православные приходы. Прихожан стало так много, что имеющийся в Париже Кафедральный собор святого Александра Невского не мог уже вместить всех приходящих к богослужению. Ощущалась нужда в открытии новых приходов. Вместе с этим созрел и план организации духовной школы, которая готовила бы священников для растущих общин и приходов. Интерес эмигрантского общества к богословию не пропадал даже в тяжелых жизненных условиях. А. Карташев пишет: «Помимо профессиональной потребности высших школ, интерес к церковным и богословским вопросам проявился и в устройстве популярных лекций на эти темы и в Константинополе, в Белграде, в Париже. В русском посольстве в Париже с конца 1920 года происходили частые лекции и

³³⁸ Кассиан (Безобразов), епископ. Слово ректора. Двадцатипятилетний юбилей Православного Богословского института в Париже // Церковный вестник Западно-Европейского Экзархата (оттиск из журнала). – 1950. – № 4 (25). – С. 3.

беседы почти исключительно на церковные темы»³³⁹. В среде многочисленных слушателей возникла мысль о систематических богословских курсах. Так в 1921 году были открыты в Париже "Высшие Православные Богословские Курсы", в которых в течение нескольких месяцев читались по вечерам лекции по общим богословским предметам.

Первое конкретное предложение по созданию богословской школы было сделано на съезде Всемирной Студенческой Христианской Федерации в Пекине в 1922 году. Доктор Лев Липеровский, доцент Владивостокского Университета Лев Александрович Зандер и А. И. Никитин предъявили председателю Съезда Доктору Джону Мотту (американскому председателю Всемирной Студенческой Христианской Федерации) докладную записку, в которой планировалось создание Русского Студенческого Христианского Движения за рубежом, а также и православной богословской школы. После обсуждения этого проекта русских религиозных мыслителей и деятелей с Доктором Моттом стало очевидным, что богословская школа будет размещаться в Париже и, следовательно, возглавляться митрополитом Евлогием.

В июне 1924 года на съезде РСХД в Аржероне (Франция) митрополит Евлогий был осведомлен о вручении ему пособия в сумме 8.000 долларов от Доктора Мотта, специально для создания Богословского Института. Получив определенные финансовые средства – идея создания богословской школы, несмотря на многие трудности, стала реальностью. Митрополит Евлогий благословил двух мирян, Михаила Михайловича Осоргина и князя Григория Николаевича Трубецкого приступить к поискам пустующего храма или усадьбы для окормления церковного народа. Выбор остановился на немецкой лютеранской кирке, с усадьбой и несколькими домиками на северно-восточной окраине Парижа. Митрополит Евлогий, осмотрев храм, постройки, благословил своих помощников приступить к торгам, сказав: "Вот здесь хорошо бы нам

³³⁹Карташев А. В. Как создавался Богословский Институт. Двадцатипятилетний юбилей Православного Богословского Института в Париже (1925-1950) // Церковный вестник Западно-Европейского Экзархата (оттиск из журнала). – 1925. – № 4 (25). – С. 13.

устроиться - здесь можно открыть не только новый приход, но и пастырскую школу"³⁴⁰.

Для приобретения участка будущего Сергиевского Подворья 18 (5) июля 1924 года в Париже состоялись торги. Промыслительно этот день совпал с днем памяти перенесения мощей преподобного Сергия Радонежского. Было принято решение, что если участок будет приобретен, то храм посвятят преподобному Сергию Радонежскому и всея России чудотворцу, а место назовут Сергиевским Подворьем. Еще до покупки имения намечается особое просветительское служение этого места, так как оно становится как бы духовным представительством, подворьем Троице-Сергиевой Лавры в Париже.

Таким образом, даже еще до основания школы, начиная с покупки поместья, устанавливается духовная связь ее с Троице-Сергиевой Лаврой. Подобно тому, как ученики преподобного Сергия несли свет Православия на Земле Русской и за ее пределами, ученики – студенты Сергиевского подворья были маяками православия на инославном Западе. Впоследствии благодаря монастырскому пению и ежедневным службам «образовалось религиозное тяготение к обители Преподобного Сергия, потребность там побывать, там помолиться, то есть возникло отношение к нему как бы к месту паломничества»³⁴¹. Протоиерей Николай Озолин так описывает это место: "В глубине двора высокий холм с ветвистыми деревьями и цветочными клумбами. Дорожка вьется на его вершину к крыльцу большого деревянного здания школы, над его крышей виднеется маленькая колокольня кирпичи. Кругом еще четыре небольших домика. Тихо, светло, укротно: с улицы, за домами, усадьбы не видно, и уличный шум до нее не доходит, со всех сторон ее обступают высокие стены соседних домов, словно от всего мира закрывают. Настоящая «пустынь» среди шумного, суетного Парижа"³⁴².

³⁴⁰ Вейдле В. В. Богословский Институт / Личный архив протоиерея Бориса Бобринского.

³⁴¹ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. – Париж, 1947. – С. 408.

³⁴² Озолин Н., протоиерей. К семидесятилетию русского православного Богословского Института Преподобного Сергия Радонежского в Париже // Вестник РСХД. – 1996. – № 174. – С. 262.

Следует обратить внимание на тот примечательный факт, что приобретенный митрополитом Евлогием земельный участок со строениями ранее имел примечательную историю. Во второй половине XIX века из Германии приехал в Париж молодой пастор Фридрих фон Бодельшвинг, лютеранин. Ему было своего рода откровение, что рабочий мир не надо оставлять левым политическим силам, что есть Спаситель. Что Его благовестие относится и к рабочему миру. И Бодельшвинг приехал сюда как миссионер. Этот округ Парижа был рабочим кварталом. Люди здесь жили очень бедные, и многие из них были иностранными рабочими. Здесь ими были тогда немцы. Они очень бедствовали со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами. И Бодельшвинг основал среди них миссию, а через какое-то время купил эту горку и построил храм – лютеранскую кирху. Это место называлось «немецкая горка» – *der deutsche Huegel*. Отец Николай Озолин рассказывает: „Он очень успешно работал, а через 15 лет, кажется, вернулся в Германию и там затеял дело, которое до сих пор существует в лютеранской Церкви, – знаменитая «внутренняя миссия» – борьба с дехристианизацией европейского населения. Там он создал целую деревню, а здесь, в Париже, было его первое дело. Все это процветало до 1914 года, когда всех выслали, и тут осталось пустое место, пустые здания, деревья да трава, которые росли очень пышно. Вот это и увидел митрополит Евлогий в 1924 году и сказал: «Здесь укромно и уютно. То, что мне нужно!»³⁴³. Таким образом место это послужило миссией сначала для одних – временных рабочих, а спустя годы стало духовной пристанью для тех, кто навсегда покинул свою родину.

После приобретения поместья был выбран Комитет, задачей которого было собрать средства для окончательной выплаты государству стоимости земли, для ремонта храма и создания духовной школы. 6-го ноября 1924 года состоялось публичное собрание, устроенное Комитетом по сооружению. На этом собрании профессор Сергей Булгаков произнес замечательную речь, в которой выразил

³⁴³ Личный архив протоиерея Николая Озолина, инспектора Свято-Сергиевского Богословского Института.

задачи будущего института. „10 лет тому назад всякая речь о духовной академии была делом профессиональным, сословным, интересующим только духовенство и совершенно чуждым обществу. Теперь же мы обращаемся к русскому сознанию, к русской душе, к русской воле, а через них, через русское общество, ко всей Европе“. Создатели института видели в нем не просто пастырскую школу, но ставили пред ним миссионерские, просветительские задачи, не только внутреннего характера, но внешнего, выходящего за рамки внутренней православной, и тем более, русской жизни: „Ибо теперь создание православной духовной академии является делом не только национальным, но имеет историческое, и даже всемирно-историческое значение. И вот почему так трепещет наше сердце при созерцании святого образа Преподобного Сергия - нашего духовного собирателя, вождя и стража, - в такую тяжкую годину рассеяния, когда на родине преступная рука старается разрушить его дело. Но сила его — живая сила, и на нас лежит обязанность продолжать его дело и первым долгом - спасти русский гений под той стеной, которая единственно способна его сохранить, под святыней Церкви - под стеной родного православия [...]. Если создание православного сознания является продолжением многовековой работы русского народа, то на нас лежит еще особая задача мировой важности и исключительной ответственности - по новому явить силу и свет православия перед всеми, кто может и способен видеть и понимать его...“³⁴⁴. Из этих слов ясно, что уже при самом создании института был задан тон православного свидетельства.

После окончания необходимых работ по ремонту храма и окружающих домов, в нем был установлен временный иконостас. 1-го марта 1925 года митрополит Евлогий совершил освящение храма и произнес следующую речь: „День нашей великой радости, день веселия духовного, наше светлое духовное торжество, наш православный русский праздник. На горе сей ныне, воистину, воссияла благодать Божия; вдали от Родины, в самом сердце западно-

³⁴⁴ Карташев А. В. Как создавался Православный Богословский Институт в Париже / Архив Богословского Института.

европейской культуры, засветился огонёк нашего родного Православия, воссияла малая и еще не устроенная обитель, посвященная имени великого молитвенника Русской Земли - Преподобного Сергия, не только угодника Божия, но и собирателя и устроителя Русского Государства³⁴⁵. Митрополит Евлогий проводит аналогию между Преподобным Сергием как духовным собирателем Русского Государства и Сергиевским подворьем, которое должно послужить собиранию и духовному устройению русской эмиграции за рубежом.

„Некогда, более 500 лет тому назад, он создал свою обитель в глуши лесов, в непроходимых дебрях пустыни. Мы устраиваем эту новую обитель среди шумного города, очага всемирной цивилизации [...] Обитель Сергиева приютила в своих стенах высшую духовную школу, и наша ныне создающаяся обитель имеет своей задачей те же просветительные цели, также думает дать приют нашей русской молодежи, ищущей богословских знаний, ищущей Бога, горящей огнём желания послужить Святой Церкви родной. Она стремится к тому, чтобы не погас этот священный огонёк, чтобы питомцы ее были светильниками светозарными и горящими, чтобы понесли они этот свет туда, на родину, которая так нуждается в этом свете. И для всех нас - как бы хотелось, чтобы здесь создавался светлый и тёплый очаг родного Православия, чтобы и сюда притекали православные русские люди, измученные, истерзанные душой ...“³⁴⁶.

Как и отец Сергей Булгаков, владыка Евлогий считал, что подворье должно стать центром встреч с западными христианами, послужить делу созидания братской любви и взаимного совместного свидетельства пред атеистическим миром. „... хотелось бы, чтобы и наши иностранные друзья, представители западного Христианства, нашли дорогу в эту обитель, [...] Ведь и средства на это святое дело в значительной мере нам дали иностранцы. Нужно показать им красоту и правду Православия. Да будет сей храм местом сближения и братолюбивого общения всех христиан [...] Мы создаем храм рукотворенный, но он еще совсем не устроен: все в нем, как и в начальной обители Преподобного

³⁴⁵ Свято-Сергиевское Подворье в Париже – к 75-летию со дня основания. – Париж, 1999. – С. 27.

³⁴⁶ Там же.

Сергия, «убого, нищенско, сиротинско». Но положен уже крепкий фундамент этого духовного строительства, благодать Божия сегодня осветила место сие. На этом твердом фундаменте будем строить храм духовный, нерукотворенный - напечатлеть образ Святого Православия в юных душах учащихся здесь и широко являть этот прекрасный образ всем притекающим сюда с молитвой... Я имею основание думать, что Святейшему патриарху Тихону известно об учреждении здесь Сергиевского Подворья и Духовной Академии. Святейший молится за нас и благословляет нас оттуда³⁴⁷.

В храме Сергиевского Подворья стали проводиться регулярные богослужения. Благодаря обильным пожертвованиям русских людей и помощи религиозных сообществ Америки и Англии самое необходимое для жизни было приобретено, достроено и отремонтировано. Богословский Институт образовался быстро – в первый же год существования Подворья. Занятия начались 30-го апреля 1925 года. Институт стал очень быстро развиваться и благоустраиваться. Постепенно был установлен план богословского обучения, что вскоре поставило школу на уровень высшего учебного заведения. Направление институтской жизни напоминало монашеское, благодаря епископу Вениамину (Федченкову), прибывшему по приглашению владыки Евлогия из Сербии и занявшему должность инспектора. Студенты в обязательном порядке ежедневно посещали церковные службы, на которых до 1931 года неизменно поминали на ектиниях „Святейшего Патриарха и отца нашего Тихона“ и его преемников, местоблюстителей московского патриаршего престола³⁴⁸. Богослужения отличались строгостью стиля, напоминая монастырские. „В первые же годы студенты принимали монашество, рукополагались во иерея и постепенно входили в пастырские обязанности епархии“³⁴⁹. С момента своего основания институт собирал, обучал, воспитывал, будущих пастырей, педагогов, которые несли православный свет в западный мир.

³⁴⁷ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни... С. 443-444.

³⁴⁸ Личный архив протоиерея Николая Озолина, инспектора Свято-Сергиевского Богословского Института.

³⁴⁹ Личный архив протоиерея Бориса Бобринского, профессора Свято-Сергиевского Богословского Института.

„В Свято-Сергиевском православном богословском институте был сосредоточен цвет русской богословской мысли; профессора института печатались в издаваемом Н. Бердяевым журнале «Путь», впоследствии организовали собственное издание – «Православная мысль»³⁵⁰. Профессорско-преподавательский состав Богословского Института был во многом разный, преподаватели входили в разные течения – с одной стороны традиционно православное, с другой - более либеральное. Но именно эта особенность давала ему новый творческий потенциал. Протопресвитер Алексей Князев пишет об этом: „Одни, как Карташев и Никаноров, представляли старую церковную школу; другие, как Зеньковский, Ильин, Зандер, Вейдле, Мочульский и другие - русский Университет. Отец Сергей Булгаков совмещал в себе обе традиции, а также и русское религиозное возрождение начала века. Другие представители этого возрождения, как Бердяев, П. Б. Струве, С. Франк, Н. О. Лосский, или богословы как Глубоковский и Троицкий, хотя и не участвовали в создании Института, но посещали его и читали в нем лекции“³⁵¹.

Период с 1930 по 1939 год был периодом расцвета Института, благодаря богословскому и философскому творчеству его профессоров. Институт, начиная с 1927 года, издавал периодический журнал «Православная Мысль». Богословская школа завязала хорошие связи с богословскими факультетами на Балканах. Богословские направления, в которых потрудились преподаватели института, перечислены в вышестоящей главе.

Постепенно усиливается общение профессоров с западными христианскими исповеданиями. Это общение выражалось в Англо-Русских студенческих христианских конференциях, организованных братством „Святого Албания и Преподобного Сергия“ Оно привлекало с обеих сторон многочисленные группы студенческой молодежи. Со стороны Института на конференциях присутствовали митрополит Евлогий, отец Сергей Булгаков, В.

³⁵⁰ Иларион (Алфеев), иеромонах. Православное богословие на рубеже столетий. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1999. – С. 305.

³⁵¹ Kniazeff A. L. 'Institut Saint-Serge. De l'Académie d'autrefois au rayonnement d'aujourd'hui. – Paris: Beauchesne, 1974. – S.47–48.

Зеньковский, С. Безобразов, Г. Флоровский, Г. Федотов. С англиканской стороны в них принимали участие Архиепископ Кентерберийский и Епископ Трурский. Со временем интерес к Богословскому Институту в инославных кругах в Западной Европе значительно возрастал. Представители церковной эмиграции принимают полноценное участие в зарождающемся экуменическом движении. Большая делегация Свято-Сергиевского Богословского института, в состав которой входили С. Булгаков, Г. Флоровский, Л. А. Зандер, Б. П. Вышеславцев, В. В. Зеньковский и другие приняла участие в двух международных экуменических конференциях в 1937 году: “Дело и жизнь” в Оксфорде и “Вера и строй” в Эдинбурге. Из русских религиозных мыслителей на конференции присутствовали: Н. Бердяев, Н. Зернов, Н. Арсеньев. Профессор Г. Глубоковский представлял богословский факультет Софийского университета.

Митрополит Евлогий (Георгиевский), в своих воспоминаниях писал, что на этих конференциях по сравнению с проводившимися ранее встречами „чувствовалась большая близость между Церквями, большая готовность ко взаимному пониманию, более ясное различие, что ведет к сближению, и что ему препятствует“³⁵².

К началу второй мировой войны творческая деятельность Богословского Института достигла своего расцвета. С начала военных действий резко уменьшается финансирование института от зарубежных друзей. Само существование богословского учебного заведения подвергается опасности. Институт вступил в полосу испытаний и лишений. Однако, несмотря на все сложности, Божьей милостью, преподавательская и творческая работа не прекращалась³⁵³.

Пережив ужасы войны, Богословская школа продолжила свою деятельность с новыми силами. Постепенно менялся состав, как преподавателей,

³⁵² Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни... С. 540.

³⁵³ Карташев А. В. Бремя войны. Из истории Богословского института (1939 – 1946) / Вестник РХД. Париж-Нью-Йорк-Москва. – 2010. – № 196. – С. 245–246.

так и студентов. Благодаря притоку студентов иностранцев сербов, греков, ливанцев из Антиохийского Патриархата институт приобретает межправославное значение. Именно по причине притока иностранных студентов постепенно со середины семидесятых годов преподавание перешло на французский язык. Выпускники института впоследствии способствовали церковному и духовному возрождению, духовной миссии в своих странах. Благодаря воспитанникам парижской обители преподобного Сергия православное свидетельство усиливалось и на других континентах. Так, в 1948 году в Америку сначала уехал протоиерей Георгий Флоровский, ставший деканом Свято-Владимирской Духовной Семинарии, затем в 1951 году протоиерей Александр Шмеман, в 1952 - С. С. Верховской, в 1959 - протоиерей Иоанн Мейендорф. Как выдающиеся личности они не только послужили укреплению преемственной связи духовных школ и развитию богословской мысли на американском континенте, но и своим личным пастырским служением несли „Свет Христов в мир“.

После войны институт продолжал вести свою экуменическую деятельность, участвовал в международных съездах Всемирного Совета Церквей: Амстердам – 1948 году; Эванстон в 1954 году; Нью Дели в 1961 году. Преподаватели института наладили академическое сотрудничество с инославными коллегами.

Так в 1953 году по инициативе архимандрита Киприана Керна были учреждены ежегодные „седмицы литургических исследований“, которые собирали литургистов со всех стран, принадлежащих к разным вероисповеданиям. Первая седмица литургических исследований произошла благодаря коллеге и другу отца Киприана – отцу Николаю Афанасьеву, а также таким известным католическим литургистам как Дом Ламбер Бодуэн (из Шевтонского монастыря), Дом Бернар Ботт, Дом Бернар Капелл (из Мон-Сезар), Дом Оливье Руссо, и многих других.

Научными результатами съезда отец Киприан был очень доволен, вот что писал он после его завершения: “Предприняли мы это дело широко. В результате съезд сошел, могу сказать, блестяще. Съехались очень интересные люди, доклады были глубоко содержательны, устройство всего дела было на высоте... Я ни о чем другом не мог думать... только и делал, что писал во все концы Европы письма, печатал приглашения, волновался паче меры. Боялся я, конечно, главным образом, личных обид, разных амбиций, недовольств, неудовлетворенных честолюбий и прочего. Все это, по милости Божией, позади”³⁵⁴. Следует отметить, что этот съезд был одним из первых в истории русского Зарубежья мероприятий подобного рода. Протоиерей Борис Бобринский пишет, что „с этого момента уже более 50 лет эти конференции являются одним из основных ежегодных академических событий Свято-Сергиевского Богословского Института и представляют собой большой вклад в область литургической науки и богословия“³⁵⁵. На межхристианских конференциях собирались лучшие специалисты всех вероисповеданий. Они делились не только своими знаниями, опытом, но и богословским и религиозным сознанием. Каждая „седмица“ посвящалась определенной области или теме христианского литургического предания. К примеру: в 1961 году - „Молитвы суточного круга“, 1962 – „День Воскресный“, 1965 - „Евхаристия Востока и Запада“, 1969 – „Дух Святой в Богослужении“, 1973 – „Литургия и отпущение грехов“.³⁵⁶ Эти конференции-встречи продолжаются и в наше время.

Благодаря инициативе Л. А. Зандера при Институте стали проводить „Литургические Пасхальные Семинары“. Они имели важную особенность и отличие: слушатели из разных стран и конфессий могли не только теоретически узнать основы и особенности православного богослужения, но главное присутствовать в течение всей Страстной седмицы на богослужениях в храме Сергиевского Подворья. Это позволяло эмпирически соприкоснуться с

³⁵⁴ Цит. по: Иларион (Алфеев), иеромонах. Православное богословие... С. 227.

³⁵⁵ Личный архив протоиерея Бориса Бобринского, профессора Свято-Сергиевского Богословского Института.

³⁵⁶ Там же.

Православием и его духовной жизнью, а значит, глубже проникнуть в суть раннего христианства. Семинар обычно заканчивался Пасхальной Заутренней и Литургией. Митрополит Сурожский Антоний (Блюм) приводит пример подобной эмпирической встречи с православием англиканского священника, который впервые попал на православную вечерню в Лондоне. „Служба началась, как обычно, при ярко освещенном алтаре, храм был залит светом, прозвучал первый возглас, при пении предначинательного псалма (Пс. 103) все это вызвало в нем душевный подъем, радость: Бог в нашей среде, Бог с нами, мы – Его люди. А, затем служивший священник ушел, и одновременно затворились двери алтаря, и погас свет. И он мне говорил потом: „В тот момент я понял, что случилось при падении человека: вся слава померкла, и люди могли видеть, что есть область Божия, еще светлая, и область человеческая...“ Это дало ему новое, более глубокое понимание того, что могло случиться при падении“³⁵⁷. Присутствие на православном Богослужении не имело прозелитического характера, для протестантов оно помогало окунуться в те глубины, которые были ими в истории потеряны.

Постепенно возрастало богословское общение Свято-Сергиевского Института с католической церковью. На открытие Второго Ватиканского собора в 1962 году, в качестве наблюдателей были приглашены профессора Института, что свидетельствует о духовном значении православной Богословской мысли в эпоху возрождения католической церкви. На трех первых сессиях Собора присутствовал епископ Кассиан (Безобразов). На последней четвертой сессии присутствовали протоиерей Николай Афанасьев, протоиерей Алексей Князев, П. Н. Евдокимов, протоиерей Александр Шмеман. На эклезиологическое учение католической церкви без сомнения повлияли воззрения протоиерея Николая Афанасьева о евхаристической эклезиологии, что единодушно признают католические богословы.

³⁵⁷ Антоний (Блюм), митрополит Сурожский. Труды: В 2-х кн.– Кн. 2. – М.: Практика, 2007. – С. 344–345.

Результатом усиления богословского общения с представителями католической Церкви стало также и учреждение в 1968 году при Парижском Католическом Институте особого „Высшего Института Экуменических Исследований“, в котором совместно с католическими и протестантскими преподавателями сотрудничают и преподаватели Свято-Сергиевского Института.

Парижская обитель преподобного Сергия и Институт были духовно-просветительским центром не только для узкого круга эмигрантов. Пристальное внимание уделялось женскому служению, появилась мысль создать высшие богословские женские курсы. Осуществить эту идею удалось только в 1949 году. Усилиями протоиерея Василия Зеньковского, Валентины Александровны Зандер и группы православных женщин, были основаны Высшие Женские Богословские курсы. Протоиерей Борис Бобринский, преподававший на курсах рассказывает: „Отец Василий был чуток к женскому началу, считая, что настоящая „христианская миссия невозможна без участия в ней матерей, жен, сестер“³⁵⁸. Такой же акцент на роли женщин в православном свидетельстве делает исследователь П. Е. Ковалевский. Он пишет, что одной из основных причин основания высших женских богословских курсов было то, что: роль русской женщины в церковной работе за рубежом и, в частности, в ознакомлении инославных с православием, оказалась очень большой³⁵⁹. Лекции проходили по вечерам, так как большинство слушательниц работало. При курсах было организовано и заочное преподавание, которое осуществлялось через регулярную высылку лекций и списков рекомендуемых пособий. Эти курсы продержались двадцать лет, преподаваемые материалы были тщательно записаны и даже изданы и переправлены впоследствии в Россию. Более ста человек прошли через эти курсы, были среди них и монахини, и преподавательницы школ, и просто любознательные женщины. Из-за недостатка средств дело было приостановлено, но в будущем оно нашло свое продолжение.

³⁵⁸ Личный архив протоиерея Бориса Бобринского, профессора Свято-Сергиевского Богословского Института.

³⁵⁹ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия... С. 89.

В 1980 году протоиерей Алексей Князев дал возможность женщинам получать образование в Богословском Институте³⁶⁰.

С самого учреждения Института преподаватели и студенты принимали деятельное участие не только в академической, но и в церковно-приходской жизни. В стенах института проходили епархиальные собрания, съезды. С участием профессоров и студенческого хора организовывались миссионерские поездки по отдаленным приходам епархии, которые были рассеяны по всей Западной и Центральной Европе. Активной просветительской деятельностью занималось организованное студентами Сергиевское Братство.

Можно утверждать, что Институт успешно выполнял и воспитательную задачу. В 1925 году С. С. Безобразов в журнале „Путь“ писал, что митрополит Евлогий принял на себя задачу организации Высшей богословской школы за границей, для того, чтобы дать подлинную духовную пищу заграничной молодежи, „взыскующей церковного просвещения и жаждущей отдать свои силы на служение Церкви“³⁶¹. Многие преподаватели и студенты принимали участие в многообразной деятельности Русского Студенческого Христианского движения. Они участвовали в организации летних детских и студенческих лагерей, ежегодных съездов, студенческих кружков, многие из которых были посвящены изучению Священного Писания, православного богослужения, святоотеческого предания, русской духовной культуры. В лагерях проводили богослужения, организовывали лекции и беседы о Боге и Церкви. „Следует сказать, что съезды РСХД являли собой исключительные события в жизни движенцев – молодых и менее молодых. Благодаря выбору тем, участию одаренных и убежденных ораторов в большинстве своем профессора Института, и самое главное, благодаря общему духу церковности и братства, который царил в результате каждодневных литургий и общей молитвы для всех участников съезда – а их собиралось от 150 до 260 человек – это были воистину

³⁶⁰ Личный архив протоиерея Бориса Бобринского, профессора Свято-Сергиевского Богословского Института; Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия... С. 89.

³⁶¹ Безобразов С. С. Русский Православный Богословский Институт в Париже // Путь. – 1925. – № 1, сентябрь. – С. 131.

незабываемые моменты воодушевления, единения во Христе и в Церкви, преданности общему делу, в духе свободы и соборности³⁶². Бесменным председателем Движения с 1923 года был В. В. Зеньковский, впоследствии протопресвитер. Вот что пишет о нем его духовная дочь Нина Константиновна Раум фон Траубенберг: „Василий Васильевич... стремился передать молодежи глубокую и свободную преданность Церкви, внедрить в сердца стремление к поискам истины, внутреннего единства и подлинности. Сам Василий Васильевич был примером подлинности во всем... Одним из тезисов отца Василия был тезис о воцерковлении жизни“³⁶³.

Таким образом, живое участие учащихся и учащихся Института в церковной жизни, приносило богатые плоды. Благодаря организации лекций, бесед и встреч со священником в молодежных и детских лагерях, школах русские мальчики, лишенные беззаботного детства, порой впервые получали знания о Боге. Ведь для многих из них, как и их родителей, Православие было всего лишь частью „Старой России“. Так, для юного Андрея Борисовича Блума, будущего священника, а в последствии и митрополита Сурожского Антония, выдающегося иерарха и пастыря встреча со священником явилась переломным моментом в его жизни. В своих воспоминаниях митрополит Антоний пишет: „В подростковом возрасте я абсолютно ничего не знал о Боге. Он просто не существовал в моем опыте... Незадолго до Пасхи наш молодежный руководитель отозвал меня и сказал: «Пойдем, мы пригласили священника провести с вами, мальчиками, беседу».³⁶⁴ Андрей Блум возмутился, потому что не верил ни в священников, ни в Церковь, ни в Бога, но мудрый руководитель уговорил его пойти просто посидеть на этой лекции. Громкий голос лектора, которым оказался „один из самых великих людей в русском православии“ и то, что он говорил, заставили юношу самостоятельно прочитать Евангелие, с чего началось его познание Бога³⁶⁵.

³⁶² Личный архив Протоиерея Бориса Бобринского, профессора Свято-Сергиевского Богословского Института.

³⁶³ Там же.

³⁶⁴ Антоний (Блум), митрополит Сурожский. Труды. В 2-х кн. Кн. 2. – М.: Практика, 2007. – С. 867–868.

³⁶⁵ Там же. С. 868.

Детский опыт митрополита Антония является ярким примером того, как даже на первый взгляд непродуктивная беседа священника с неподготовленной аудиторией явилась причиной обращения к Богу юношеского сердца. Этим священником был протоиерей Сергей Булгаков – преподаватель Свято-Сергиевского института. Выдающиеся богословы и пастыри „Парижской школы“ имели огромное влияние на молодежь. По поводу работы с молодежью отец Александр Ельчанинов в своих дневниковых записях оставил следующие воспоминания: “...тут (в лагере молодежи) я говорю легко и свободно... Главное - я вижу, как им нужно такое общение... И мне хочется сказать нашей молодежи: вы молоды, у вас крылья молодости, вы сумеете совершить этот подвиг - остаться православными и русскими. Вы - православные, все сокровища Церкви к вашим услугам: ее молитвы, таинства, - знакомьтесь с этим сокровищем, изучайте его, питайтесь им... Для молодых - громадное значение имеют юношеские организации, помогающие спасению”³⁶⁶.

Еще один выходец Сергиевского института Архимандрит Софроний Сахаров произвел неизгладимое впечатление в жизни современного нам богослова и церковного иерарха митрополита Иллариона (Алфеева)³⁶⁷. Выдающиеся представители „Парижской школы“ личными встречами, а в большинстве своими трудами оказали глубокое влияние на многих современных богословов, церковных мыслителей и просто студентов семинарий и академий включая и автора данной работы.

Подводя итог, следует заключить, что Свято-Сергиевский Богословский Институт как духовно-просветительский центр „русского зарубежья“ выполнял несколько важнейших функций в миссионерском служении церковной эмиграции во Франции. Он выпускал просвещенных, ревностных служителей. Это была практическая, первая и самая необходимая задача, или образовательная функция. Выработанный учебный план поднял институт на

³⁶⁶ Цит. по: Зеньковский В., протоиерей. Зарождение РСХД в эмиграции //Вестник РХД. Париж-Нью-Йорк-Москва. – 1993. – № 168. – С. 83–84.

³⁶⁷ Иларион (Алфеев), иеромонах. Православное богословие... С. 339.

уровень высшего учебного заведения, а именно богословского факультета. В этом качестве институт был признан как университетскими властями во Франции, так и международными академическими кругами. По уставу 1933 года институту было присвоено право присуждать степень Доктора церковных наук или Доктора *honoris causa*.

Второй непосредственной функцией было поддерживать традиции русского православного богословия и быть очагом исследований на русском языке, а впоследствии и французском. Кроме прямого назначения богословской школы, она выполняла собирательную и объединительную функцию: собрала имеющихся за границей профессоров старых академий, преподавателей богословов, философов и религиозных мыслителей. Сергиевское подворье было местом, которое многих объединяло. Большинство сотрудников периодических религиозно-философских журналов были профессорами и преподавателями Свято-Сергиевского института, это значит, что существование и развитие церковной, религиозно-философской печати во многом их заслуга. Исследователь Д. Поспеловский пишет: „Количественно немногочисленная «евлогиевская» церковь, благодаря Свято-Сергиевскому Богословскому институту и традиционному скоплению русских интеллектуалов в Париже, являлась своеобразным мозговым центром православия в инославном мире“³⁶⁸.

Все это дало фундамент и основу для уверенного свидетельства, сотрудничества с инославными богословами и мыслителями. Свято-Сергиевский институт сыграл важную роль места встречи между православием и западным христианством, что явилось экуменической функцией института. С течением времени экуменические отношения становились все более и более разнообразными, а экуменические связи все более и более тесными. Епископ Кассиан (Безобразов) в слове по случаю 25-летия Сергиевского института отмечал, что “...в настоящее время уже нельзя себе представить сколько-нибудь значительную экуменическую манифестацию, будь то конференция или сборник

³⁶⁸ Поспеловский Д. В. Русская православная Церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – С. 232.

статей, без участия нашего института. Он стал непременным членом Экуменического движения и, что особенно важно, более даже на деле, чем по праву. Этот результат, значение которого самоочевидно, я и причисляю к непредвиденным последствиям нашей работы”³⁶⁹.

Кроме образовательной, объединительной и экуменической функций Институт имел и воспитательное значение. Профессора и студенты богословской школы имели большое влияние на интеллигенцию и молодежь. Важно отметить, что между Институтом и приходом не было разделений, они были сплетены единой духовной связью. Именно такой синтез академического и духовного опыта вырастил в Свято-Сергиевском Богословском Институте не одно поколение выдающихся пастырей Церкви, апостолов, несущих Свет Христов в мир. Протопресвитер Александр Шмеман пишет: „Главное, в институте было то, что Церковь, Православие и вера зажили для нас своей собственной жизнью. Если раньше мы воспринимали их как часть русского опыта, может быть, лучшую часть, то теперь на этом новом для нас этапе в душах наших стала выстраиваться некая иерархия ценностей”³⁷⁰.

В свою очередь в богословской школе осуществлялось духовное единство между преподавателями и студентами, они вместе разделяли убогие условия, в которых проходила жизнь Института. Так, например, условия проживания отца Киприана (Керна) в Свято-Сергиевском институте были следующими: „Он жил на Сергиевском Подворье в “профессорском” доме рядом с церковью; квартира его состояла из одной небольшой комнаты и крошечной кухни. В том же доме жили отец Сергей Булгаков и профессор А. Карташев. Удобства были общие. Все было более чем скромным. Комната скорее походила на келью”³⁷¹. До сих пор жизнь Института напоминает быт единой семьи, которая собирается за одним столом.

³⁶⁹ Свято-Сергиевское Подворье в Париже. К 75-летию со дня основания. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 83.

³⁷⁰ Шмеман А., протоиерей. Проповеди и беседы. – М.: Паломник, 2002. – С. 194.

³⁷¹ Иларион (Алфеев), иеромонах. Православное богословие... С. 242.

Таков краткий исторический обзор миссионерско-просветительской деятельности Свято-Сергиевского Богословского института.

Заключение второй главы

Рассеяние в данных исторических условиях способствовало сохранению и дальнейшему развитию церковной науки Русской Православной Церкви, так как в советской России в условиях постоянных гонений это было практически невозможно. Обзор направлений в богословской и религиозно-философской литературе эмиграции показал вклад русских религиозных мыслителей, богословов и церковных деятелей в развитие православной мысли. Особое значение здесь имели периодические издания „Путь“, „Новый Град“, „Вестник РСХД“. Исключительное место в деле православного свидетельства занимал основанный в Париже митрополитом Евлогием Георгиевским Свято-Сергиевский Богословский Институт, который являлся духовно-просветительским центром эмиграции. Таким образом, в сохранении преемственности опыта православной духовности и русской богословской науки заключалась охранительная миссия русской эмиграции, которую она с достоинством выполнила.

ГЛАВА 3. СВИДЕТЕЛЬСТВО О ПРАВОСЛАВИИ – ВНЕШНЯЯ МИССИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Заключительный раздел данного исследования посвящен внешней миссии русской эмиграции, свидетельству о Православии. По словам Н. А. Бердяева, „Православие имеет вселенское значение, и оно не может продолжать находиться в национально-замкнутом и изолированном состоянии, оно должно стать духовной силой, действующей в мире“³⁷².

Вопрос о том, почему выдающиеся деятели русской эмиграции считали необходимым не просто участвовать в экуменическом движении, вести диалог о проблемах единения христиан, но быть и движущей силой этого нового исторического процесса является приоритетным для решения поставленных задач. В отдельном разделе третьей главы освещены основные миссионерские формы ознакомления с православием западных христиан. Выявлено значение лекций, бесед о Православной Церкви, выступлений хоров, с объяснением православного богослужения и выставок икон.

3.1. Эмигрантское миссионерство

Изучая феномен эмигрантского миссионерства, следует выяснить, в чем именно состоит миссионерство эмиграции. Здесь весьма интересными являются воспоминания, публикации и письма религиозных мыслителей, богословов и клириков из русской эмиграции, а также тех, кто нес пастырское служение за границей и был хорошо знаком с эмигрантским миром. Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) по этому поводу пишет: „Письма воссоздают эпоху русской эмиграции того времени. Это человеческий документ Русского Зарубежья, той его начальной эпохи, когда русская эмиграция только начала осознавать сою духовную миссию и свободу“³⁷³.

³⁷² Духовные задачи русской эмиграции // Путь. – 1925. – №1. – С. 5.

³⁷³ Иоанн (Шаховской), архиепископ Сан-Францисский. Избранное / Сост., авт. вступ. статьи Линник Ю. – Петрозаводск: Святой остров (Фонд культуры Карелии), 1992. – С. 48–49.

Еще в 1905 году в ответном послании Святейшего Правительствующего Синода ко Вселенской Патриархии особо подчеркивали: „...Что касается отношений к христианам инославных исповеданий, то Российская Церковь в пределах, доступных для нее как частной Церкви, не оставалась безучастной к судьбе этих заблудших овец, особенно когда они обнаруживали склонность и желание познать истину, а также более, когда прямо обращались с просьбой о духовном руководстве и помощи. Зная, как многое в заблуждениях инославных христиан и в их упорстве объясняется их незнакомством с тихим светом неповрежденного Христова учения, со времен древних хранимого в недрах Православной Церкви, Российская Церковь, посылая за границу свои миссии, ставила задачей их деятельности не только попечение благою вестью Евангелия людей сидящих в языческой тьме, но и посильное ознакомление с истиной и учением Православной Церкви христиан инославных через издание духовных журналов и богословских книг на местные языки и тому подобное...“³⁷⁴. Таким образом, начало ознакомления западных христиан было начато еще задолго до эмигрантского рассеяния, но свидетельство это было „посильным“.

Владыка Илларион Алфеев, служивший на Венской и австрийской кафедре, бывший с 2002 года представителем русской православной Церкви при европейских международных организациях пишет, что в странах Запада присутствие Православной Церкви имеет миссионерское измерение³⁷⁵.

На первый взгляд может показаться, что церковная миссия и эмиграция, которая была вынужденной – это разные явления, между которыми мало общего. При неглубоком рассмотрении этого вопроса возникают три главных противоречия. Во-первых, церковная миссия в широком понимании предполагает активную проповедь христианской веры. Спаситель дал заповедь своим ученикам: „Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари“

³⁷⁴ Обмен посланиями между Вселенской Патриархией и Святейшим Правительствующим Синодом Российской Православной Церкви (1902-1905). Ответное послание Святейшего Правительствующего Синода ко Вселенской Патриархии (18 марта 1905 года) Фрагмент / Православие и экуменизм. Документы и материалы: 1902-1998. – М.: МФТИ, 1999. – С. 63.

³⁷⁵ Илларион (Алфеев), епископ. Православие... С. 277.

(Мк. 16, 15). Указание это имеет целенаправленную проповедь, а эмиграция из России после октябрьской революции была насильственным изгнанием, или даже бегством. Во-вторых, цель церковной миссии – утверждение христианства там, где господствует язычество или нехристианские религии. Русские же эмигранты в своем большинстве находили убежище и жили в христианских странах - Европе, Америке. И третье – эмиграция состояла из людей разных убеждений, среди которых были и люди далекие от Церкви и даже враждебные ей³⁷⁶.

Митрополит Минский и Слуцкий Филарет (Вахромеев), Патриарший Экзарх всея Беларуси, имевший большой опыт пастырского служения за границей, знакомый с жизнью эмиграции, объясняет, как связаны церковная миссия и вынужденный исход из своего Отечества сотен тысяч русских в первой половине XX века. Во-первых, необходимо обратить внимание на одно из следствий эмиграции. Как правило, оторванный от Родины беженец, человек, оказавшийся в ином культурном и религиозном окружении, часто чувствует себя чужим и переживает ностальгию. Тоска по Родине может способствовать человеку, обратиться к «вере отцов», а затем и к самому существу этой веры. Таким образом, изгнанничество становится импульсом для интенсивного духовного поиска и обретения «единого на потребу»³⁷⁷.

Во-вторых, миссионерской особенностью феномена вынужденного исхода на Запад большого количества русских людей, было то, что в их числе состояло множество философов, богословов, церковных деятелей, которые своим творчеством и служением смогли преодолеть старую замкнутость Русской Православной Церкви и на равных войти в диалог с западными христианами.

Временами Русская Православная Церковь оказывалась в некоторой изолированности от других западноевропейских христианских общин³⁷⁸. Русское

³⁷⁶ Филарет (Вахромеев), митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси // Церковная Миссия Русской Эмиграции: Доклад на международной конференции «Православное богословие и Запад в XX веке: история встречи» // Труды Минской Духовной Академии. – 2005. – Спецвыпуск. – С. 78.

³⁷⁷ Там же. С 77–78.

³⁷⁸ Зернов Н. М. Русское религиозное возрождение XX века. – Париж: YMCA-PRESS, 1981. – С. 259.

духовенство и миряне мало интересовались духовной жизнью Запада, его традициями. Несмотря на то, что русская интеллигенция накануне октябрьской революции отличалась особым восхищением Европой и ее культурой, она в то же время редко интересовалась церковной жизнью на Западе. В своем большинстве она не поднимала проблематику взаимоотношений христиан Востока и Запада. В этот период и в кругах Русской Православной Церкви не было осознания необходимости диалога между христианами Востока и Запада. К примеру, профессорские круги, которые изучали другие вероисповедания, не проявляли интереса к делу сближения церквей. В основном они отмечали отступления от Православия и анализировали инославные богословские теории. В полемической литературе все внимание было направлено на пункты расхождения. Немногочисленные контакты имели только узкий и специфический характер.

По этой причине к концу девятнадцатого столетия только лишь малый процент³⁷⁹ клириков и мирян был близко знаком с католичеством и протестантизмом³⁸⁰.

Именно по этому, владыка Евлогий (Георгиевский) пишет, что Русская Церковь чувствовала себя самодовлеющей и слабо откликалась на попытки сближения с нами инославных Церквей³⁸¹. „Словом - сближение не удавалось. Нашему несчастью - эмигрантскому существованию - обязаны мы тем, что Русская Церковь, оказавшись в соприкосновении с инославной стихией, была самой жизнью вынуждена войти в общение с нею и тем самым преодолеть свою косность и обособленность”³⁸². Протоиерей Н. Сахаров свидетельствует: „Естественно является потребность понять эти обычаи и обряды, объяснить их происхождение, оценить их с точки зрения Православия и так далее. Если мы, живя па границей, считаем своим долгом ознакомиться с языком страны, ее

³⁷⁹ Н. М. Зернов в своей книге «Русское Религиозное Возрождение XX века» называет только двух представителей интеллигенции, которые, по его мнению «вполне осознавали жизненную необходимость христианского единства и его значение для Церкви» это Алексей Степанович Хомяков (1804-1860) и Владимир Сергеевич Соловьев (1853-1900). Однако их взгляды в этом направлении не были услышаны современниками.

³⁸⁰ Зернов Н. Русское религиозное возрождение... С. 259.

³⁸¹ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни... С. 572.

³⁸² Там же. С. 523.

гражданскими установлениями и социальными порядками, то тем необходимее для нас знать то, что составляет душу каждого народа, — его религию³⁸³.

С другой стороны, христиане на Западе - католики и протестанты также мало знали о Русской Православной Церкви и в большинстве случаев их знания были поверхностны, а представления часто неправильные. Тот интерес, который проявляли христиане Запада к православной культуре, отзывы и впечатления, которые оставляли они после выступлений православных хоров и выставок икон, свидетельствуют о новизне для них Православия. Благодаря своему изгнанию русская церковная эмиграция, как носительница живой православной традиции, в непосредственном общении с западными христианами открыла для них Православие, которое ранее было им неизвестно и казалось чем-то далеким и экзотическим. Именно поэтому Н. М. Зернов свидетельствует, что многие выдающиеся деятели эмиграции «пришли в Европу не испуганными беженцами, а людьми, сознающими свою миссию, убежденными, что новая эпоха в истории человечества, начавшаяся русской революцией, призывает христиан к объединению»³⁸⁴. В этом свидетельстве заключается миссионерский императив изгнания.

Владыка Филарет, следующим образом объясняет понятие феномена церковной эмиграции и его значение в деле свидетельства православной традиции: «Что стоит за этими словами и означают ли они, что «Церковь эмигрировала»? Для некоторых эмигрантов это было именно так: они создавали «зарубежную русскую Церковь». Но для других, с более глубоким богословским сознанием, изгнание людей из России не означало изгнания оттуда Церкви. Напротив, они осознали, что в любом месте, там, где собирается христианская община и совершается Евхаристия, присутствует Церковь Христова и возможна полнота церковного опыта. Именно такое понимание и переживание Церкви было чрезвычайно важным в богословском отношении: церковность не как этнорелигиозная принадлежность, то есть верность унаследованному от отцов

³⁸³ Сахаров Н., протоиерей. Православие и католичество. – Париж, 1926. – С. 3.

³⁸⁴ Зернов Н. Русское религиозное возрождение... С. – 261.

вероисповеданию, но как верность Самому Христу. При таком понимании русское рассеяние - диаспора - было осмыслено церковными людьми в библейском смысле, то есть, как призвание свидетельствовать о своей вере и церковном опыте. Так, апостол Иаков обращается в своем послании к «двенадцати коленам, находящимся в рассеянии» (Иак. 1, 1), а апостол Петр - к «пришельцам, рассеянным» в разных областях древнего Востока, «избранным по предвидению Бога Отца» (1 Петр. 1, 1). И потому русские богословы-эмигранты столь часто цитировали древний христианский памятник - Послание к Диогнету. В нем говорится, что христиане и в своем отечестве живут как пришельцы, и «имеют участие во всем, как граждане, и все терпят как чужестранцы. Для них всякая чужая страна есть отечество, и всякое отечество - чужая страна» (Послание к Диогнету, 5). Иначе говоря, те русские эмигранты, которые в изгнании посвятили себя служению Церкви, - священники и миряне, богословы и церковные деятели, - переосмыслили свое изгнанничество и поняли его как духовное служение, то есть как церковную миссию³⁸⁵. На обсуждении доклада А. В. Карташева „Христианская община и внешний мир“ Н. А. Бердяев высказал следующую мысль: „Религиозный человек должен твердо знать, что он призван осуществлять свою святую во всякой среде; что бы ни было вокруг него, он должен приложить к своему делу максимальное духовное усилие“³⁸⁶. Отец Сергей Булгаков пишет в проповеди „Зов Апостольства“ на день памяти первоверховных апостолов Петра и Павла: „Все христиане причастны к призванию и служению апостольства. Для всех христиан доступно исповедание и проповедование веры Христовой. Ко всем обращает свое слово первоверховный апостол Петр: „Будьте всегда готовы всякому требующему у вас отчета о вашем уповании дать ответ с кротостью и благоговением“ (1 Петр.

³⁸⁵ Филарет (Вахромеев), митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси // Церковная Миссия Русской Эмиграции: Доклад на международной конференции «Православное богословие и Запад в XX веке: история встречи» // Труды Минской Духовной Академии. – 2005. – Спецвыпуск. – С. 78.

³⁸⁶ Христианство и современная жизнь / Христианский студенческий съезд во Франции (Шато д' Аржеронн), Июль 1925 / Ред. Зандер Л. А. – Париж, 1925. – С. 27.

3,15)³⁸⁷. Объясняя этот призыв апостола Петра, отец Сергей говорит, что христианам нужно всегда быть готовым к исповедованию веры. Но готовность эта не всегда встречает применение в жизни. Однако она явно свидетельствовалась в первенствующей Церкви, когда христиане были ведомы на судища и убиваемы за Имя Христово, и она же свидетельствуется непрестанно и в дни гонений на Русскую Церковь, где исповедание веры стало не менее ответственным, чем в первохристианстве. Даже когда нет прямого внешнего гонения на веру, она всегда находится в состоянии более тонкого преследования насмешкой, презрением, даже равнодушием, поэтому ее исповедание большей частью является некоторым нравственным мученичеством³⁸⁸.

Из суждений протоиерея Сергея Булгакова видно, что многие церковные деятели восприняли свое изгнание как „зов апостольства“ и стали проповедовать его людям, говоря, что и теперь остается место для разных образов исповедования и проповедования. Мать, обучающая молитве и истинам веры своего ребенка, смиренная старица, образом своего благочестия невольно „заражающая“ всех ее видящих, скромный пастырь в тишине и терпении трудящийся на ниве духовной, совершают то же апостольское дело, что и ученый богослов, отражающий нападки заблуждающихся³⁸⁹. „Ревность апостольская объемлет все средства и все возможности, и каждому дается свой дар и свое служение“³⁹⁰.

Многие церковные деятели, богословы и религиозные мыслители осмыслили свое изгнание и происходящие вокруг процессы как возвращение к первохристианскому служению, а саму обстановку как приближенную к апостольскому времени. Профессор Н. Арсеньев на одной из своих лекций „О современном положении христианства“ говорил, что теми, кто вдумывался в

³⁸⁷ Булгаков С., протоиерей. Радость Церковная. Слова и поучения. – Париж: Братство имени преподобного Сергия и Объединение православное дело, 1938. – С.82.

³⁸⁸ Там же.

³⁸⁹ Там же. С.83.

³⁹⁰ Там же.

современные процессы, происходящие в христианском мире, было замечено, что как будто веяние первохристианства, веяние первой апостольской проповеди проносится вновь по христианскому миру. Происходившие в советской России события напоминали собой первохристианские не только по гонениям на Церковь, но и тем настроениям, той религиозной жизнью, тем потрясающим религиозным опытом, который вновь, среди гонений и преследований открывается верующим³⁹¹.

Весьма интересным и важным является разъяснение православного свидетельства митрополитом Сурожским Антонием (Блюм), выросшим в эмиграции и служивший всю свою жизнь за пределами России. В одной из своих бесед он утверждает, что «Миссионерство», слово иностранное, по-русски значит «посланничество»³⁹². „И посланничество наше особенного рода, не как политических посланников, которые стараются «наладить» какие-то дела, а посланников Божьих, которых Он посылает для того, чтобы быть Его свидетелями. Миссионерство заключается не в том, чтобы обращать людей в ту или другую веру, в то или другое вероисповедание, а в том, чтобы людям открыть путь к Богу, и это - самое основное. Миссия первохристиан заключалась в том, что они шли по всему миру и говорили: «Мы встретили Бога воплощенного, мы встретили Иисуса Христа, Который есть Человек и Бог одновременно. Он открыл нам, что такое Бог, то есть, как Он любит Свою тварь, и Он нам открыл, что такое человек: человек так велик в Его глазах, что Он готов жить как человек и умирать нашей смертью для того, чтобы мы могли спастись». И поэтому миссионерство не заключается в том, чтобы обращать иноверцев в свою веру, а в том, чтобы „открыть человеку путь к Самому Богу. Это страшно важно“³⁹³. Владыка Иларион (Алфеев) утверждает: „Православная Церковь не занимается прозелитизмом в ущерб другим христианским

³⁹¹ Арсеньев Н. О современном положении христианства. – Варшава: Синодальная типография, 1927. – С. 1–2.

³⁹² Беседа с В. И. Матвеевой. Лондон 11 марта 2000 // Электронная библиотека „Митрополит Сурожский Антоний“ [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.metropolit-anthony.org.ru>. – Дата доступа: 11.02.2009.

³⁹³ Веб-сайт о Митрополите Антонии Сурожском (Блюм) // Электронная библиотека „Митрополит Сурожский Антоний“ [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.metropolit-anthony.org.ru>. – Дата доступа: 11.02.2009.

конфессиям, не разрабатывает стратегию по массовому обращению западных христиан в православие. Миссия Православия заключается не просто в том, чтобы переводить в Православие, а прежде всего в том, чтобы свидетельствовать о Боге, об истине, о Предании древней Церкви, которое в Православии сохранилось с максимальной полнотой. Многие инославные христиане, приходя на православное богослужение, поражаются его красотой, величием, глубиной, продолжительностью³⁹⁴. Н. М. Зернов свидетельствует, что на миссионерской деятельности Русской Православной Церкви отразился дух смиренномудрия, миролюбия русского христианства³⁹⁵.

Мысль владыки Антония можно продолжить высказываниями Арсеньева. Из них становится понятным, почему первохристиане имели такую готовность к свидетельству. Вследствие гонений православные вновь открыли, что для них была вера. Предмет веры воспринимался не столько как драгоценное наследие веков, священное достояние, полученное от предков, которое нужно передать последующим поколениям, не как самое драгоценное достояние, уцелевшее от прошлого, не как важная и значительная часть духовного и жизненного уклада - нет, гораздо более того. Вера воспринимается, как потрясающая, души покоряющая Реальность. Как Реальность, как переизбыточествующая Реальность, перед которой меркнет и отступает на задний план все остальное, которая важнее всего окружающего, всех обстоятельств жизни, даже невзгод, преследований, гонений, даже мук смерти³⁹⁶.

По мнению владыки Антония для того, чтобы быть миссионером, для того чтобы передавать свою веру, надо, чтобы эта вера так потрясла человека, так изменила, что люди, встречая его, могли сказать: „О, это не изваяние, это — живой человек! Я хочу стать таким, как он, не потому что он так или сяк верит, а потому что он стал такой, он стал живой иконой“. Причем, иконой в самом настоящем смысле слова, потому что икона — это образ. Она делается как бы

³⁹⁴ Иларион (Алфеев), епископ. Православие... С. 277.

³⁹⁵ Зернов Н. Вселенская Церковь и Русское православие. – Париж: YMCA-PRESS, 1952. – С. 311.

³⁹⁶ Электронная библиотека „Митрополит Сурожский Антоний“ [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.metropolit-anthony.orc.ru>. – Дата доступа: 11.02.2009.

открытым окном. И вот миссия согласно митрополиту Антонию заключается именно в том, чтобы стать такой иконой, чтобы люди встречая христианина, встретили и сказали: „В этом человеке что-то, чего нигде я раньше не встречал, чего я даже не познавал. Я хочу на него посмотреть, я посмотреть хочу на его глаза, я хочу послушать его голос, я послушать хочу, воспринять то, что из него как бы светится, и тогда я начну понимать, причем, не богословие, а Бога“. Владыка Антоний полагал, что одна из основных проблем нашего времени в том, что столетиями мы преподавали людям учение, но не обязательно открывали перед ними жизнь, которая в этом учении, потому люди и уходят от Церкви, что какое им дело до разницы в вероисповедании, в понимании Святой Троицы, в том или другом; „я хочу встретить Бога, а не Его описание, я хочу Живого Бога. И вот этому нам надо научиться“³⁹⁷. В этом заключается основная задача нашего наступающего столетия, потому что если проповедник, любой христианин, а значит – свидетель не научится открывать Бога через свое личное общение, приобщенность к Нему, тогда люди не смогут поверить, это будет одна из точек зрения на жизнь, одна из философий, одна из религий. А если они встречают человека как Серафима Саровского, Сергия Радонежского, Феофана Затворника, тогда вопроса нет, стоит посмотреть на них и знать, что в них есть нечто, чего нигде раньше они не встречали. Вот в чем состоит миссия³⁹⁸.

Митрополит Антоний (Блум) утверждал, что миссия христиан должна в первую очередь быть свидетельством любви, основанном на собственном опыте и примере. И эта любовь должна быть обращена к каждому реальному человеку, нас окружающему без деления на достойных и недостойных нашего внимания и времени. Оба эти заключения, находят подтверждение в ответе на вопрос: каковы объекты и цели миссии. Протопресвитер А. Шмеман в статье „Миссионерский императив“ дает следующий ответ: „Православная Церковь без

³⁹⁷ Беседа с В. И. Матвеевой. Лондон 11 марта 2000 // Электронная библиотека „Митрополит Сурожский Антоний“ [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.metropolit-anthony.org.ru>. – Дата доступа: 11.02.2009.

³⁹⁸ Беседа с В. И. Матвеевой. Лондон 11 марта 2000 г. // Электронная библиотека „Митрополит Сурожский Антоний“ [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.metropolit-anthony.org.ru>. – Дата доступа: 11.02.2009.

колебаний отвечает: ее объекты - человек и мир, но не человек-одиночка в искусственной «религиозной» изоляции от мира и не "мир" как нечто целое, где человек может быть лишь частью. Человек - не только первый, но поистине главный объект миссии. Однако православная идея евангелизации свободна от индивидуалистических и спиритуалистических обертонов. Церковь, как Таинство Христа, - это не "религиозное общество", не организация, призванная удовлетворять "религиозные" потребности человека. Это - новая жизнь и потому она - искупление всей жизни, всего бытия человека. Эта всецелая человеческая жизнь и есть тот мир, в котором и которым он живет. Через человека Церковь спасает и искупает мир. Можно сказать, что "мир сей" спасается и искупается всякий раз, когда человек отвечает на Божественный дар, принимает его и живет им³⁹⁹.

В итоге православное присутствие на Западе постепенно становится миссией именно потому, что взгляд православного свидетельства всегда обращен к конкретному человеку, живущему в мире. Эмигранты, стали нести опыт Православия окружающим обществу, свидетельствовать в том культурно-политическом мире, в котором оказались.

3.2. Участие в межхристианском диалоге, экуменическом движении как возможность свидетельства и взаимообогащения

В силу исторических причин в течение долгого времени со стороны Русской Православной Церкви, экуменическая работа была ограничена почти исключительно церковными деятелями и богословами диаспоры. Церковная эмиграция имела два различных подхода к самому явлению экуменического движения и к характеру православного участия в нем. Протоиерей Александр Шмеман приходит к следующему выводу: с одной стороны, находились богословы, сознающие экуменическое движение, в некотором смысле, онтологически новым явлением в христианской истории, требующим глубокого

³⁹⁹ Цит по: Стамулис Я. Православное Богословие Миссии Сегодня. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2003. – С. 395.

переосмысления и переоценки православной экумениологии, сформированной до "экуменической" эры⁴⁰⁰. Так протоиерей Сергей Булгаков считал что существует большое количество богословских вопросов, которые необходимо обсудить вместе на экуменических встречах. В статье журнала „Путь“, посвященной Лозанской конференции он утверждал: „Это прежде всего вопросы экумениологические: о природе Церкви и священстве, о таинствах и, в особенности, об Евхаристии. Сюда следует присоединить вопрос об искуплении“⁴⁰¹. Важной темой для отца Сергия был вопрос почитания Богоматери и святых. Этот вопрос разделяет христианский мир, поэтому без его решения, по мнению профессора С. Булгакова невозможно прийти к единомыслию в главном. К данному направлению можно отнести имена – Сергей Булгаков⁴⁰², Лев Зандер⁴⁰³, Николай Зернов⁴⁰⁴, Павел Евдокимов⁴⁰⁵ и А. Карташев и Н. Арсеньев. Протоиерей С. Булгаков в своих взглядах был самым смелым из всех, кто предлагал новые религиозные пути в решении экуменических проблем. В статье - „У кладезя Иаковлева“⁴⁰⁶ напечатанной в сборнике „Христианское воссоединение“ (Париж, 1933) отец Сергий обсуждал вопросы, которых часто избегали в общении с инославными: находятся ли христиане, не общающиеся евхаристически ни с одной из восточных автокефальных Церквей, вне или внутри единой соборной Церкви; что понимает Православие под полным догматическим согласием, считающимся необходимым для приобщения к таинствам.

⁴⁰⁰ Шмеман А., протоиерей. Русское богословие 1920-1972. Вводный обзор / Веб-сайт об о. Александре Шмемане [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: www.schmemann.org/byhim/russiantheology.html. – Дата доступа: 12.03.2008.

⁴⁰¹ Цит. по: Арсеньев Н. Лозанская конференция // Путь. – 1928. – №10. – С. 111.

⁴⁰² См.: Bulgakov S. By Jacob's Well (On the Actual Unity of the Divided Church in Faith, Prayer and Sacraments) // Journal of the Fellowship of St. Alban and St. Sergius. – 1933. – №22; Ways to Church Reunion // Sobornost. – 1935. – 2; Spiritual Intercommunion // Sobornost. – 1935. – №4.

⁴⁰³ См.: Zander L. Vision and Action. – London, 1952; Let us in unity praise the All-Holy Spirit // Student World. – 1937. – №2. – P. 157–168; What is Unity // Student World. – 1939. – №2. – P. 153–164; Mouvement Ecuménique // Irénikon. – 1937. – №6. – P. 1–53.

⁴⁰⁴ См.: Zernov N. The Reintegration of the Church. – London, 1952; Orthodox Encounter (The Christian East and the Ecumenical Movement). – London, 1961.

⁴⁰⁵ См.: Evdokimov P. N. Notes préliminaires pour une théologie oecuménique // Foi et Vie. – 1947. – №6. – P. 541-570; L'Orthodoxie. – Neuchâtel-Paris, 1959.

⁴⁰⁶ Булгаков С., протоиерей. У кладезя Иакова / Христианское воссоединение. Экуменическая проблема в православном сознании. Сб. ст. – Париж: YMCA-PRESS, 1933. – С. 9–32.

С другой стороны этому направлению противостоят те, кто, не отрицая потребности в экуменическом диалоге и защищая необходимость православного участия в экуменическом движении, отклоняют самую возможность любого экумениологического пересмотра или регулирования, и кто рассматривают экуменическое движение главным образом как возможность православного свидетельства Западу. Эта тенденция находит свое наиболее ясное выражение в работах⁴⁰⁷ Г. Флоровского⁴⁰⁸. В них он не проявил склонности к либерализму и модернизму, был верным последователем святоотеческого богословия. Протоиерей Георгий Флоровский участвовал практически во всех экуменических конференциях, был членом комиссии „Вера и церковное устройство“, членом Центрального Комитета Всемирного Совета Церквей. Он был сознательным и последовательным участником экуменического движения, считая внешние церковные и межцерковные отношения и переговоры Русской Православной Церкви, ее эмигрировавшей части, проявлением православного экуменизма и свидетельства.

Многие приверженцы данного направления приветствовали новое движение как признак доброй воли западных христиан, считая необходимым ограничить его практическими мерами сотрудничества в образовательных и социальных сферах. Они избегали споров о вероучении, видя в них опасность новых конфликтов между христианами. Во втором направлении были и те представители церковной эмиграции, которые скептически смотрели или даже осуждали участие русских эмигрантов в любых формах движения по единению христиан (Синод Русской Православной Церкви Зарубежом), однако и они не отрицали необходимость свидетельства о православии западным христианам.

⁴⁰⁷ См.: Florovsky G. Приложение к журналу “Путь” №37, 1933; Une Vue sur l'Assemblée d'Amsterdam // Irénikon. – 1949. – XXII. – №1; The Orthodox Church and the WCC // St. Vladimir's Seminary Quarterly. – 1954. – II. – № 4; The Challenge of Disunity // St. Vladimir's Seminary Quarterly. – 1955. – III. – № 1-2. – С. 31–36; Obedience and Witness / The Sufficiency of God. Essays in Honor of W. A. Visser 't Hooft / ed. R. C. Mackie and Charles C. West. – London, 1963; Confessional Loyalty in the Ecumenical Movement // Student World. – 1943. – № 1; The Eastern Orthodox Church and the Ecumenical Movement // Theology Today. – 1950. – VII. – № 1; см. также обзор Флоровским книги Зандера Л. А. Vision and Action // St. Vladimir's Seminary Quarterly. – 1953. – I, 2. – P. 28–34.

⁴⁰⁸ Шмеман А., протоиерей. Русское богословие 1920-1972. Вводный обзор / Веб-сайт об о. Александре Шмемане [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: www.schmemann.org/byhim/russiantheology.html. – Дата доступа: 12.03.2008.

Их свидетельство было ограниченным. Они замыкались, акцентируя только авторитет Православной Церкви, указывая на неизменный характер ее учения, литургии, избегая тем самым обсуждения насущных проблем. Современники вспоминали, что это направление считало экуменическое движение хитроумным орудием, изобретенным Западом, чтобы завлечь и затем поглотить христианский Восток.

Этот взгляд объясняется, во-первых, непривычной обстановкой, тяжелыми условиями, в которые попала русская церковная эмиграция, при них подозрительность ко всем новым и малоизвестным процессам была естественной; во-вторых - внезапным исчезновением Русской Православной Церкви с интерконфессиональной арены и, в-третьих - недостаточностью людей знакомых с терминологией и образом мыслей, принятыми на экуменических собраниях. Некоторые престарелые клирики, оказались идейно и духовно не подготовленными к этим вопросам.

Н. А. Бердяев во вступительной статье первого номера журнала „Путь“ – „Духовные задачи русской эмиграции“ пишет, что одной из духовных задач эмиграции является общение с западным духовным миром, людьми других христианских исповеданий с целью взаимного ознакомления и свидетельства. Обращаясь к скептикам, он считает их суровую замкнутость неверной: „Русские православные люди могут оставаться в состоянии замкнутости и изоляции, могут утверждать свое православие пугливо и подозрительно, повсюду видя опасности и соблазны, отказываясь от всякого духовного общения и сотрудничества с западным духовным миром“⁴⁰⁹. Этот подход Н. А. Бердяев считал пережитком старой психологии, на почве которой рождается мнительность и подозрительность. Религиозный мыслитель не исключал, что путь братского общения, также небезопасен. Приспосабливаясь и вступая в компромиссы, можно постепенно раствориться в западной культуре, потерять своеобразие веры и оторваться от своих национально-религиозных корней.

⁴⁰⁹ Духовные задачи русской эмиграции // Путь. – 1925. – №1. – С. 6.

Однако Н. А. Бердяев был уверен, что русские люди могут оставаться верными своему религиозному типу, утверждать свою веру, мужественно и открыто сознавать ее вселенское значение и из глубины своей веры приходить в общение с христианами Запада, сотрудничать с ними, устанавливая братские отношения между христианами всех исповеданий⁴¹⁰.

Участвуя в движении единения христиан, православные богословы не шли на компромиссы в области догматики, считая, что Православной Церкви неуместен никакой компромисс, и нельзя обосновывать одними и теми же словами два понимания, два различных представления и объяснения общепринятых формулировок. Они считали, что любой союз должен основываться на общей вере и исповедании Древней Церкви семи Вселенских Соборов первых восьми веков. Пока не будет установлено догматическое единство, они считали достаточным достижения сотрудничества на социальном и нравственном уровне в духе христианской любви⁴¹¹. Более вольные взгляды касались только частных мнений отдельных богословов и мыслителей и не претендовали на общий голос Церкви. В деле единения церквей для русских эмигрантов неприемлема была и „Уния“ или так называемый „Восточный обряд“ во все ее внешних формах. „Нигде нет такой вражды между православными и католиками, как в странах, в которых есть униатство“⁴¹². Митрополит Евлогий (Георгиевский) считал, что „Восточный обряд“ это маленький капкан для несознательных или невежественных православных⁴¹³.

Несмотря на разные взгляды русских религиозных мыслителей на сущность экуменического движения и его богословское обоснование, можно сказать, что все они были едины во мнении необходимости свидетельства о православной – незамутненной апостольской традиции, принимали эту необходимость как обязанность, хотя и по-разному смотрели на ее. „Православная церковь верит и

⁴¹⁰ Там же. С. 8.

⁴¹¹ Заявление Православных Участников на Первой Всемирной Конференции „Вера и Церковное устройство“, Лозанна, август, 1927 год / Православие и экуменизм. Документы и материалы: 1902-1998. – М.: МФТИ, 1999. – С. 78–79.

⁴¹² Бердяев Н. Вселенскость и конфессионализм / Христианское воссоединение. Экуменическая проблема в православном сознании. Сб. ст. – Париж: YMCA-PRESS, 1933. – С. 76.

⁴¹³ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни... С. 578.

знает, что она сохранила чистоту наследия апостольского: но и мы, отдельные члены Православной церкви, мы также повинны в продолжающемся разделении, ибо мы мало осуществляем нашу веру в жизнь, то есть в действительности не исповедуем или мало исповедуем (ибо жизнью следует исповедовать ее) нашу веру. Наше укоренение – все большее и большее – во Христе, наше укоренение в церкви, которая есть Тело Его, и с другой стороны все большее вращение во Христа и братьев наших, верующих во Христа, но отчасти еще отделенных от нас – инославных христиан, вот – путь к тому, чтобы опять было едино стадо под единым Пастырем. Когда всех нас – не в отдельные минуты молитвенного просветления только, а во всей жизни нашей – „охватит“ любовь Христова“⁴¹⁴ – утверждает профессор Н. Арсеньев.

Активное участие русских эмигрантов в экуменическом движении было обусловлено именно евангельской любовью к ближним, вне зависимости от того к которому вероисповеданию принадлежит „ближний“. Протоиерей А. Шмеман считал, что: „Настоящая и действительная миссия Церкви - напоминать человеку об этой личной любви и об его призвании наполнять грешный мир любовью... Христианская любовь - это "невозможная возможность" увидеть Христа в другом человеке, кто бы он ни был; человеку, которого Бог по своему вечному и тайному промыслу решил ввести в мою жизнь, хотя бы на несколько мгновений, не только как повод для "доброго дела" или филантропического упражнения, но как начало вечного общения с Самим Богом“⁴¹⁵. Таким образом главное основание участия православных эмигрантов в экуменическом движении - это проявление евангельской любви к ближнему, в лице которого видится Образ Божий. Такая любовь является одной из основ христианства, потребностью христианской жизни. Это суждение подтверждает профессор Н. Глубоковский. Он писал, что взаимное и всеобщее христианское единение есть не только заповедь Христа Спасителя, и не только наша моральная обязанность,

⁴¹⁴ Арсеньев Н. Проблемы церковного единения. Православие, католичество, протестантизм. – Париж: YMCA-PRESS, 1930. – С. 7–8; См так же: Арсеньев Н. Единый поток жизни (К проблеме единства христиан). – Брюссель, 1973. – С. 9.

⁴¹⁵ Шмеман А., протоиерей. Великий пост. – Париж: YMCA-PRESS, 1986. – С. 154.

„но является потребностью самого нашего христианского бытия, которое без этого не может существовать, функционировать и развиваться нормально“⁴¹⁶. Многие представители протестантского мира в 20-30 годы так же видели смысл встреч с православными в совершенствовании взаимной любви. Протестант Г. Г. Кульман пишет: „Бог хочет, чтобы мы встретились в любви. Только если мы встретимся в любви – только тогда мы встретимся реально в свободе. Потому что тайной истинного уважения обладает только любовь“⁴¹⁷. Директор католического Института Восточных Церквей в городе Регенсбурге, доктор Альберт Раух, активно участвующий в движении единения христиан и хорошо знакомый с трудами выдающихся представителей религиозно-философской мысли русской эмиграции пишет, что объединяющей силой и первоосновой всех отношений, включая и межхристианские, является „любовь“⁴¹⁸.

Митрополит Филарет (Вахромеев), будучи председателем Отдела Внешних Церковных Сношений Московского патриархата, в приветственном слове на экуменическом симпозиуме говорил, что путем любви идет Православная Церковь, неся евангельскую проповедь мира ближним и дальним, помня слова спасителя „Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими“ (Мф. 5,9) и таким образом исполняет свое христианское предназначение⁴¹⁹. В своем докладе владыка Филарет высказывает важную мысль для понимания экуменического движения как свидетельства: „Миссия Церкви подразумевает и требует ее единства. Церковь едина по существу, ибо только ее одну Иисус Христос „приобрел Себе Кровию Своею“ (Деян. 20, 28). Не зависимо от исторической формы выражения это единство, исповеданное самой Кафолической Церковью во Вселенском символе (381 год), находится в неразрывной связи с ее другими существенными свойствами – святостью,

⁴¹⁶ Глубоковский Н. Христианское единение и богословское просвещение в православной перспективе // Путь. – 1926. – № 4, июнь-июль. – С. 139.

⁴¹⁷ Кульман Г. Г. Протестантизм и Православие // Путь. – 1926. – № 5, октябрь-ноябрь. – С. 94–95.

⁴¹⁸ Auf dem Weg ins dritte Jahrtausend. Beitr'ge des Ersten Internationalen Symposions zum dritten christlichen Jahrtausend, Novgorod, 20-25 may 1998, Regensburger Ostkirchliches Institut. – Regensburg, 1998. – С. 23–24.

⁴¹⁹ Филарет (Вахромеев), митрополит Минский и Слуцкий. Приветственное Слово / Tausend Jahre Taufe Rußlands. Rußland in Europa. Beiträge zum Interdisziplinären und Ökumenischen Symposium in Halle (Saale), 13-16. April 1988 / Hrgb. hermann Goltz unter Mitaerbeit von Axel Meißner und Peter Weniger. – Halle: Evangelische Verlagsabsalt, 1988. – С. 18.

соборностью, апостоличностью. Разделение христиан явилось следствием человеческого превозношения и нелюбви⁴²⁰. Н. М. Зернов утверждал, что „для того, что бы осветить мир истинною своего благовестия, Церковь должна стать вновь целостным организмом, включающим все народы и примиряющим под своим покровом все разнообразие их культурных и национальных особенностей⁴²¹.

Таким образом, многие церковные деятели, религиозные мыслители, богословы эмиграции, понимая, что для настоящей христианской миссии Вселенской Церкви необходимо единство христиан, не могли не принять участие в движениях единения христиан. Многие выдающиеся деятели эмиграции отнеслись к так называемому экуменическому движению с искренним воодушевлением, так как в некоторых позициях они были более дальновидны, чем западные христиане. Из собственного опыта христиане русской православной Церкви знали, что общими усилиями голос христианского благовестия в секуляризованном мире будет иметь большую силу и может принести большие плоды. Профессор Н. Бердяев акцентировал внимание на том, что „в мире происходит небывалая концентрация, объединение и организация антихристианских сил. Эти силы необыкновенно активны. И христианство, разделенное на части, на враждующие между собою конфессии, бессильно пред лицом антихристианской опасности, перед возрастающей дехристианизацией мира. Контраст объединенности, организованности и активности антихристианских сил и разделенности, дезорганизации и пассивности христианских сил не может не мучить христианскую совесть. Перед лицом могущественного врага потребность христианского единства не может не быть осознанна⁴²². Уже на первых совместных конференциях по единению христиан стало ясным, что внутренний разлад христианского мира по основным вопросам

⁴²⁰ Филарет (Вахромеев), митрополит Минский и Слуцкий. Приветственное Слово / Tausend Jahre Taufe Rußlands. Rußland in Europa. Beiträge zum Interdisziplinären und Ökumenischen Symposium in Halle (Saale), 13-16. April 1988 / Hrgb. Hermann Goltz unter Mitaerbeit von Axel Meißner und Peter Weniger. – Halle: Evangelische Verlagsanstalt, 1988. – С. 33.

⁴²¹ Зернов Н. Вселенская Церковь и Русское православие. – Париж: YMCA-PRESS, 1952. – С. 301.

⁴²² Бердяев Н. Вселенскость и конфессионализм / Христианское воссоединение. Экуменическая проблема в православном сознании. Сб. статей. – Париж: YMCA-PRESS, 1933. – С. 77.

внешнего свидетельства, соперничество, выражающееся в прозелитизме и взаимное безразличие умаляют величие Церкви Христовой, искажают чистоту христианства, принося ему вред, затрудняют преодолеть государственный антагонизм христианских народов.

Кроме общего свидетельства и борьбы с антихристианским миром дальновидные религиозные мыслители видели педагогическую задачу в общении с западными христианами. Комментируя Лозаннскую конференцию 1927 года, профессор Н. Арсеньев утверждал, что помимо всего прочего на конференции выявилось педагогическое воздействие Православной Церкви. Оно проявилось „в ее готовности делиться своим церковным богатством и опытом и вместе с тем в своей непоколебимой приверженности ему“⁴²³. По свидетельству Н. Арсеньева, педагогическое воздействие Православия на протестантский мир понималось в смысле возвращения к церковной традиции, в ознакомлении отдельных верующих протестантов с православным мирозерцанием и в духовном общении их с отдельными представителями Православной Церкви. Воодушевленный Лозаннской конференцией Н. Арсеньев пишет: „протестантский мир во многих своих течениях и представителях тянется к церковности, и Православная Церковь может ему помочь в этом“⁴²⁴. Профессор Н. Глубоковский на одном из частных совещаний православной группы на Лозаннской конференции акцентирует необходимость присутствия православных с целью православного свидетельства: „Мы обязаны были быть здесь, ибо не имеем права не дать ответа в нашем уповании приходящим к нам за расспросами, памятуя слова Спасителя: „Грядущего ко Мне не изжену вон“⁴²⁵.

Общественные встречи православных, католиков и протестантов начались еще до крупных экуменических конференций. По инициативе русских в Париже с января 1926 года возникли религиозные собеседования русских православных с французскими католиками и протестантами. Они проходили в помещении

⁴²³ Арсеньев Н. Лозаннская конференция // Путь. – 1928. – №10, апрель. – С. 109.

⁴²⁴ Там же.

⁴²⁵ Цит. по: Арсеньев Н. Лозаннская конференция... С. 109.

русских христианских кружков, где читались лекции Религиозно-Философской Академии и носили больше закрытый характер; со стороны православных в них принимали участие Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев, А. В. Карташев, Г. Н. Трубецкой и другие. Со стороны католиков Jacques Maritain, (prof. Institut catholique), аббат L. Labertonniere, аббат Augustin Jakoubisiak, S. Fümet и другие; со стороны протестантов, пастор Voegner, пастор Lecerf (представитель ортодоксального кальвинизма), профессор Yundt (лютеранин), профессор Monnier и другие⁴²⁶. Проходили встречи и по инициативе мирян. Так в кружке известного католического историка Жака Маритэна и его жены Раисы бывали русские мыслители⁴²⁷.

Русская церковная эмиграция сотрудничала с западными христианами в издании журналов и сборников, которые печатались от имени различных экуменических организаций. Вследствие открытого диалога и сотрудничества для многих западных христиан Православие перестало казаться экзотическим.

Профессор Н. Бердяев, активно участвовавший в межхристианских беседах в Париже, приходит к выводу, что православие может быть благоприятной почвой для экуменического движения, и вступление православных в это движение может иметь огромное значение, так как православные могут помочь католикам и протестантам выйти из тупика. Это суждение Н. Бердяев основывает на двух фактах: православный мир не участвовал в страшной исторической борьбе протестантов и католиков, а значит, он может быть посредником двух враждующих сторон; опыт интерконфессиональных собраний в Париже показал, что протестанты и католики легче встречаются на православной почве. В каждой из трех сторон присутствовали свои соблазны для православного понимания экуменического движения: в католичестве – ватиканский империализм единства христиан, у протестантов – слишком поверхностное понимание единства христиан и вследствие легкость достижения, у православных – изолированность, порою

⁴²⁶ Собрание православных, католиков и протестантов в Париже // Путь. – 1926. – № 3, март-апрель. – С. 150.

⁴²⁷ Ковалевский П. Е.. Зарубежная Россия... С. 118.

безразличность к остальному христианскому миру⁴²⁸. Первое молитвенное собрание с участием католиков и протестантов было устроено именно православными. В Париже в румынской церкви состоялся молебен, который возглавил митрополит Евлогий (Георгиевский). После молебна представители различных христианских вероисповеданий изложили свою точку зрения на вопрос о единении христиан⁴²⁹.

В католической и протестантской общественности появлялись мыслители и богословы, которые возлагали на Православную Церковь не только надежды в посредничестве налаживания диалога между католиками и протестантами, но и считали, что пример Православия может помочь им возвратиться к утраченной в некоторых направлениях первохристианской традиции. Еще до Лозаннской конференции в первом номере журнала „Путь“, Н. Арсеньев в своей статье „Современные течения в католичестве и протестантизме в Германии“ цитировал молодого ученого монаха бенедиктинского ордена - Dr. Phil. P. Thomas Michels из аббатства Maria Laach. Dr. Phil. P. Thomas Michels писал⁴³⁰: „Мы иногда, может быть, слишком мало думаем о том, какие незаменимые ценности утратил Запад через разрыв свой с первой наследницей древнего эллинистически-христианского духовного мира, то есть с Восточной Церковью. Зрело взвесив все моменты, мы склонны думать, что Запад больше нуждается в Востоке, чем Восток в Западе. Ибо, тогда, как западный человек по всей своей духовной структуре более склоняется к подчеркиванию практически-нравственного и в области религии, восточный христианин по самой природе духа своего, гораздо легче подымается к высотам созерцательно-мистической жизни, которая как раз глубочайшим образом питается из богослужебно-тайнодейственной жизни Церкви... Запад с тех пор, как он перестал испытывать восполняющие и углубляющие воздействия Востока все больше стал отходить от собственного прошлого своего в первом тысячелетии. Особенно в области литургической

⁴²⁸ Бердяев Н. Вселенскость и конфессионализм... С. 80-81.

⁴²⁹ Ковалевский П. Е.. Зарубежная Россия... С. 221.

⁴³⁰ Его статья „Literalische Beilage der Kolnischen Volkszeitung“ 11 декабря 1924 года по поводу книги Н. Арсеньева „Ostkirche und Mystik“.

жизни можно раскрыть это с неопровержимой убедительностью. Ныне, когда Запад, после беспримерного заострения в течении последних веков субъективно индивидуалистического начала во всех действиях духовной жизни, снова начинает искать сверхлично-объективной действительности, взоры его опять обращаются на Восток⁴³¹. Протестант Г. Кульман на съезде христианских студенческих движений в православных Балканских странах в мае 1926 г. в Бане Костенед (Болгария) заявил, обращаясь к православным: „Если вы сознаете ваши богатства – то вы не останетесь замкнутыми в себе, вы не будете так жестоки ,чтобы закрыть двери вашей церкви перед нами... Вы можете принести только то, что вам Бог Сам дал – Христа, живущего в вашей церкви и всю духовную полноту, которая содержится в ней, которая принадлежит только Ему Одному, которая живет в вашем Священном Предании, в ваших молитвах, в вашей литургии, в ваших иконах, в ваших таинствах, в ваших святых, в ваших мучениках, в ваших исповедниках веры, в ваших мистиках, в ваших монастырях“⁴³². Анализируя новые статьи и книги католических богословов Н. Арсеньев приходит к выводу: „в связи с этими усилившимися стремлениями к органической церковности, как в католическом, так и в протестантском мире, все яснее обрисовывается возможность благотворного воздействия духа Православия, православного восприятия Церкви и мистической жизни Церкви – великой, свободной, органической соборности тела Христова – на западный христианский мир“⁴³³.

Православная почва была и является самой благоприятной для единения христиан. С одной стороны „православная Церковь есть единственная на земле, догматически не погрешившая“⁴³⁴, с другой по выражению мысли профессора А. В. Карташева Православную Церковь в перспективе соединения церквей русские богословы эмиграции участвующие в межхристианском диалоге, мыслили не как

⁴³¹ Цит. по: Арсеньев Н. Современные течения в католичестве и протестантизме в Германии // Путь. – 1925. – №1, сентябрь. – С. 165.

⁴³² Кульман Г. Г. Протестантизм и православие // Путь. – 1926. – № 5, октябрь-ноябрь. – С. 94–95.

⁴³³ Арсеньев Н., проф. Современные течения... С. 167.

⁴³⁴ Карташев А. В. Соединение церквей в свете истории / Экуменическая проблема в православном сознании. Сб. ст. – Париж: YMCA-PRESS, 1933. – С 118.

„присоединяющую к себе“ другие церкви, а как своим собственным смиренным покаянием помогающую им в их покаяниях и исправлениях, чтобы всем вместе, вселенски „присоединиться“ к Истине, к Единому Пастырю, сойтись в единое видимое стадо“⁴³⁵. Суждение А. Карташева может дополнить Н. М. Зернов. Он утверждает, что русскому православию вообще чужд дух агрессии и, оно никогда не стремилось подчинить себе другие вероисповедания и наложить на них печать своих особенностей⁴³⁶. Именно поэтому Православная Церковь не мыслит „соединение церквей“ как присоединяющее к себе действие, а возвращающее к единой апостольской традиции и вере.

Профессор Карташев приводит задачу православного участия в единении христиан: „для православной Церкви ставилась задача возвыситься до подвига величайшей любви в форме терпимости и уступчивости, ни в капле не предавая догматическую истину“⁴³⁷. Важное значение имеет тот факт, что выдающиеся религиозные деятели и мыслители эмиграции понимая все достоинства и полноту православной традиции, в своем большинстве отнюдь не впадали в гордость, а считали, что неся свидетельство на Запад, православные христиане и сами могут и должны многому научиться. Такое видение экуменизма имеет корнями основание на мысли А. Хомякова – „учиться у друг друга“⁴³⁸. Подобное описание отношения православных к западным христианам находится в его притче: Учитель уехал, оставив свое учение трем ученикам. Старший прилежно повторял сказанное учителем, ничего не меняя, средний кое-что добавил к учению, младший кое-что убавил. По возвращении учитель ни на кого не разгневался, но сказал среднему и младшему: "Благодарите старшего брата: без него вы не сохранили бы истину, которую я вручил нам". А старшему, он сказал так: "Благодари младших братьев: без них ты не понял бы истины, которую я вверил тебе"⁴³⁹. Епископ Диаклийский Каллист (Уэр) пишет, что если мы,

⁴³⁵ Карташев А. В. Соединение церквей в свете истории / Экуменическая проблема в православном сознании. Сб. ст. – Париж: YMCA-PRESS, 1933. – С 118.

⁴³⁶ Зернов Н. Вселенская Церковь... С. 311.

⁴³⁷ Карташев А. В. Соединение церквей... С 118.

⁴³⁸ Цит. по: Каллист (Уэр), епископ Диаклийский. Православная Церковь. – М., 2001. – С. 337.

⁴³⁹ Цит. по: Там же.

православные хотим исполнить свою миссию свидетельства, то должны лучше понять нашу собственную традицию, чем понимали ее в прошлом и в этом нам может помочь Запад. „Мы должны благодарить наших младших братьев за то, что через соприкосновение с ними обрели способность по-новому увидеть православие“⁴⁴⁰.

Н. М. Зернов в книге „Вселенская Церковь и Русское Православие“ посвящает главу теме: „Чему можем мы научиться и чему научить западных христиан“. В этой главе он пишет, что встречи русских, очутившихся в изгнании, как с другими восточными православными, так и с западными христианами, облегчили им знакомство с новыми для них формами церковной жизни. Русские эмигранты по-разному отнеслись к этой возможности. Одни из них, побывав на богослужениях греков, болгар или сербов, посетив храмы римокатоликов и протестантов и не найдя в них привычной для себя атмосферы русского благочестия, с негодованием отвернулись от них. Эти люди сурово осудили, все то, что было им непонятно или чуждо, они не попытались узнать, чему можно поучиться, и чему они имеют возможность научить других христиан. „Они самоуверенно объявили, что русское Православие выше всех других Церквей. Любя и ценя его обряды и его благочестие, потому что они созвучны их русской природе, они пришли к заключению, что все другие христиане, включая не русских православных, должны заимствовать у них церковное правоверие“⁴⁴¹.

Другие же русские, не находя удовлетворения в своей Церкви, с нетерпимостью присущей типам первой группы, покинули родное Православие, не пытаясь даже лучше его понять, и сделались или римокатоликами или протестантами. Но были и иные русские, для которых встреча с инославными стала поводом для более углубленного и внимательного отношения к русскому Православию и к Церкви вообще. Эта группа русской эмиграции смогла научиться от других христиан и познакомить их с лучшими достоинствами своей

⁴⁴⁰ Каллист (Уэр), епископ Диаклийский. Православная Церковь. – М., 2001. – С. 338.

⁴⁴¹ Зернов Н. Вселенская Церковь... С. 280.

духовной культуры. „Каждая Церковь, с которой пришлось им соприкоснуться, имела нечто новое и ценное в своей жизни, отсутствующее в опыте русского христианства“⁴⁴². Н. М. Зернов перечисляет те качества, которые могут почерпнуть русские православные в культурно-религиозной традиции как других восточно-православных, так и западных христиан.

Так, например, греческое православие сохранило древнее устройство епархий, при котором каждый город имеет своего епископа, близкого потому своей пастве и связанного духовными узами со своим духовенством. Акцентировался тот момент, что русским православным следовало бы обратить внимание на прекрасно организованные миссионерские и просветительные Братства и общества, которые явились другим положительным достижением греческой и иных балканских Церквей. „Двигаясь дальше на Запад, русские встретили более необычные формы церковной жизни, часто восполняющие как раз то, чего не хватало нашей Церкви по отзывам ее архипастырей⁴⁴³ и других ревностных ее членов“⁴⁴⁴. Зернов считал, что, например, римо-католики могут научит разнообразной деятельности их многочисленных монашеских орденов. Одни из них отдают все время на молитву и созерцание, другие руководят школами, третьи помогают больным или нуждающимся, четвертые ведут миссионерскую работу, пятые отдаются ученым трудам. „Русское монашество, одно из самых многочисленных в мире, обладавшее большими духовными и материальными средствами, не приносило всей той пользы Церкви и народу, которая от него ожидалась. На примере римо-католиков мы можем поучиться, как правильнее использовать тех членов Церкви, которые готовы посвятить себя всецело на ее служение“⁴⁴⁵. Положение духовенства на Западе, влияние, которым оно пользуется среди паствы, церковная дисциплина мирян, по мнению Н. М. Зернова, так же заслуживает изучения, а иногда и, подражания.

⁴⁴² Зернов Н. Вселенская Церковь... С. 281.

⁴⁴³ См. пожелания об улучшении в жизни Русской Церкви, высказанные епископами РПЦ в 1906-1907 гг.

⁴⁴⁴ Зернов Н. Вселенская Церковь... С. 281.

⁴⁴⁵ Там же. С. 282.

Касательно англикан Зернов считал, что достоинством их брачного духовенства является то, что „оно вербуется из всех слоев общества, и нередко молодые люди, перед которыми открыто самое заманчивое будущее, выбирают путь приходского священника, мало оплачиваемого, но окруженного уважением своих прихожан“⁴⁴⁶. Он также призывал обратить внимание на высокий и научный авторитет англиканского богословия. „Оно не боится ни критики, ни нападения, и его защита христианской истины опирается не на помощь цензуры и не на угрозы наказаний, а на глубину знания и искренность убеждений его лучших представителей“⁴⁴⁷.

Анализируя протестантов Н. М. Зернов, выражал симпатии горячности их проповеди, особенно в благотворительной и миссионерской работе. Он обращал внимание на их знание Священного Писания⁴⁴⁸.

Таким образом, взаимное обогащение и большой опыт - вот еще одна сторона межхристианского диалога. Отношения между русскими церковными эмигрантами и христианами Германии и Франции во многом носили интеллектуальный характер. В Германии профессор С. Франк, Ф. Степун и архимандрит Иоанн Шаховской часто читали лекции в Берлине, Дрездене и других городах. С протестантами интеллектуальные связи наладились быстрее. С католиками в силу ряда причин устроились отношения по прошествии некоторого времени. В Париже начались они у протоиерея А. Нелидова и продолжились в специально устроенном католиками центре „Истина“. Под Парижем проходили богословские встречи в доминиканском монастыре „Сольшуар“⁴⁴⁹. П. Евдокимов, анализируя движение богословской мысли на западе, приходит к выводу: „Следя с самой живейшей симпатией за эволюцией Западной религиозной мысли, православный богослов невольно испытывает двойственное чувство: единую с Западом ответственность Востока за судьбы христианства в мире, за судьбы самого мира и, в ней, взаимное обогащение

⁴⁴⁶Зернов Н. Вселенская Церковь... С. 282.

⁴⁴⁷ Там же.

⁴⁴⁸ Там же. С. 283.

⁴⁴⁹ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия... С. 222.

опытом и знанием и, одновременно, глубокое чувство необходимости творчески ответить на все запросы современной жизни исходя из глубин Предания, из сердца Православной Правды⁴⁵⁰.

Владыка Каллист (Уэр) утверждает, что как только обе стороны начали узнавать друг друга, каждой нужно многому учиться. Как в прошлом разрыв между Востоком и Западом оказался трагедией для обеих сторон и причиной их взаимного обеднения, так возобновление контактов между Востоком и Западом служит уже источником взаимного обогащения. „Запад, с его высоким критическим стандартом, с его библейскими и патристическими штудиями, может помочь православию по-новому понять историческую основу Писания и читать отцов со все возрастающей точностью и тщательностью“⁴⁵¹. Владыка Каллист (Уэр) считает, что западные христиане благодаря знакомству с православными иконами, Иисусовой молитвой и византийской литургией почувствовали, на сколько, глубже стала их молитва и богослужение⁴⁵². „Российские философы-эмигранты называли утрату людьми христианской религиозности опасной болезнью XX века и предупреждали об опасности, угрожающей миру безверия - утверждает светская исследовательница В. О. Колосова в статье „Мысли о вере пассажиров философского корабля“⁴⁵³. В ходе живого общения западные христиане начали осознавать значение православного опыта. Русская церковная эмиграция предвзоветила будущие изменения на Западе – всеобщее охлаждение к религии. Гонение на Церковь в России, многие стали воспринимать как предостережение для других. Гонимая Русская Церковь служила Западу напоминанием о центральном значении мученичества и исповедничества. Владыка Каллист утверждал, что опыт Запада может помочь православным в борьбе с секуляризацией⁴⁵⁴.

⁴⁵⁰ Евдокимов П. Движение богословской мысли на Западе / Архив Свято-Сергиевского Богословского Института. – Париж, б. д. – С. 71.

⁴⁵¹ Каллист (Уэр), епископ Диоклийский. Православная Церковь. – М., 2001. – С. 338.

⁴⁵² Там же. С. 338–339.

⁴⁵³ Колосова В. О. Мысли о вере пассажиров философского корабля / Русская эмиграция в Европе (20-е – 30-е годы XX века). – М.: ИВИ РАН, 1996. – С. 116.

⁴⁵⁴ Каллист (Уэр), епископ Диоклийский. Православная Церковь. – М., 2001. – С. 338–339.

Таким образом, Православная Церковь помогла западным христианам прикоснуться к первохристианской апостольской традиции, глубже почувствовать богослужение и молитву. Православные показали протестантам опыт молитвенного общения со святыми. Интересен пример кроткого обращения митрополита Евлогия (Георгиевского) к протестантам на Эдинбургской Конференции: „Я не смею никого учить, не веду никакой пропаганды, - я пытаюсь вам объяснить наш православный духовный опыт, раскрыть вам, как нам бесконечно дорого это общение со святыми и прежде всего с Матерью Божией“⁴⁵⁵.

В свою очередь западные христиане показали православным пример организационной работы в социальной и педагогической сферах. Н. М. Зернов считал, что недостающие православию свойства, оно может восполнить общением с Западом, который нуждается в качествах, дарованных Русской Церкви⁴⁵⁶. Зернов свидетельствует, что многие русские богословы и религиозные мыслители подчеркивали достижения православия, радовались успехам Запада, видя в них достояние всей Церкви, что являлось проявлением любви, которая является основание православного миссионерства⁴⁵⁷.

По примеру католических храмов настоятельно рекомендовалось открывать хотя бы на несколько часов православные храмы, с одной стороны для того что бы верующие могли помолиться с другой – и для ознакомления „иностранцев“, иногда посещающих православные храмы⁴⁵⁸. Священник Н. Езерский, затрагивая задачи и проблемы церковно-приходской жизни, в „Церковном Вестнике Западно-Европейской Епархии“ пишет, что на церковном приходе недостаточно шаблонной благотворительности, нужна организационная работа, „то что в Европе называют теперь – выполнение социальной роли Церкви... Методы этой социальной работы уже достаточно выработаны на Западе и в

⁴⁵⁵ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни... С. 591.

⁴⁵⁶ Зернов Н. Вселенская Церковь... С. 284.

⁴⁵⁷ Там же. С. 265.

⁴⁵⁸ Протокол заседаний благочиннического съезда... С.18.

Америке...⁴⁵⁹. Священник Александр Ельчанинов в книге „Записи“ беседуя, о православии и католичестве с юношей пишет: „Для начала хочу сказать, что, несмотря на все различия с нашей Православной Церковью, в Католической Церкви были великие святые, и есть настоящая вера в служителях Церкви, и в отдельных людях. Мы же, несмотря на полноту Истины, которою обладает наша Православная Церковь, во многом недостойны Ее и должны учиться у тех же католиков – их церковной и педагогической работе хотя бы“⁴⁶⁰.

Митрополит Евлогий (Георгиевский) в своих воспоминаниях, как бы, подводя итог той трудам православного свидетельства под его началом, так оценил сношения русских эмигрантов с инославными и участие их в экуменическом движении: „В этом взаимообщении мы хорошо узнали и полюбили друг друга, научились вместе молиться. Я считаю это важным достижением в деле сближения наших Церквей. Таял лед того взаимного непонимания, которое ведет к взаимному отчуждению, разрушались перегородки, укреплялись братские чувства во Христе – в этом несомненно большое значение, великая заслуга Экуменического Движения, и за это слава Богу, а будущее в руках Божиих“⁴⁶¹. Русское зарубежье не представляло собой особой независимой единицы, поэтому не могло участвовать в экуменическом движении от имени всей Русской Православной Церкви. Участие русской церковной эмиграции в движении по единению христиан выражалось в работе отдельных православных богословов, мыслителей, религиозных деятелей и наиболее активных мирян. Благословлял это своеобразное свидетельство о православии митрополит Евлогий (Георгиевский). Наиболее активными постоянными участниками были протоиерей С. Булгаков, протоиерей С. Флоровский, епископ Кассиан (Безобразов), Н. А. Арсеньев, Л. А. Зандер, монахиня Мария Скобцова, П. Н. Евдокимов, профессор Л. Карсавин, А. Князев, профессор В. Лосский, архимандрит Киприан Керн, протоиерей И. Мейендорф,

⁴⁵⁹ Езерский Н., иерей. Приходская работа, ее задачи и затруднения // Церковный Вестник Западно-Европейской Епархии. – 1932. – №9, сентябрь. – С. 14–15.

⁴⁶⁰ Александр Ельчанинов, священник. Записи... С. 224.

⁴⁶¹ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни... С. 602.

протоиерей А. Шмеман, архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской), митрополит А. Сурожский (Блум) и другие⁴⁶². Таким образом, многие выдающиеся богословы и мыслители русской православной диаспоры на Западе были подлинными отцами и учителями православного экуменизма в правильном его понимании.

В отношениях с протестантами сыграли большую роль личные отношения Л. А. Зандера и П. Н. Евдокимова. С англиканами больше сотрудничал Н. М. Зернов. С католическим миром начались серьезные отношения в эмиграции благодаря Н. С. Арсеньеву, П. Е. Ковалевскому. Н. С. Арсеньев побывал на аудиенции у папы Иоанна XXIII⁴⁶³, а П. Е. Ковалевский принимал близкое участие в объединениях профессоров-христиан, посещал регулярно с лекциями о православии католические монастыри⁴⁶⁴.

Исходя из всех фактов, свидетельств и мнений становится очевидным, что участие церковных деятелей, религиозных мыслителей и богословов русской эмиграции в экуменическом движении, в межхристианских встречах и молитвах „о единении всех“ было обусловлено желанием приобщить западных христиан к православной, апостольской традиции основанной на Священном Писании и Священном Предании. Межхристианские контакты, встречи и визиты смело и широко освещались на страницах периодических изданий. Из многочисленных статей видно, что межхристианский диалог понимался как некое достижение. В свидетельстве о православной традиции заключалась внешняя миссия русской эмиграции.

3.3. Лекции и беседы о Православной Церкви, выступления хоров, с объяснением православного богослужения и выставки икон

В деле православного свидетельства русской эмиграции особое место занимает деятельность хора Свято-Сергиевского Богословского Института,

⁴⁶² Ковалевский П. Е.. Зарубежная Россия... С. 221.

⁴⁶³ См.: Арсеньев Н. Единый поток жизни. (К проблеме единства христиан). – Брюссель, 1973. – С. 249.

⁴⁶⁴ Ковалевский П. Е.. Зарубежная Россия... С. 218.

который совершил ряд миссионерских поездок с концертами по городам и деревням западноевропейских государств.

Официальной целью концертов были сборы средств для Свято-Сергиевского Богословского Института в Париже, но на деле оказалось, что «эти поездки составили одну из самых замечательных глав не только истории Института, но также истории русского православного дела на Западе»⁴⁶⁵.

Важную часть занимали не только сами песнопения, но и комментарии к ним, подготовленные и осуществляемые Л. А. Зандером, человеком исключительной образованности, глубоко сведущим в русской религиозной мысли и при этом, владевшим в совершенстве несколькими европейскими языками. Он комментировал песнопения, раскрывал их смысл, говорил о значении богослужения в жизни православного христианина, знакомил слушателей с православным богословием⁴⁶⁶.

Как точно заметил митрополит Евлогий, «Господь благословил из малого и чисто экономического предприятия сотворить большое миссионерское дело»⁴⁶⁷.

Первым шагом в миссионерской деятельности, связанной с хором, были лекции Льва Александровича Зандера о Православии в Швейцарии, чтобы попытаться привлечь внимание к Русской Православной Церкви. В организации лекций со швейцарской стороны помогал доктор А. Кохлин. Не смотря на скептическое отношение А. Кохлина к этой идее, лекции оказались успешными. Первая была дана в Базеле, где собрались в основном студенты и преподаватели университета, и была принята хорошо. Затем – лекция в Берне (помогал доктор Кюри), где собралась большая аудитория простых протестантов. Запланированная лекция встретила бы непонимание, поэтому Зандер говорил просто о том, что есть Православие. Для швейцарцев-протестантов это было не просто знакомство с новой культурой, но во многом с христианством, которое они узнали по-другому. «Общее пение протестанского гимна «стой крепко, стой

⁴⁶⁵ Зандер Л. А. Песнь Господня. – Париж: Лев, 1981. – С. 3.

⁴⁶⁶ Свято-Сергиевское Подворье в Париже. К 75-летию со дня основания. Сб. ст. / Ред. Савкин И. А. – СПб.: Алетей, 1999. – С. 120.

⁴⁶⁷ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни... С. 602.

крепко, Божий народ» и сбор пожертвований при выходе показал воочию, что вопреки ожиданиям, среди протестантов Швейцарии можно найти интерес и симпатию и помощь Православной работе», - вспоминал Л. А. Зандер⁴⁶⁸.

Доклад о Православии в небольшом местечке Бейнвил, где церковь была полна, показал возможность миссионерской работы не только в городах, но и в деревне.

Во время второй поездки Л. А. Зандера по городам и местечкам восточной Швейцарии в феврале 1933 года результаты были те же: полные церкви, напряженное внимание, удовлетворительные денежные сборы.

Случалось поразительное проникновение проблемами православных христиан и молитвой за них. Так в селе Галлен местный пастор предложил Л. А. Зандеру произнести проповедь во время службы. Темой были избраны слова апостола Петра «будьте готовы дать ответ о вашем уповании» (I Петра, 3, 15). Зандер говорил о гонениях и о исповедании веры, потом перешел к рассказу о жизни и подвиге православных в Советской России. Пастор Роттах закончил службу «проникновенной молитвой о русской Церкви, о всех страдальцах за веру, о всех труждающихся на ниве церковной»⁴⁶⁹. Затем пастор предложил заменить его на уроке катехизации в школе, где Зандер рассказывал детям о Страстной Седмице и праздновании Пасхи.

Однако необходимо было избрать такую форму работы с людьми, ничего или мало знающими о православии, которая позволяла бы показать полноту и красоту, глубину и чистоту русской веры. Тогда появилась идея о создании небольшого хора, который в миссионерских целях исполнял бы песнопения для инославных, но не в форме концертов, а в молитвенном порядке.

Для того, чтобы мероприятие получило достаточное общественное основание, по настоянию Л. А. Зандера весной 1933 года был сформирован специальный комитет, в который вошли 19 пасторов и профессоров, живших в разных городах Швейцарии. Официальное название комитета – «Швейцарский

⁴⁶⁸ Зандер Л. А. Песнь Господня... С. 12.

⁴⁶⁹ Там же. С. 15.

комитет для помощи русской Церкви в эмиграции и ее юношеской работе». Председателем его был избран доктор Кохлинг, секретарем – м-ль Прейсверк⁴⁷⁰.

В Париже проект поддержали владыка митрополит Евлогий и правление богословского института, секретариат РСХД. Организацией хора занялся Иван Кузьмич Денисов, который имел опыт организации духовных концертов с комментариями в Петербурге в 1919 году. Он выбрал преимущественно древние распевы, простые и молитвенные. В содержании программы было решено показать разные моменты православного богослужения. Первая часть была посвящена всенощному бдению, вторая – Великому Посту, третья – Пасхе и Литургии. Между этими тремя частями были небольшие (5-6 минут) перерывы, в которых давались объяснения песнопениям⁴⁷¹. Данные объяснения касались символического и духовного содержания, которое придает этим песнопениям Православная Церковь, а у слушателей имелись программы с полным переводом текста.

В состав хора входили студенты Свято-Сергиевского Богословского Института, причем, когда кто-то из них заканчивал Институт, их заменяли в хоре другие студенты. Со временем были внесены и некоторые изменения в программу хора.

Значение такой миссионерской деятельности хора больше, чем просто знакомство инославных с духовной культурой русских, это молитвенная традиция, которую хор передавал слушателям. Как правило, после исполнения песнопений пастор предлагал своим слушателям молча встать и присоединиться к исполняемому хором пению молитвы «Отче наш». Это был момент общей молитвы, после которой слушатели в молчании покидали церковь⁴⁷².

Поездки хора начались 2 мая 1933 года в Швейцарии. Первый город, в котором исполнялись песнопения, был Базель. Об успехе дела свидетельствуют отзывы местных газет, в которых уже на следующий день появились очень

⁴⁷⁰ Свято-Сергиевское Подворье в Париже... С. 120.

⁴⁷¹ Зандер Л. А. Песнь Господня... С. 18.

⁴⁷² Там же. С. 20.

подробные и благожелательные рецензии. Об общей оценке концерта можно судить по таким цитатам, как «это было таким переживанием, по сравнению с которым блекнут все красоты светского искусства»⁴⁷³. Было ясно, что присутствовавшие услышали голос Церкви, ощутили ее благодать.

Такие положительные отзывы еще больше привлекли внимание жителей Базеля, и уже второй концерт собрал около 2000 слушателей, которые заполнили весь местный собор св. Петра. Успех был полный. Газеты писали о «несравненной пении этой маленькой группы русских студентов-богословов», о «безукоризненной чистоте и прозрачной мягкости тона, о внутренней дисциплине и тонком чувстве такта...»⁴⁷⁴.

Сам Л. А. Зандер признавал, что «общий духовный смысл этих «церковных торжеств» заключается в духовном переживании самих слушателей, которое создавало тот дух напряженной духовности и взаимной близости, который можно охарактеризовать как подлинную соборность»⁴⁷⁵.

Хор выступал также в Цюрихе и еще двенадцати городах и местечках, в которых успех был не меньший.

В 1934 году была совершена поездка в Англию. Там хор оказался в иной обстановке: основными слушателями были представители высшего духовенства, епископы, деканы, архидиаконы, которые в англиканской церкви являются ближайшими помощниками епархиальных епископов по административной части и находятся в сане пастора. Каждый концерт проходил в торжественной обстановке, чему способствовали и древние соборы, и процессии англиканских священников, как перед началом службы, и форма сбора пожертвований.

Первый концерт состоялся 4 мая 1934 года в древнем городе Фолкстоне. На следующий день местные газеты также написали восторженные отзывы, которые д-р Татлоу (организатор с английской стороны) переслал во все города,

⁴⁷³ Зандер Л. А. Песнь Господня... С. 22.

⁴⁷⁴ Там же. С. 23.

⁴⁷⁵ Там же. С. 22.

где были запланированы концерты, тем самым подготовив благоприятную почву для будущих выступлений.

Концерты были даны в Кентерберийском соборе, в Лондоне, Линкольне, Йорке и других городах на севере, западе Англии. По особому впечатлила хористов обстановка в Йорке. «Там не было ни торжественных процессий, ни хора мальчиков, ни многочисленного духовенства в мантиях. В полумраке собора перед алтарем горели только две лампы. Слово, сказанное д-ром Бэтом, было проникнуто глубоким благоговением и любовью к Православию, к русской Церкви, к церковной работе эмиграции»⁴⁷⁶.

После возвращения в Лондон хор спел на английском радио Би-би-си.

Во время второй поездки по Швейцарии в 1934 году концерты в основном проводились в местечках и деревнях. До этого зимой Л. А. Зандер сам встретился со всеми пасторами приходов будущих поездок, провел беседы и убедил их в надобности такого дела. Временами это удавалось нелегко, потому что протестанты имели предубеждения по отношению к православным. Однако Лев Александрович своими убеждениями сумел не только преодолеть негативное отношение, но и расположить к Православию швейцарцев. В свою очередь во время поездок хора пасторы сумели привлечь местную сельскую интеллигенцию к участию в концертах.

Заслуга Л. А. Зандера проявляется не только в том, что он подготавливал духовные концерты, но в его постоянной миссионерской работе: при каждом удобном случае, для любой аудитории он читал лекции о разных сторонах Православия, о православных людях, в том числе и известных на Западе (например, Ф. М. Достоевский), писал статьи в местные газеты, таким образом раскрывая неизвестное для протестантов-швейцарцев Православие.

8 июня 1934 года по бернской радиостанции передавался концерт русского хора, что значительно расширило аудиторию слушателей.

⁴⁷⁶ Зандер Л. А. Песнь Господня... С. 32.

Концерт русского хора также был включен в серию ежегодных духовных концертов, устраиваемых органистом бернского собора профессором Графом, и пасторы местных церквей приглашали с кафедр своих прихожан посетить концерт. Поэтому последний концерт в Берне имел огромный успех⁴⁷⁷.

Кроме такой успешной концертной деятельности хор привлекал внимание протестантов своей глубинной молитвенностью песнопений. В сравнении с сухим протестанским богослужением, православное воспринималось торжественно и проникновенно. Поэтому часто русских хористов просили принять участие в протестанском богослужении пением нескольких псалмов и молитв. Швейцарцы увидели не только внешнюю красоту Православия, но прочувствовали ее внутреннюю глубину.

О том, насколько успешно в духовном отношении проходили концерты свидетельствуют слова швейцарского протестанского пастора Альфонса Кохлина: «Вы внесли в наши души нечто небесное и дали нам почувствовать сладостную тоску по нашем небесном отечестве»⁴⁷⁸.

После этой поездки хора в Швейцарию Швейцарский комитет помощи русским православным прислал Высокопреосвященнейшему митрополиту Евлогию благодарственное письмо, в котором были следующие строки: «Совершилась духовная встреча, в которой действовал Святой Дух в Его объединяющей силе. Мы обязаны вам глубокою благодарностью за то, что таким образом Церковь Ваша пришла к нам, беседовала с нами и нас внутренне одарила»⁴⁷⁹.

В 1935 году была совершена вторая поездка в Англию, хор смог объехать почти всю страну, спели в Шотландии, в Кембриджском университете, несколько концертов дали в Лондоне. Всего за время этой поездки хор дал 39 концертов. В местных газетах появлялись не только рецензии и отзывы о концертах духовных песнопений православных, но и информация о положении

⁴⁷⁷ Зандер Л. А. Песнь Господня...С. 36.

⁴⁷⁸ Там же. С. 4.

⁴⁷⁹ О поездках в Швейцарию хора Богословского Института в Париже // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. – 1934. – № 8, август. – С. 19.

Церкви в Советском Союзе, призывы молиться и помогать изнемогающей Русской Церкви.

После многочисленных концертов по всей Англии 8 июня 1935 года хор был приглашен в Ламбетский дворец к архиепископу Кентерберийскому. Там после чая была исполнена вся программа, а Л. А. Зандер рассказал о путешествии хора. Лев Александрович вспоминал: «Архиепископ с большой теплотой охарактеризовал православные песнопения, как нечто большее, чем выражение личных переживаний. «Можно сказать, - говорил он, - что в них живет душа вашей Церкви, вся ее молитвенность, все ее благочестие... Слушая вас, опытно переживаешь неизмеримое богатство Православия. Мы чрезвычайно ценим, что благодаря вашим путешествиям, это духовное наслаждение было доступно широкой массе англикан, этим вы оказали большую услугу делу сближения наших церквей и, за это мы вам сердечно благодарны»⁴⁸⁰.

В этот же день состоялся еще один радиоконцерт, на следующий день – последний концерт в соединении с торжественной англиканской вечерней. Затем – снова визит к великой княгине Ксении Александровне.

С 18 по 25 июня 1935 года хор совершил третью поездку по Швейцарии. В Цюрихе хор участвовал в воскресном богослужении церкви французского прихода. После проповеди пастора Бувье, посвященной Православию, хор исполнил несколько песнопений, ответом на которое последовало громкое пение прихожан. «Впечатление от этого богослужения было сильное: местные люди говорили, что никогда они не слышали в пении своих прихожан такого подъема и вдохновения. Видимо, православные молитвы захватили протестантов своим порывом и усилили их собственную молитву»⁴⁸¹.

Объясняя необходимость миссии через песнопения, Л. А. Зандер подчеркивал, что «в настоящее время мы переживаем период мирового безбожия, неслыханных доселе гонений на веру, и вместе с тем видим, особенно

⁴⁸⁰ Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. – Париж, 1991. – С. 282.

⁴⁸¹ Зандер Л. А. Песнь Господня... С. 50.

среди молодежи, как в душах просыпается жажда единства и взаимного сближения христиан. В той «Песне Господней», которую мы приносим западному миру, слышатся голоса не только наших отцов, живших до нас за полторы с лишним тысячи лет, но и в некоторых нами петых псалмах, и голоса ваших (протестанских) учителей»⁴⁸².

Осенью 1935 года состоялась поездка хора в Голландию, которая требовала долгой и серьезной подготовки в силу культурно-исторических и религиозных особенностей этой страны. Еще в 1932 году Л. А. Зандер прочитал там ряд лекций о религиозных воззрениях Ф. М. Достоевского, творчество которого было известно голландцам, о догматической стороне почитания Богородицы, икон, святых. Ответственность за организацию поездки с голландской стороны взяло на себя Голландское Христианское Студенческое Движение.

Выступления хора проходили по той же программе, а речь Л. А. Зандера была переведена на голландский язык и приложена к программе, чтобы с нею могли заранее ознакомиться пасторы, которые после этого очень ярко говорили о Православной Церкви, о ее богослужении, о просветительской работе, призывали слушателей к помощи русской церкви. В газетах появились статьи о Богословском Институте, о РСХД, о Русской Церкви, а также фотографии хора. Успех хора газеты называли «триумфальным шествием»⁴⁸³.

Во время поездки хор также пел на католической литургии в Утрехте. Успех концерта в соборе Амстердама был такой великий, что организаторы попросили в конце поездки по Голландии дать еще один концерт в этом же соборе. В Роттердаме на концерте присутствовал даже министр народного просвещения профессор Слотемакер де Брюин. Успех концерта в Гронингене начал принимать такие формы, что публика, не смотря на сторожей, закрывавших двери, ломилась в них силой. А на следующий день в Утрехте

⁴⁸² Зандер Л. А. Песнь Господня... С. 50.

⁴⁸³ Там же. С. 56.

хористы пробирались к собору через густую толпу. По просьбам некоторых городов концерты в них повторились⁴⁸⁴.

Осенью 1936 года состоялась третья большая поездка хора в Англию: за 36 дней был дан 31 концерт. После этого была небольшая поездка по французской Швейцарии, в том числе концерт в Женеве.

В 1937 году состоялась еще одна, столь же успешная, поездка в Голландию, в которой хор вместо Л. А. Зандера сопровождал Владимир Васильевич Вейдле.

Особое значение для миссионерской деятельности хора имел концерт в Оксфорде для Всемирного съезда практического христианства, где собрались «представители всего христианского мира, всех церквей, исповеданий, наций, континентов и языков»⁴⁸⁵. Православная Церковь участвовала в съезде в лице представителей Патриархов: Константинопольского, Александрийского, Антиохийского и церквей – Элладской, Сербской, Болгарской, Румынской, Польской, Североамериканской и Русской в рассеянии. Среди них было 8 епископов. Значение концерта перед таким представительным собранием было огромно. Храм, где проходил концерт, был переполнен. В первом перерыве слово сказал протоиерей Сергей Булгаков о Православии «как любви и умной красоте»⁴⁸⁶. Во втором перерыве слово говорил Л. А. Зандер. «Хор пел с исключительным вдохновением и сказать просто, что он имел успех, - недостаточно. Это было подлинное торжество, явление молитвенной красоты Православия перед лицом инославного мира. Многие говорили, что это пение было для них наиболее сильным религиозным переживанием за все время съезда»⁴⁸⁷.

Весной 1938 года состоялась четвертая поездка хора в Англию, а в конце того же года – в Скандинавские страны, которая также требовала длительной и серьезной подготовки. Заранее были сделаны переводы текстов песнопений с приложением сведений о русской Церкви, о Православном богослужении, о

⁴⁸⁴ Зандер Л. А. Песнь Господня...С. 61.

⁴⁸⁵ Там же. С. 63.

⁴⁸⁶ Там же. С. 64.

⁴⁸⁷ Там же. С. 64.

церковной работе в эмиграции, а также статья Л. А. Зандера «Небо и земля» на шведский, датский и норвежский языки. В эту поездку впервые с хором отправился священник – игумен Афанасий (Петров). Данная поездка проходила в особых условиях: в Париже шла подготовка к войне с Германией, и в тревоге оставив свои семьи хористы и сопровождавшие отправились в Скандинавские страны с чувством особой необходимости данной миссии.

В Копенгагене отслужили православную литургию в храме императрицы Марии Федоровны, которая была родом из этого города. Для привлечения внимания к концертам была организована встреча с журналистами местных газет, которые задавали вопросы о жизни русской Церкви, о деятельности Богословского Института, о жизни самих хористов⁴⁸⁸.

После концерта в Копенгагене была организована встреча хора с копенгагенским епископом доктором Фуглзанг-Дамгаардом, который оценил свидетельство хора следующим образом: «Вы «впели» в души наших прихожан православное благочестие, вы ввели нас в понимание самого дорогого, чем вы обладаете – вашей литургической молитвы и этим заставили нас полюбить вашу Церковь»⁴⁸⁹.

Шведы характеризовали приезд русских хористов следующим образом: «До сих пор мы знали русских только как врагов, впервые они пришли к нам как братья»⁴⁹⁰. Л. А. Зандер вспоминал: «Религиозные впечатления от поездки не ограничивались теми 15-20 тысячами шведских христиан, которые побывали на наших концертах. Доклады и лекции, пасторские речи, радио, личные знакомства, наконец, 40 газетных статей, из которых многие не ограничились музыкальной критикой, но рассказывали о Православии и судьбе Русской Церкви, о религиозной работе эмиграции – это все должно было расположить к нашему делу многие сердца и вселить в них любовь к нашей Церкви»⁴⁹¹.

⁴⁸⁸ Зандер Л. А. Песнь Господня... С. 71.

⁴⁸⁹ Там же. С. 71.

⁴⁹⁰ Там же. С. 77.

⁴⁹¹ Там же. С. 78.

Эта уверенность подтвердилась немного позже – во время советско-финской войны, в которой Швеция помогала соседнему Финскому государству. Тем не менее, после статьи модмуазель Гунвор Салин с призывом о материальной помощи работе Богословского Института, была получена большая поддержка – как материальная, так и моральная, выразившаяся в письмах с посылками. В одном из писем было написано: «Мне 90 лет, и я не могу ни ходить ни стоять, но я хочу принять посильное участие в вашем деле»⁴⁹².

В Стокгольме состоялось 2 концерта, несколько в близлежащих городках, лекция для местного отделения Шведского Христианского Студенческого Движения, радиоконцерт, а также хор пел в стокгольмской русской церкви за литургией.

После первого духовного концерта в Стокгольме в местных газетах появились следующие слова: „Кто бы мог предположить, что отзвук события, воспетого в псалме 136 «На реках Вавилонских», мы услышим в наши дни? Русские певцы-изгнанники, пришедшие в наш храм, поют песнь Господню – на чужой земле и вносят в нее горячее чувство своего народного духа, не оставляющего никого равнодушным. Хор, который мы слышали вчера поднимает эту песнь в высший, особый план“⁴⁹³.

Кроме заграничных поездок хор давал концерты и во Франции. Наладить отношения с католиками было очень сложно, поэтому чаще миссионерская деятельность хора касалась протестантов, которых во Франции немного. Однако тур весной 1939 года по протестанским приходам Франции оказался успешным: храмы, в которых проходили концерты были полны, французы узнали православие по-новому.

Митрополит Евлогий, комментируя миссионерскую деятельность хора, подчеркивал, что успех в том, что «в православном богослужении христиане узнают голос древней неразделенной Церкви, потому что это пение уносит их к тому времени, когда в христианстве не было исповеданий и разделений, но была

⁴⁹² Зандер Л. А. Песнь Господня...С. 79.

⁴⁹³ Там же. С. 80.

Единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь, когда братство христиан было не искомым идеалом, но полным и явным общением Единой Чаши». Именно в этом митрополит и видел смысл и ценность экуменической и миссионерской работы хора. „Вспоминается наше братство во Христе, увы, давно забытое“⁴⁹⁴.

Не менее значимым православным свидетельством на Западе была организация выставок икон с целью ознакомления православных и западных христиан с древне-русской иконописью, с богословием иконы.

После революции в России не только возрождение, но и сохранение икон было проблематично, поэтому именно на Западе создавались новые центры и школы иконописания. Эти процессы проявления особого интереса к древним образам, возвращение к древней традиции иконописания и богословское осмысление иконопочитания, иконописи имеют важное значение в деле православного свидетельства. „Бога мы познаем в слове и в образе, и Церковь исповедует свою веру, как словом, так и образом. Эта форма исповедания сохранилась в Православной Церкви, как сохранилась в ней вера первых веков, вселенских Соборов и святых Отцов“⁴⁹⁵. Икона, образ - это неотделимая часть православной веры, она объединяет в себе Священное Писание и Священное Придание.

Л. А. Успенский в своем труде „На путях к единству“ объясняет миссию иконы в современном мире, ее значение в деле возвращения западных христиан к древней традиции. В ряде статей „Вестника Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата“ он пишет об иконе как свидетельстве, которое все глубже проникает в мир и являет в нем Церковь⁴⁹⁶.

Он утверждает, что там, где исповедание веры нарушено, искажен и церковный строй, искажено и понятие образа, и сам образ. Именно в образе наиболее убедительно выражается не только истина, но всякое ее искажение,

⁴⁹⁴ Зандер Л. А. Песнь Господня...С. 6.

⁴⁹⁵ Успенский Л. На путях к единству. – Париж: YMCA-PRESS, 1987. – С. 36.

⁴⁹⁶ Успенский Л. О Православной иконе // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. – 1950. – №2-3. – С. 43.

потому что оно наглядно показывается. „Слова могут быть одни и те же, но именно образ есть наиболее яркое обличение всех искажений и отступлений от святоотеческого Предания. И именно в образе выступает со всей наглядной убедительностью расхождение между учением и духовной жизнью православия и западных исповеданий“⁴⁹⁷. По мнению Успенского, Образ относится не только к области церковного искусства, но и есть вопрос веры. Икона является одним из самых выразительных свидетельств, именно она несет свидетельство о восстановленной полноте откровения, о единстве слова и образа, явленном в Личности Иисуса Христа; именно она показывает „единство веры, жизни и творчества“⁴⁹⁸, распавшихся не только в западных исповеданиях, отпавших от Церкви, но часто и в самом православии⁴⁹⁹.

Икона несла в себе миссию не только западным христианам, отошедшим от древней апостольской традиции, но и свидетельствовала внутри эмиграции о красоте и духовной высоте Православия. Л. Успенский свидетельствует, что процесс освобождение от западного инославного богословия и одновременно более глубокое осознание богословия святоотеческого в области церковного искусства более интенсивно происходит на стыке Православия с западными исповеданиями. Причина этого заключается в том, что именно здесь более ярко иконы выявляется как видимое выражение Православия⁵⁰⁰.

Так как икона принадлежит древней Церкви, то это значит, что она несет и веру этой Церкви, то есть как раз то, что нарушено Западом.

Римо-католичество пошло по облегченному пути, определившему все дальнейшее развитие религиозного искусства на Западе. Еще в период иконоборчества понимание Церковью христианского образа и отношение к нему были одними и теми же и на Западе, и на Востоке. После совместной формулировки ороса Седьмого Вселенского Собора (икона "соответствует

⁴⁹⁷ Успенский Л. На путях к единству... С. 35.

⁴⁹⁸ Там же. С. 35

⁴⁹⁹ Там же. С. 35-36.

⁵⁰⁰ Успенский Л. С. По поводу одной из тем будущего предсобора // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. – 1965. – №49, январь-март. – С. 63.

евангельской проповеди", образ "служит к уверению истинного, а не воображаемого воплощения Бога Слова") на Западе постепенно возникает вопрос "изобразимости Бога". С XIII века среди западных богословов периодически возникают споры, изобразим ли Бог, или нет? Изобразима ли Святая Троица, или нет? И если да, то как? В результате односторонности случилось, что образ воплощения потерял свое решающее значение и включился в общую перспективу различных Богоявлений. После иконоборчества исторические обстоятельства и вероучные нововведения в исповедании Святого Духа, неизвестные Седьмому Собору и чуждые православному учению об образе, явились той предпосылкой, на которой оформилось римокатолическое отношение к иконе и к церковному искусству вообще. В христианстве оказалось два искусства. Одно и то же откровение стало восприниматься настолько по-разному, что художественные его выражения оказались даже противоречивыми⁵⁰¹.

Протестантство через то, что отказалось от религиозного искусства XVI-XVII веков, воскрешавшего античную двусмысленность и культ плоти ренессанса, отказалось вообще от образа, усвоив позицию иконоборчества⁵⁰².

Л. Успенский утверждает, что таким образом в западные исповедания внедрилось учение, не выражающее тех догматических предпосылок, которые явились ключевыми для определения Седьмого Вселенского Собора об образе. Это учение и послужило причиной того, что для Запада, со времен иконоборчества, изображение Бога оказалось "второстепенным", "не касающимся ни одного основного пункта веры"; оно — "чисто дисциплинарное". Здесь вступают в действие иные принципы искусства, иное его восприятие, иное отношение к его содержанию и роли⁵⁰³.

В результате пути искусства, предначертанные Седьмым Вселенским Собором, его богословие, оказались закрытыми для Запада. В Православии и в

⁵⁰¹ Успенский Л. На путях к единству... С. 7.

⁵⁰² Там же.

⁵⁰³ Там же. С. 9.

частности в русской его части не только сохранилось „богословие в красках“, но и на протяжении многих столетий оно развивалась. Л. Успенский приводит пример, который свидетельствует о том, что Запад не знаком с этой уникальным богатством Православия. Так, современный богослов римо-католик F. D. Voespflug в книге "Бог в искусстве" приходит к выводу, несколько неожиданному для православных "Различные христианские конфессии стоят перед еще небывалой задачей": поскольку перспектива без'иконного христианства представляется "антропологической бессмыслицей" и "догматическим банкротством", "религиозный "статут" образа нужно заново выдумать". „Последнее слово особенно неожиданно“ – считает Л. Успенский, - „Ведь "статут" образа, то есть его место и значение в Церкви, уже явлен ее соборным сознанием как догмат. И не стоят ли "различные христианские конфессии" перед задачей совсем не "небывалой" и не новой — этот догмат осмыслить и на деле исповедовать?“⁵⁰⁴.

Русская эмиграция дала возможность многим западным христианам, богословам, так и мирянам познакомиться с древней русской иконой, иконописью и богословием иконы. „Когда православие приобрело широкую известность, то оказалось, что свидетельством его и его показанием является не заимствованное религиозное искусство, а именно его собственная православная икона“⁵⁰⁵. Икона вновь вернулась в дома многих западных христиан. „Принять икону, значит принять все то, что она в себе несет, о чем свидетельствует, то есть войти в истинное единство Церкви“⁵⁰⁶.

Особое место в деле сохранения и изучения русской иконописи занимало „Общество Икона“. Оно было создано в 1925 году по благословению митрополита Евлогия. Главной целью общества была охрана и изучение древней иконы и искусства Восточной церкви⁵⁰⁷. Таким служением Общество

⁵⁰⁴ Успенский Л. На путях к единству...С. 41.

⁵⁰⁵ Там же. С. 6.

⁵⁰⁶ Там же. С. 36.

⁵⁰⁷ Шнейдер И.В. Общество Икона // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. – 1931. – № 1. – С. 30.

предполагало способствовать распространению среди эмигрантов точных копий древних икон.

Наиболее активными учредителями Общества были братья Владимир Павлович и Степан Павлович Рябушинские, которые лишившись своих замечательных коллекций древнерусских икон, стремились пробудить в эмиграции и среди инославных желание изучать это искусство и любовь к нему⁵⁰⁸.

Общество объединяло молодых иконописцев, живших на Западе, руководило их работой, снабжало копиями древних икон, материалами по иконописи, способствовало обмену икон⁵⁰⁹. Также Общество устраивало публичные доклады о древней иконописи, иллюстрируя их световыми картинками-снимками с лучших икон. С миссионерской точки зрения именно эти доклады имели большую важность, так как их посещали не только православные, но и инославные. Кроме того, ежегодно Общество организовывало выставки православных икон, которые вызывали большой интерес у европейцев. Кроме успешной деятельности в Париже Общество устраивало доклады и в провинциальных городах, чтобы познакомить как единоверцев, так и инославных с древней иконописью.

Необходимо отметить, что члены Общества, архитекторы и иконописцы, объединяли свои усилия для создания памятников русского зодчества и иконописи за рубежом (среди них – храм Сергиева Подворья в Париже, храм на кладбище Сент-Женевье-де-Буа, храм-памятник в Мурмелон-ле-Гран на военном русском кладбище и др.⁵¹⁰).

Члены Общества понимали вою миссию скорее в сохранении древнего иконописного наследия, особо значимую в условиях уничтожения икон в Советском Союзе, «дабы впоследствии на родине быть в состоянии по мере сил

⁵⁰⁸ Озолин Н., протоиерей. Л. А. Успенский, инок Григорий и общество «Икона». Возрождение православного иконописания в русской эмиграции / Искусство христианского мира: сб. ст. Вып.8. – М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 2004. – С. 378.

⁵⁰⁹ Шнейдер И. В. Общество Икона ... С. 31.

⁵¹⁰ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). – Париж: Librairie des cinq continents, 1971. – С. 211.

помочь делу воскрешения и восстановления исчезнувших икон и внутреннего благолепия заброшенных храмов»⁵¹¹.

Начиная с 1928 года Обществом было организовано свыше сорока выставок, главным образом в Париже и Брюсселе, в экспозиции были объединены старые иконы из коллекций, хранящихся в Западной Европе и новые иконы, созданные благодаря Обществу⁵¹².

В 1931 году протоиерей Сергей Булгаков опубликовал «догматический очерк», озаглавленный «Икона и иконопочитание»⁵¹³, который был по сути первой попыткой объяснить православным, что есть икона.

В 1952 году вышла в свет книга Леонида Успенского в соавторстве с Владимиром Лосским «Смысл икон», в которой определялось место образа в православном Предании и его специфика в русле данного Предания⁵¹⁴. Георгий Фроловский следующим образом оценил значение данной работы: «Эта книга – поистинне научный подвиг. Возможно, это первая попытка трактовать иконы как свидетельство веры»⁵¹⁵. А в 1980 году на французском языке был издан главный труд Л. Успенского - „Богословие иконы“ в Православной Церкви (Русское издание в 1989).

Таким образом, свидетельство православных на Западе через искусство заключалось главным образом в возрождении подлинно литургического образа иконы, и подлинно литургического, молитвенно-богослужебного песнопения. Именно в этом могла проявиться душа православия, его внутреннее, молитвенное состояние, которое лучше других выполняло свою миссию среди людей, не знавших или мало знавших православие. Выставки икон стали импульсом к появлению исследований по иконологии⁵¹⁶.

⁵¹¹ Шнейдер И. В. Общество Икона... С. 32.

⁵¹² Озолин Н., протоиерей. Л. А. Успенский, инок Григорий и общество «Икона»... С. 378.

⁵¹³ Там же. С. 381.

⁵¹⁴ Смысл икон // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. – 1952. – №11, июль. – С. 31–32.

⁵¹⁵ Озолин Н., протоиерей. Л. А. Успенский, инок Григорий и общество «Икона»... С. 392.

⁵¹⁶ См: Успенский Л. Библиография // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. – 1965. – №50, апрель - июнь. – С. 128–131.

Заключение третьей главы

Таким образом, многие русские эмигранты из изгнанников становятся посланниками в мир, свидетельствуя о Православии. Их свидетельство жизнью, деятельностью и творчеством имеет свое основание в православном миссионерстве подвижников благочестия „Святой Руси“. Вынужденную встречу с западными христианами, с их культурно-религиозной традицией лучшие представители церковной эмиграции восприняли как возможность свидетельства и взаимного обогащения. Делясь опытом Православия, указывая на утраченные традиции католичества и протестантизма, они обращали внимание и на достижения западных христиан. Православная Церковь не занималась прозелитизмом, основывая свое свидетельство на любви. Большинство церковных деятелей, религиозных мыслителей идею единения христиан мыслили как возвращение к древней апостольской вере, которую Православие сохранило. В деле ознакомления с православием западных христиан большую роль сыграло православное искусство: церковное пение и икона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глубокий духовный кризис, нестроения в Российской империи породили Октябрьскую революцию 1917 года, следствием которой стало массовое эмигрирование и зарождение феномена русской церковной эмиграции. Это событие способствовало появлению особой церковной миссии, которую постепенно приняла на себя эмигрировавшая часть Русской Православной Церкви. В итоге с судьбой русского православного зарубежья оказалась тесно связана судьба Православия на Западе.

Проанализировав результаты пастырско-миссионерской деятельности и богословские и религиозно-философские труды русских эмигрантов во Франции с 1920 по 1970 годы, приходим к выводу, что их церковная миссия в данный период разделялась на внутреннюю, охранительную и внешнюю, что в совокупности способствовало распространению Православия на Западе.

Непосредственному свидетельству о Православии предшествовала духовная миссия внутри самой эмиграции, которая заключалась в разработке новых и адаптации старых методов пастырско-миссионерской деятельности. Духовное состояние эмигрировавших из России людей, в своем большинстве, было удручающим, поэтому перед пастырями встало множество задач по духовному воспитанию и пастырскому попечению эмиграции. Повсеместно в местах проживания русских эмигрантов образовывались приходы, по возможности возводились храмы. Эмигрировавшая часть Русской Церкви занялась воспитательной и просветительской деятельностью, что способствовало подлинному воцерковлению жизни. Именно в эмиграции русские священники смогли в разнообразных обновленных формах работы с различными слоями населения выработать принципы работы с молодежью и старшим поколением. Опыт применения их форм работы является актуальным и необходимым для Русской Православной Церкви сегодня.

Итогом внутренней миссии явилось то, что Православная Церковь стала объединительным началом для „разрозненного эмигрантского народа“, его

духовным, культурным и социальным центром, единственной опорой и надеждой для людей, потерявших не только все старые блага, но и многие идеалы. Через пережитые потрясения многие эмигранты, включая интеллигенцию, пришли к Богу, переосмыслили свои старые жизненные ценности и идеологические приоритеты. Они как бы заново вернулись к Православию, видя в нем „Свет Истины“.

Сохранение преемственности и опыта русской богословской науки, духовности и ее развитие являлось охранительной миссией русской церковной эмиграции. За рубежом в среде интеллигенции желанная свобода была осмыслена в свете Православия. Почувствовав духовную свободу, которую их соотечественники не могли иметь в России, и которую они сами не в полной мере имели до изгнания, многие выдающиеся церковные деятели, богословы и религиозные мыслители осознали, что они несут ответственность пред Богом и Отечеством за данную им внутреннюю творческую свободу. Основанная в Париже в 1925 году богословская школа – Свято-Сергиевский Богословский Институт – не только готовила пастырей для растущих эмигрантских приходов, но и стала духовно-просветительским центром, объединила находившихся в рассеянии церковных деятелей, богословов, религиозных мыслителей. Их особой заслугой является то, что своей научной деятельностью они не только развили дореволюционное богословие, но и затронули широкий спектр новых вопросов и проблем, в то время как в Советском Союзе богословская наука практически не развивалась. Многочисленные литературные труды деятелей церковной эмиграции в своей совокупности вошли в историю под названием „Парижское богословие“. Впервые в истории Русской Православной Церкви творения русских мыслителей издаются в культурном центре Европы в таком большом количестве на иностранных языках. В этом заключалось их исключительное свидетельство о Православии. Особое значение в развитии православной мысли имели периодические издания „Путь“, „Новый град“,

„Вестник РСХД“, которые несли миссию духовного просвещения, призывали задуматься над духовными задачами эмиграции.

Внешняя миссия русской церковной эмиграции заключалась в непосредственном свидетельстве о Православии среди инославных. До вынужденной встречи с западными христианами русская интеллигенция редко интересовалась церковной жизнью на Западе, не поднимала проблематику взаимоотношений христиан Востока и Запада, и не проявляла интереса к делу сближения христиан. В свою очередь западные христиане имели только поверхностные и часто неправильные знания о Православии, его традициях и обрядах. Русская церковная эмиграция, как носительница живой православной культуры и духовности, через непосредственное общение с западными христианами открыла для них Православие. Церковные деятели, богословы, религиозные мыслители ставили своей целью не массовое обращение в „свою веру“ западных христиан, а распространение свидетельства о Боге, об истине, о Предании древней Церкви. Русские религиозные мыслители помогали западным христианам возвратиться к утраченной ими древней апостольской традиции, которая в Православии сохранилась со всей полнотой. Такое эмигрантское миссионерство проходило как на высоком интеллектуальном уровне, так и на бытовом житейском, и имело свое основание в христианской любви и миролюбии.

Появление русской послереволюционной эмиграции совпало с зарождением движения по воссоединению христиан. Взгляды русских религиозных мыслителей на сущность экуменического движения расходились, однако все мнения были едины в понимании необходимости свидетельства о богатом духовном опыте Православия. Церковные деятели также считали, что общими усилиями легче вести борьбу с антихристианским миром. Православные становились посредниками в католическо-протестантском диалоге.

Присутствие православных христиан на Западе дало возможность не только свидетельства, но и взаимообогащения. Через византийскую литургию, церковные песнопения и древнерусскую икону Православная Церковь помогла западным христианам прикоснуться к первохристианской апостольской традиции. А западные христиане показали православным пример в организационной работе, педагогической и социальной сферах.

Пастырско-миссионерский опыт русской церковной эмиграции во Франции должен быть осмыслен и использован в миссионерской работе Православной Церкви.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные материалы:

1. Архив Свято-Сергиевского Богословского Института в Париже.
2. Личный архив протоиерея Бориса Бобринского, профессора Свято-Сергиевского Богословского Института.
3. Личный архив протоиерея Николая Озолина, инспектора Свято-Сергиевского Богословского Института.

Источники и литература:

4. Библия, или Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Киев: Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра; Феникс, 2007. – 1408 с.
5. Auf dem Weg ins dritte Jahrtausend. Beitr'ge des Ersten Internationalen Symposions zum dritten christlichen Jahrtausend, Novgorod, 20-25 may 1998, Regensburger Ostkirchliches Institut. – Regensburg, 1998. – 302 s.
6. Ent-Grenzen. Intellektuelle Emigration in der russischen Kultur des 20. Jahrhunderts / Hrsg. Peter Lang. – Frankfurt/Mein: Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2006. – 217 s.
7. Kniazeff A. L'Institut Saint-Serge. De l'Académie d'autrefois au rayonnement d'aujourd'hui. – Paris: Beauchesne, 1974. – 148 p.
8. Russische Emigration im 20 Jahrhundert. Literatur – Sprache – Kultur /. Frank Gbler unter Mitarbeit von Ulrike Lange. – München: Otto Sagner, 2005. – 411 s.
9. Tausend Jahre Taufe Russlands. Russland in Europa. Beiträge zum Interdisziplinären und Ökumenischen Symposium in Halle (Saale), 13-16 April, 1988 / Hrsg. Hermann Goltz unter Mitarbeit von Axel Meißner und Peter Weniger. – Halle: Evangelische Verlagsanstalt. – 822 s.
10. Tausend Jahre zwischen Wolga und Rhein. Internationales Symposium zum Millenium der Taufe der Rus im Auftrag der Ökumene-Kommission der Deutschen Biscchofskonferenz, Regensburg, 21-26 April, 1987 / Hrsg. Albert

- Rauch und Paul Imhof SJ. – Regensburg: Neue Stadt München-Zürich, 1988. – 435 s.
11. Абрамов А.И. Предисловие / Путь (№№ 1-61). – Т.1. – М.: Информ-Прогресс, 1992. – С. 4–6.
 12. Аверкий (Таушев), архиепископ. Проповедь. О необходимости усиленной внутренней миссии в нашей Русской Зарубежной Церкви // Русский Пастырь. Русский православный пастырский журнал воспитанников Свято-Троицкой духовной семинарии. – 1998. – №30. – С.13–23.
 13. Александров И. О значении Русского Экзархата Вселенского Патриарха в Западной Европе // Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. Париж-Нью-Йорк. – 1960. – №56. – С. 17–20.
 14. Антоний (Блюм), митрополит Сурожский. Наблюдайте как вы слушаете / Состав. Е. Л. Майданович. – М.: Фонд содействия образованию XXI века, 2004. – 541 с.
 15. Антоний (Блюм), митрополит Сурожский. Труды: В 2-х кн. / Ред.-состав. Е. Л. Майданович. – Кн. 1. – М.: Практика, 2002. – 1080 с. – Кн. 2. – М.: Практика, 2007. – 986 с.
 16. Аржаковский А. А. Журнал Путь (1925-1940): Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции. – К.: Феникс, 2000. – 665 с.
 17. Арсеньев Н. Дары и встречи жизненного пути. – Франкфурт/Майн: Посев, 1974. – 308 с.
 18. Арсеньев Н. Единый поток жизни. К проблеме единства христиан. – Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1973. – 271 с.
 19. Арсеньев Н. Лозаннская конференция // Путь. – 1928. – №10, апрель. – С. 102–112.
 20. Арсеньев Н. О современном положении христианства. – Варшава, 1927. – 15 с.
 21. Арсеньев Н. Проблемы церковного единения. Православие, Католичество, Протестантизм. – Париж: YMCA-PRESS, 1930. – 175 с.

22. Арсеньев Н. Работа смешаной богословской комиссии по вопросу о сближении Англиканской и Православной Церквей. – Варшава: Синодальная типография, 1932. – 24 с.
23. Арсеньев Н. Современные течения в католичестве и протестантизме в Германии // Путь. – 1925. – №1, сентябрь. – С. 161–169.
24. Безобразов С. С. Русский Православный Богословский Институт в Париже // Путь. – 1925. – № 1, сентябрь. – С. 128–134.
25. Бердяев Н. А. Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал “Путь” (к 10-летию журнала “Путь”) // Путь. – 1935. – № 49. – С. 3–22.
26. Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). – М.: Международные отношения, 1990. – 336 с.
27. Бердяев Н. Вселенскость и Конфессионализм / Христианское воссоединение. Экуменическая проблема в православном сознании. Сб. ст. – Париж: YMCA-PRESS, 1933. – С. 63–81;
28. Бердяев Н. Истина Православия // Вестник Русского Западно–Европейского Патриаршего Экзархата. – 1952. – №11. – С. 5–9.
29. Братство Святой Анастасии в Ментоне. Исторический очерк. – Париж, 1928. – 15 с.
30. Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. – Париж: YMCA-PRESS, 1946. – 150 с.
31. Булгаков С., протоиерей. Об особом религиозном призвании нашего времени // Духовный Мир Студенчества (Оттиск журнала).– Прага. – 1923. – №3. С. 1–7.
32. Булгаков С., протоиерей. При реке Ховаре. Речь на акте в 10-летие Парижского Богословского института // Путь. – 1935. – № 47, апрель-июнь. – С. 66–70.
33. Булгаков С., протоиерей. Путь Парижского Богословия. М.: Издательство храма святой мученицы Татианы, 2007. – 560 с.

34. Булгаков С., протоиерей. Радость Церковная. Слова и Поучения. – Париж: Братство имени преподобного Сергия и Объединение православное дело, 1938. – 97 с.
35. Булгаков С., протоиерей. У кладезя Иакова / Христианское воссоединение. Экуменическая проблема в православном сознании. Сб. ст. – Париж: YMCA-PRESS, 1933. – С. 9–32.
36. Бунаков И. Пути освобождения // Новый Град. – 1931. – №1. – С. 31–48.
37. Буткевич А.Т. Братство имени преп. Сергия Радонежского // Церковный Вестник Западно-Европейской Епархии. – 1947. – №4, январь. – С.20–22.
Зеньковский В., протоиерей. Духовно-воспитательная работа Богословского Института // Вестник русского христианского движения. Париж-Нью-Йорк-Москва. – 1985. – №145. – С. 246–254.
38. Буткевич А.Т. Братство имени преп. Сергия Радонежского // Церковный Вестник Западно-Европейской Епархии. – 1947. – №4, январь. – С. 20–22.
39. Вейдле В. В. Богословский Институт / Личный архив протоиерея Бориса Бобринского, профессора Свято-Сергиевского Богословского Института.
40. Вениамин (Федченков), митрополит. Россия между верой и безверием. – М.: РДКН, 2003. – 624 с.
41. Гаккель С., протоиерей. Мать Мария (1891-1945). – Париж: YMCA-PRESS, 1992. – 180 с.
42. Гейер Ф., пастор. Беседа о Лютеранской Церкви с православными христианами. – Издание РСХД в Германии, б.г. – 24 с.
43. Глубоковский Н. Христианское единение и богословское просвещение в православной перспективе // Путь. – 1926. – № 4, июнь-июль. – С. 139–144.
44. Голубцов С. Московское духовенство в преддверии и начале гонений 1917-1922 гг. М.: Изд-во Правосл. братства Споручницы грешных, 1999. – 192 с.
45. Духовные задачи русской эмиграции // Путь. – 1925. – №1. – С. 3–8.
46. Евдокимов П. Движение богословской мысли на Западе / Архив Свято-Сергиевского Богословского Института. – Париж, б. д. – 95 с.

47. Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам М. Манухиной. – Париж: YMCA-PRESS, 1947. – 677 с.
48. Езерский Н., иерей. Приходская работа, ее задачи и затруднения // Церковный Вестник Западно-Европейской Епархии. – 1932. – №9, сентябрь. – С. 11–16.
49. Ельчанинов А., священник. Записи / ред. Алешин Е., Ельчанинова Т. – М.: Отчий дом, 2004. – 251 с.
50. Жаба С. За други своя // Вестник РХД. – 1980. – № 131. – С. 333–335.
51. За рубежом: Белград–Париж–Оксфорд. Хроника семьи Зерновых (1921–1972). – Париж, 1973. – 561 с.
52. Зандер В. А. Путь моей жизни // Вестник РХД. – 1984. – № 142. – С. 271–287.
53. Зандер Л. А. Песнь Господня. – Париж: Лев, 1981. – 97 с.
54. Зандер Л. Хроника Богословского Института. В обители преподобного Сергия (Храм Сергиевского Подворья) // Православная Мысль. Труды православного Богословского Института в Париже. – 1930. – Выпуск II. – С. 188–199.
55. Заявление Православных Участников на Первой Всемирной Конференции „Вера и Церковное устройство“, Лозанна, август, 1927 год / Православие и экуменизм. Документы и материалы 1902–1998. М.: МФТИ, 1999. – С. 76–79.
56. Зеленая лампа. Беседа III // Новый корабль. – 1927. – № 2. – С 1–4.
57. Зеньковский В. В. Православная Церковь и Русское Студенчество / Наши Новые Пути. – Париж, б.г. – С. 28–31.
58. Зеньковский В. В. Церковь и школа // Вопросы религиозного воспитания и образования. – 1927. – В.1. – С. 47–49.
59. Зеньковский В., протоиерей. Духовно-воспитательная работа Богословского Института // Вестник русского христианского движения. Париж-Нью-Йорк-Москва. – 1985. Trimestriel III. – №145. – С. 253–254.

60. Зеньковский В., протоиерей. Зарождение РСХД в эмиграции // Вестник РХД. Париж-Нью-Йорк-Москва. – 1993. – № 168. – С. 82–84.
61. Зеньковский В., протоиерей. Пять месяцев у власти (15 мая–19 октября 1918 г.). Воспоминания. Материалы по истории Церкви. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1995. – 239 с.
62. Зернов Н. Вселенская Церковь и Русское православие. Париж: YMCA-PRESS, 1952. – 318 с.
63. Зернов Н. Закатные годы. – Париж: YMCA-PRESS, 1981. – 179 с.
64. Зернов Н. Русские писатели эмиграции: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, истории Церкви и православной культуре. – Бостон, 1973. – 182 с.
65. Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. – Париж.: YMCA-PRESS, 1974. – 382 с.
66. Зернов Н., Зернова М. Содружество святого мученика Албания и преподобного Сергия (исторический очерк) // Соборность: Статьи из журнала Содружества св. Албания и преп. Сергия. – М.: ББИ, 1998. – С. 10–37.
67. Иларион (Алфеев), епископ Венский и Австрийский. Православное свидетельство в современном мире. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. – 416 с.
68. Иларион (Алфеев), епископ. Богословие митрополита Сурожского Антония в свете святоотеческого Предания / Антоний, митрополит Сурожский. Труды: В 2-х кн. – Кн. 1. – М.: Практика. – 2002. С. 3–21.
69. Иларион (Алфеев), епископ. Православие: В 3-х т. – Т. I. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. – 864 с.
70. Иларион (Алфеев), иеромонах. Православное богословие на рубеже столетий. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1999. – 426 с.
71. Иоанн (Максимович), епископ Шанхайский. Духовное состояние русской эмиграции. Доклад Преосвященного Иоанна, епископа Шанхайского

- Собору Православной Русской Зарубежной Церкви с участием клира и мирян 9/22 августа 1938 года в Сремских Карловцах. – Белград, 1938. – С. 1–16.
72. Иоанн (Шаховской), архиепископ Сан-францисский. Избранное / Сост., авт. вступ. статьи Линник Ю.. – Петрозаводск: Святой остров (Фонд культуры Карелии), 1992. – 574 с.
73. Иоанн (Шаховской), архиепископ. Вера и достоверность. – Париж, 1982. – 265 с.
74. Иоанн (Шаховской), иеромонах. Почему я ушел из юрисдикции Митрополита Антония. – Париж: Православное-Миссионерское Книгоиздательство, Подворье Преподобного Сергия, 1931. – 23 с.
75. Каллист (Уэр), епископ Диоклийский. Православная Церковь. – М.: ББИ, 2001.– 375 с.
76. Карташев А. В. Бремя войны. Из истории Богословского института (1939 – 1946) / Вестник РХД. Париж-Нью-Йорк – Москва. – 2010. – № 196. – С. 240–254.
77. Карташев А. В. Как создавался Богословский Институт. Двадцатипятилетний юбилей Православного Богословского Института в Париже (1925-1950) // Церковный вестник Западно-Европейского Экзархата (оттиск из журнала). – 1925. – № 4 (25). – С. 1–17.
78. Карташев А. В. Как создавался Православный Богословский Институт в Париже // Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. Париж-Нью-Йорк. – 1964-1965. – № 75-76, IV, I. – С. 3–8.
79. Карташев А. В. Соединение церквей в свете истории / Экуменическая проблема в православном сознании. Сб. ст. – Париж: YMCA – PRESS, 1933. – С 82–120.
80. Кассиан (Безобразов), епископ. Слово ректора. Двадцатипятилетний юбилей Православного Богословского института в Париже // Церковный

- вестник Западно-Европейского Экзархата (Оттиск из журнала) . – 1950. – № 4 (25). – 17 с.
81. Киприан (Керн), архимандрит. Воспоминания. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2002. – 192 с.
82. Киприан (Керн), архимандрит. Литургика. Гимнография и эортология. – М.: Крутицкое подворье, 1997. – 149 с.
83. Киприан (Керн), иеромонах. Крины молитвенные. Сборник статей по литургическому богословию. – Белград, 1928. – 208 с.
84. Ковалевский П. Е. Дневники. 1918 – 1922. – Т. I. – СПб.: Европейский дом, 2001. – 574 с.
85. Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск. – Париж: Librairie des Cinq Continents, 1973. – 147 с.
86. Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). – Париж: Librairie des Cinq Continents, 1971. – 347 с.
87. Ковалевский П. Е. Исторический Путь России. Синтез русской истории по новейшим данным науки. – Ч. 1. – Париж , 1946. – 95 с.
88. Колосова В. О. Мысли о вере пассажиров философского корабля / Русская эмиграция в Европе (20-е – 30-е годы XX века). – М.: ИВИ РАН, 1996. – С. 110–116.
89. Конопаева Н. П. Предисловие / Ковалевский П. Е. Дневники. 1918-1922. – Т. 1. – СПб.: Европейский дом, 2001. – С. 5–14.
90. Котляровский С. А. Оздоровление // Из глубины. Сб. ст. о русской революции.– Сб. ст. о русской революции / ред. С. А. Аскольдов, Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Иванов, А. С. Изгоев, С. А. Котляревский, В. Муравьев, П. Новгородцев, И. Покровский, П. Струве, С. Франк. – Париж: YMCA-PRESS, 1967. – С. 215–221.
91. Кульман Г. Г. Западное и Восточное Христианство / Наши Новые Пути. – Париж, б. г. – С. 24–26.

92. Кульман Г. Г. Протестантизм и Православие // Путь. – 1926. – № 5, октябрь–ноябрь. – С. 93–96.
93. Культурное наследие русской эмиграции: 1917-1940: В 2-х кн. / Ред. Е. П. Чельшев, Д. М. Шаховской. – Кн. 2. – М.: Наследие, 1994. – 520 с.
94. Лосский Н. О. История русской философии. – М.: Советский писатель, 1991. – 480 с.
95. Манухина Т. Светлой памяти митрополита Евлогия // Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. – 1960. – №56. – С. 2–8.
96. Мария (Скобцова), монахиня. Воспоминания, статьи, очерки. – Т. 1. – Париж: YMCA-PRESS, 1992. – 332 с.
97. Мария (Скобцова), монахиня. На страже свободы / Православное дело. Сб. I. – Париж, 1939. – 145 с.
98. Мейендорф И., протоиерей. Православие и современный мир. – Мн.: "Лучи Софии", 1995. – 210 с.
99. Мейендорф И., протоиерей. У истоков зарубежного раскола // Вестник Русского Христианского Движения. Париж-Нью-Йорк-Москва. – 1987. – №151. – С. 254–260.
100. На Переломе. Три поколения одной московской семьи. Хроника семьи Зерновых (1812-1921) / ред. Зернов Н. – Париж: YMCA-PRESS, 1970. – 478 с.
101. Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. – М.: Родник, 1994. – 416 с.
102. Нивьев А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920-1995: Библиографический справочник / Библиотека-фонд „Русское Зарубежье“. – М.: Русский путь; Париж: YMCA-PRESS, 2007. – 576 с.
103. О поездках в Швейцарию хора Богословского Института в Париже // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. – 1934. – № 8, август. – С. 18–20.

104. Обмен посланиями между Вселенской Патриархией и Святейшим Правительствующим Синодом Российской Православной Церкви (1902-1905). Ответное послание Святейшего Правительствующего Синода ко Вселенской Патриархии (18 марта 1905 года) Фрагмент / Православие и экуменизм. Документы и материалы 1902-1998. – М.: МФТИ, 1999. – С. 62–64.
105. Образование и педагогическая мысль российского зарубежья, 20-50-е годы XX века: Тез. докл. и сообщ. Второй Всерос. науч. конф. “Образование и пед. мысль Рос. Зарубежья. 20-50 гг. XX в.”, Саранск, 16-18 окт. 1997 г. / Под ред. Осовского Е.Г. – Саранск, 1997. – 105 с.
106. Озолин Н., протоиерей. К семидесятилетию русского православного Богословского Института Преподобного Сергия Радонежского в Париже // Вестник РСХД. – 1996. – № 174. – С. 258–272.
107. Озолин Н., протоиерей. Л. А. Успенский, инок Григорий и общество «Икона». Возрождение православного иконописания в русской эмиграции / Искусство христианского мира: сб. ст. Вып.8. – М.: Изд-во. Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 2004. – С. 374–396.
108. Основные проблемы диалога церкви с обществом и опыт русской эмиграции. Вера – диалог – общество: проблемы диалога церкви и общества: памяти С. С. Аверинцева. Материалы Международной научно-богословской конференции (Москва, 29 сентября – 1 октября 2004 г.) / Ред. Н. А. Струве. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2005. – 496 с.
109. Отчет о деятельности Православного Богословского Института за трехлетие 1927 – 1930 годов // Православная мысль. Труды Православного Богословского Института в Париже. – 1930. – Выпуск II. – С. 200–209.
110. Плюханов Б. В. РСХД в Латвии и Эстонии: Материалы к истории Русского студенческого христианского движения. – Париж: YMCA-PRESS, 1993. – 189 с.

- 111.Полторацкий Н. Бердяев и Россия. Философия истории России у Н. А. Бердяева. Общество Друзей Русской Культуры. – Нью-Йорк, 1967. – 241 с.
- 112.Попов А. В. Три завета: духовное наследие русской интеллигенции в эмиграции // Материалы конференции Российская интеллигенция: критика исторического опыта, 1–2 июня 2001 г. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. – С. 100–101.
- 113.Поспеловский Д. В. Русская православная Церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – 511 с.
- 114.Православие и экуменизм. Документы и материалы 1902-1998. – М.: МФТИ, 1999. – 496 с.
- 115.Православный календарь на 1992 год – Вильнюс: Изд-во Швиеса. – С. 368.
- 116.Протокол заседаний благочиннического съезда духовенства юга Франции Западно-Европейских Православных Русских церквей, состоявшегося в Ницце 1-3 февраля 1932 года // Церковный Вестник Западно-Европейской Епархии. – 1932. – №4, апрель. – С. 17–22.
- 117.Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции, 1919-1939 / пер. с англ. А. Ратобыльской. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – 295 с.
- 118.Русская религиозная мысль на немецком языке // Путь. – 1926. – № 3, март-апрель. – С. 151–152.
119. Русская эмиграция в Европе (20-е – 30-е годы XX века). Сб. ст. / Ред. Беляев С. А., Пономорева Л. В., Степанов Л. Ю. – М.: ИВИ РАН, 1996. – 268 с.
- 120.Сахаров Н., протоиерей. Православие и католичество. – Париж, 1926. – 48 с.
- 121.Святитель Феофан Затворник. Любовью назидая. Слова и Проповеди. – М.: Правило веры, 2002. – 668 с.
- 122.Свято-Сергиевское Подворье в Париже. К 75-летию со дня основания. – СПб.: Алетейя, 1999. – 260 с.
- 123.Сергиевское Подворье в Париже. К десятилетию со дня открытия. – Париж: Издание прихода при храме преп. Сергия Радонежского на подворье, 1935. – 19 с.

124. Служебник. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. – 592 с.
125. Смирнова Н. Достопримечательные русские церкви и кладбища. Архиепископия Православных Русских Церквей в Западной Европе. – Париж, 2001. – 232 с.
126. Смысл икон // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. – 1952. – №11, июль. – С. 30–42.
127. Собрание православных, католиков и протестантов в Париже // Путь. – 1926. – № 3, март-апрель. – С. 150–151.
128. Спекторский Е. В. Эпохи русской культуры / Записки Русской Академической Группы в США. – Том IV. – Нью-Йорк, 1970. – С. 163–182.
129. Стамулис Я. Православное богословие миссии сегодня. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2003. – 448 с.
130. Степун Ф. Путь творческой революции // Новый Град. – 1931. – №1. – С. 8–20.
131. Струве Г. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы. – Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1956. – 395 с.
132. Струве Н. А. Православие и культура. 2-е изд. – М.: Русский путь, 2000. – 335 с.
133. Струве Н. Духовное наследие митрополита Евлогия // Вестник Русского Христианского Движения. Париж-Нью-Йорк-Москва. – 2006. – №191. – С. 3–5.
134. Струве Н. Отец Александр Шмеман – Новый Апостол Америки, Пастырь, Человек // Вестник Русского Христианского Движения. Париж – Нью-Йорк – Москва. – 1987. – I. – №149. – С. 71–83.
135. Струве П. Предисловие издателя // Из глубины. Сб. ст. о русской революции / ред. С. А. Аскольдов, Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Иванов, А. С.

- Изгоев, С. А. Котляревский, В. Муравьев, П. Новгородцев, И. Покровский, П. Струве, С. Франк. – Париж: YMCA-PRESS, 1967. – С. 5–25.
136. Сулаков А., иерей. Богословские воззрения Блаженнейшего Антония (Храповицкого), Митрополита Киевского и Галицкого. – Диссертация ... кандидата богословия. – Жировичи, 2008. – 190 с.
137. Успенский Л. А. Богословие иконы Православной Церкви. – Париж: Издательство Западно-Европейского Экзархата Московского Патриархата, 1989. – 479 с.
138. Успенский Л. Библиография // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. – 1965. – №50, апрель-июнь. – С. 128–131.
139. Успенский Л. На путях к единству. – Париж: YMCA-PRESS, 1987. – 42 с.
140. Успенский Л. О Православной иконе // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. – 1950. – №2-3. – С. 36–43.
141. Успенский Л. С. По поводу одной из тем будущего предсобора // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. – 1965. – №49, январь-март. – С. 55–63.
142. Филарет (Вахромеев), митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси // Церковная Миссия Русской Эмиграции: Доклад на международной конференции «Православное богословие и Запад в XX веке: история встречи» // Труды Минской Духовной Академии. – 2005. – Спецвыпуск. – С. 77–82.
143. Флоровский Г., протоиерей. Пути русского богословия. – Париж: YMCA-PRESS, 1983. – 574 с.
144. Франк С. Л. De profundis / Из глубины. Сб. ст. о русской революции / ред. С. А. Аскольдов, Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Иванов, А. С. Изгоев, С. А. Котляревский, В. Муравьев, П. Новгородцев, И. Покровский, П. Струве, С. Франк. – Париж: YMCA-PRESS, 1967. – 311 с.

145. Христианство и современная жизнь / Христианский студенческий съезд во Франции. Материалы съезда, Аржеронн, июль, 1925 / Ред. Зандер Л. А. – Париж, 1925. – С. 3–47.
146. Цыпин В., протоиерей. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. – 816 с.
147. Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь (нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на территории СССР). – М.: Крутицкое подворье; Общество любителей церковной истории, 2002. – 521 с.
148. Шмеман А., протоиерей. Введение в литургическое богословие. – Париж, 1961. – 247 с.
149. Шмеман А., протоиерей. Великий пост. – Париж: YMCA-PRESS, 1986. – 274 с.
150. Шмеман А., протоиерей. За жизнь мира. – Нью Йорк, 1983. – 103 с.
151. Шмеман А., протоиерей. Проповеди и беседы. – М.: Паломник, 2000. – 206 с.
152. Шмеман А., протоиерей. Русское богословие за рубежом / Русская религиозно-философская мысль XX века. – Питсбург, 1975. – С. 75–79.
153. Шмеман А., протоиерей. Церковь, мир, миссия: Мысли о православии на Западе. – М.: Свято-Тихоновский богословский институт, 1996. – 267 с.
154. Шнейдер И. В. Общество Икона // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. – 1931. – № 1. – С. 30–32.
155. Шуберт В. Европа и душа Востока. – М.: Русская Идея, 1997. – 448 с.
156. Эмиграция и репатриация в России / ред. В. А. Ионцев, Н. М. Лебедева, М. В. Назаров, А. В. Окороков. – М.: Попечительство о нуждах Российских репатриантов, 2001. – 490 с.
157. Энцо Бьянки. Свидетельство духовной традиции православия христианскому Западу. Международные конференции в Бозе (1993-2006 гг.)

Пер. с итал. Татьяны Кольцевой // Символ. Журнал христианской культуры, основанный Славянской библиотекой в Париже. – 2007. – № 52. – С. 205–222.

158.Юрьев В., протоиерей. Церковно-приходские школы // Церковный Вестник Западно-Европейской епархии. – 1947. – №5, март. – С. 11–12.

Материалы Всемирной сети Интернет:

159.Бунин И. А. Миссия русской эмиграции. Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 года // Библиотека-фонд „Русское Зарубежье“ [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: http://zarubezhie.narod.ru/texts/chss_0076.htm. – Дата доступа: 18.09.2008.

160.Веб-сайт о митрополите Антонии Сурожском (Блюм) / Электронная библиотека „Митрополит Сурожский Антоний“ [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.metropolit-anthony.org.ru>. – Дата доступа: 11.02.2009.

161.Веб-сайт Содружества святого Албания и преподобного Сергия [Электронный ресурс] – 2009. – Режим доступа: <http://www.sobornost.org/>. – Дата доступа 11.01.2009.

162.Мать Мария (Скобцова). Типы религиозной жизни. – Париж, 1937 // Мать Мария [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://www.meremarie.com/232.htm>. – Дата доступа: 20.11.2008.

163.Певцов Р. Русская богословская наука в эмиграции // Образование и Православие [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: www.orthedu.ru/ch_hist/nauka_v_emig.htm. – Дата доступа: 15.10.2008.

164.Педагогическая наука в изгнании 20-50 гг. // Российское Зарубежье [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://pedagogics.narod.ru/obzor/zarub1.htm>. – Дата доступа 29.06.2010.

165.Пио-Ульский Г. Н. Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. Доклад, прочитанный в 1938 году в Союзе русских

- инженеров в Белграде // Духовные информационные листки из Зарубежной Руси [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.dorogadomoj.com>. – Дата доступа 9.10.2009.
166. Питирим (Нечаев), митрополит. Воспоминания. Русская эмиграция // Православие [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/put/1122123113.htm>. – Дата доступа: 12.05.2009.
167. Поспеловский Д. Роль русского зарубежья в распространении Православия // Альфа и Омега. – 1994. – №1 // Альфа и Омега [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://aliom.orthodoxy.ru/arch/001/001-posp.htm>. – Дата доступа: 12.03.2009.
168. Предраг Драгич Киюк. Восток на запад. Русские эмигранты в православной сербской культурной среде // Русское Воскресение. Православие, самодержавие, народность [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.voskres.ru/bratstvo/kiyuk.htm>. – Дата доступа: 1.03.2010.
169. Российский Фонд культуры. Карельское отделение. Центр изучения духовной культуры русского зарубежья. – Петрозаводск, 1990. – С. 3 // Русская идея [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.rusidea.org/?a=431000>. – Дата доступа: 18.12.2009.
170. Шмеман А., протоиерей. Русское богословие 1920-1972. Вводный обзор / Веб-сайт об о. Александре Шмемане [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://www.schmemann.org/byhim/russiantheology.html>. – Дата доступа: 12.03.2008.
171. Шулепова Э. А. Роль и место Православной Церкви в процессе адаптации русской эмиграции // Культурная миссия Российского Зарубежья: История и современность. Сб. ст. – М.: Российский институт культурологии, 1999. – С. 21-27 // Научная Сеть [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1188500>. – Дата доступа: 15.01.2009.
172. Юрьева Т. В. Традиция строительства храмов-памятников в архитектуре русского зарубежья // Вестник Воронежского Государственного

Университета. Серия: Филология. Журналистика. Воронеж. – 2005. – №2. – С. 209 // Вестник Воронежского Госуниверситета [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: http://www.vestnik.vsu.ru/program/view/view.asp?sec=phylolog&year=2005&num=02&f_name=yurieva. – Дата доступа. – 11.10.2008.

173. Филарет (Вахромеев), митрополит Минский и Слуцкий. Богословие — дело Церкви // Труды МДА. – 2003. – №2 // Веб-сайт Минских Духовных Школ [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://minds.by/academy/trudy/2/title.html>. – Дата доступа: 25.01.2010.